

АНТОНИНА ЩЕРБАК-КОРЗУН

ОТЧИЗНА

минус Я

Саратов

2017

УДК 82.31

ББК 84 (2 Рос=Рус)

Щ61

Антонина Щербак-Корзун

ОТЧИЗНА МИНУС Я / А. Щербак-Корзун.-Саратов: «Армита».-328 с.

ISBN 978-5-9500373-5-1

А.Щербак-Корзун, 2017.

Я посвящаю эту книгу женищинам с трагической судьбой, моим матери Нине Дмитриевне Корзун и бабушке Марии Станиславовне Броневицкой.

Женищинам с высочайшей силой духа, выдержкой, терпением, бесконечной верой в добро. Женищинам, без вины попавшим под жернова страшной исторической несправедливости с именем «раскулачивание», быстро и безжалостно вырванным из благодатной отчизны, лишенным близких людей, наказанным только за то, что умели и любили хозяйствовать, возделывать родную землю, трудиться, не покладая рук, с утра до ночи. Но не сломавшимся, не сошедшим с ума от ужаса происходящего, а выстоявшим, сохранившим веру в Бога, в лучшее будущее, полюбившим свою новую суровую родину. Я восхищаюсь ими, я горжусь родством с такими замечательными женищинами и предлагаю Вам, дорогие читатели, историю их жизненного подвига. Светлая им память.

Глава первая.

Летнее утро было ясным, солнечным, с приятным теплым ветерком с востока. Солнце уже полностью вышло из-за горизонта, по-хозяйски оглядывая все то, что ему предстояло греть и освещать в новый, только что родившийся, день. Хотя, скорее всего, это только казалось, и великому светилу было абсолютно безразлично, что творится на земле.

А на земле в это время открывались в домах окна, поднимались шторы и жалюзи, распахивались двери многочисленных гаражей. Маленькие и большие, дорогие и не очень, сверкающие и забрызганные вчерашней грязью, прочно утвердившиеся в нашем веке «их величества» автомобили заполняли постепенно дороги, урча и обгоняя пока еще редких пешеходов. Городок просыпался и начинал жить обычной ежедневной жизнью.

Он был небольшим, и ему больше подходило звание большого села, потому что и домов высоких и многоквартирных было не так много, и улицы, расходясь от центра, все больше были застроены добротными одноэтажными особняками или двухквартирными домами с обязательными прилегающими огородами. Но все же это был городок, городок – и точка! Тем более, что улицы были покрыты асфальтом, население было многочисленным, основное занятие горожан – добыча и транспортировка нефти - серьезным.

День также начинался, и, вроде бы, неплохо, на одной из улиц городка, бравшей свое начало от центральной магистрали, и пролежавшей параллельно другой, тоже центральной, улице, терявшейся совсем уж где-то на окраине, почти у самого леса, окружавшего со всех сторон городок. Вернее, с трех сторон, потому что с четвертой несла свои воды могучая полноводная река, такая, какой только и бывают большие сибирские реки.

Метрах в трехстах от начала улицы среди крепких одноэтажных домиков стоял красавец дом. Его наименование можно было бы произносить и с большой буквы, так как он того стоил. Кирпичный среди деревянных, двухэтажный, без всяких архитектурных излишеств, которые столь модны в

наше время, и которые зачастую или не вписываются в общий стиль постройки, или совсем портят в общем-то неплохой первоначальный проект. Этот же дом стоял на небольшом пригорке, совсем не казался большим при достаточной, в двести квадратов, площади, и как бы стремился вверх. Дом был добротным, с правильными пропорциями, без всяких элементов готики в виде островерхих башенок, фигурок из металла, венчающих такие башенки. Украшением служил полукруглый балкон, отделанный зелеными панелями, с зеленой же ажурной решеткой, и с обилием ящиков и ваз с яркими разноцветными вьющимися цветами. Большие окна сверкали чистыми стеклами, сквозь них были видны красивые шторы из тюля и модной невесомой органзы, опять же цветы в горшках. Привлекали внимание два окна на втором этаже необычной формы, в виде половины арки каждое. Если их соединить в прямую линию, получился бы правильный полукруг.

Дом был красив, притягивал взгляды прохожих и водителей проезжающих машин. Не раз слышался визг тормозов зазевавшегося автомобилиста, который рисковал угодить в забор или кювет, заглядевшись и забыв сбавить скорость.

Казалось, что в таком красивом доме и жизнь красива и таинственна. Хотелось хоть на маленькую чуточку заглянуть внутрь, прикоснуться к этой жизни, пройти в качестве хозяина или хозяйки по мощеным дорожкам вокруг дома, по ухоженному цветнику, занимавшему большую площадь, подняться на шикарное крыльцо, или быть любым другим образом причастным к этой таинственности и красоте.

Да, о крыльце нужно сказать особо. Оно было таким, каким и должно быть у такого большого дома. Высокое, в пять полноценных ступеней, полукруглое, своими обводами повторяющее форму балкона, выложенное красной резной плиткой. Дорожки из фигурных плиток разбегались от крыльца: одна – в цветник, вторая – к стоящему поодаль гаражу, третья – к калитке, ведущей на улицу. Калитка же была без преувеличения произведением искусства, составной частью металлического зеленого забора и прекрасно гармонировала с ним. И если забор был, можно сказать, строгим

и элегантным, то узор калитки напоминал принцессу, резвящуюся на балу – легкую, танцующую, с маленькой аркой в виде короны.

Что и сказать, дом был необычен. Подобные особняки и коттеджи в городке, конечно же, были, но этот был особенным. Все говорило о любви к нему. На доме лежала печать индивидуальности, что ли, полета творчества и безупречного вкуса.

В доме уже не спали, и, пока солнце лучом пыталось отодвинуть шторы, чтобы напомнить о себе, о том, что просто грешно в такое утро терять время на сон, входная дверь открылась, и на крыльцо вышла хозяйка. Женщина взглянула на небо, улыбнулась пытливому солнышку, мимоходом поправила, словно погладила, стебли яркой петунии в напольной вазе у входа, спустилась в цветник и огляделась, решая, какие цветы ей срезать для домашнего букета. Выбирать было из чего: крупные розовые и желтые георгины, разноцветная россыпь астр, желтый нивяник, белая лаватера.

С поистине королевским величием прямо и строго держались гладиолусы, а с королевской грацией – красавицы лилии. На обрамление букета прямо-таки просилась белоснежная гипсофила, а скромные львиный зев и анютины глазки и вовсе не надеялись попасть в этот букет.

Сад пел. И если его разноголосое пение никто не слышал, то уж хозяйке оно было слышно точно. Она долго стояла, словно к чему-то прислушиваясь, и что же она могла слышать, как не прекрасное пение сада?

Вот только глаза у женщины были покрасневшими от слез. Мало заметные морщинки вокруг глаз, явно поплывший овал лица говорили о возрасте примерно пятидесяти – пятидесяти пяти лет. Короткая стрижка молодила ее, чистый русый цвет волос был собственным, не обезличенным никакой краской для волос. Чуть ниже среднего роста, с фигурой не девичьей, конечно же, но и не бесформенной, с приятными чертами лица, голубыми глазами – то есть самая обыкновенная женщина своих лет, но еще далеко не старая или, можно сказать, хорошо сохранившаяся, то ли в силу особенностей своего здоровья, то ли потому, что просто не хотела стареть. Голубой домашний костюм был ей к лицу и хорошо сидел, скрывая изъяны фигуры.

Кружевная отделка по низу бриджей и коротких рукавов кофты украшала наряд, большой вырез приоткрывал полную грудь. В общем и целом, летнее свежее утро, яркая после вчерашнего дождика зелень цветника удивительно шли ей, а она – им.

- Маша! Где ты?- из приоткрытого окна донесся мужской голос с нотками раздражения. – Маша!

Женщина заторопилась. Осторожно поднялась по высоким ступенькам, опираясь на перила и придерживая у груди срезанные цветы, вошла в дом.

Муж явно сердился. Увидев ее с цветами, еще повысил голос.

- Маша, через десять минут машина подойдет, а я еще не все сложил в сумку! Где банки с вареньем взять? Где мои ключи?! А что, цветы не могли подождать?

Мария улыбнулась. Подошла и погладила мужа по щеке, пытаясь этой мимолетной лаской успокоить. Все было, как всегда. Муж улетал на «вахту», и за ним должна была прийти машина, чтобы увезти на вертолетную площадку. «Вахтой» называлась смена из двадцати-двадцати пяти человек обслуживающего персонала, состоящего из инженерных работников и специалистов, которых вывозили на вертолете в тайгу километров за двести от городка. Там среди леса и болот располагалась станция по перекачке нефти с нескольких месторождений, находящихся здесь же, только удаленных от станции на расстояния от двадцати до сорока километров. Станция, кроме специального оборудования для подготовки, хранения, перекачки нефти в виде огромных цистерн и трубопроводов, имела разветвленную инфраструктуру, то есть здания насосных и лабораторных корпусов, офис для управленцев и жилые здания в виде общежитий для обслуживающего персонала. «Вахту» завозили на пятнадцать дней, рабочий день для инженерного состава длился одиннадцать часов, а для двух смен специалистов вообще круглосуточно. Другие пятнадцать дней месяца они проводили дома, это были дни отдыха после такой напряженной работы, а на станцию в тайгу улетала другая «вахта».

Такой график рабочего времени, конечно, изматывал. Но, во-первых, другой так хорошо оплачиваемой работы в городке не было, во-вторых, работа на «нефтянке», как общим словом называли и станцию в тайге, и центральную станцию с производственными и управленческими корпусами в семи километрах от городка, где работала, так сказать, элита, считалась престижной. В- третьих, как известно, ко всему привыкаешь, и мужики, кто не был ленив и имел в руках какое-то другое ремесло, могли пятнадцать дней отдыха употребить для себя с большой пользой, или для дела, или для души. А уж в таком большом доме, откуда улетал на «вахту» недовольный муж, дел для хозяина всегда невпроворот.

- Все готово, Леша, варенье в сумке, ключи в кармане, кофе на столе. Иди, завтракай. Все успеем.

Муж извиняюще посмотрел на нее. Это тоже было в порядке вещей, что он сердился перед отъездом из дома, боясь забыть что-либо с собой. Это тебе не за околицу выехать и вернуться за забытым. Если оставил дома что-то важное, то придется пятнадцать дней без этого обходиться, так как никаких okazji на станцию нет.

Но все всегда было собрано и вовремя упаковано заботливыми руками жены. Минимум продуктов, чтобы приготовить себе обед или ужин, когда общепитовская стряпня уже в горло не лезет, шесть смен белья, полотенца, носовые платки, носки на каждый день, отглаженные рубашки. Все было привычным, традиционным. Все, кроме заплаканных глаз жены.

- Маша, ты плакала? Ну что опять? Что ты себе душу надрываешь, твоих родителей уж десять лет, как нет в живых! Я не понимаю этого.

У Марии снова заблестели слезы на глазах.

- Уж как ты умеешь утешить... Они снова мне снились сегодня, я не знаю, почему они меня беспокоят, наверное, им там плохо. Как будто чего-то хотят от меня, а я не могу понять, что... Надо проведать, посмотреть состояние могил.

Она залпом выпила остывший кофе, вытерла слезы.

- Нужно нынче сменить надгробья, что бы ты ни говорил. Закажем и установим современные, высокие. Хоть что-то сделать для них.

- Ладно, я на все согласен, только не плачь. Вернусь с «вахты», и все обговорим. Все, я побежал, - заторопился Алексей, увидев подъезжающее к дому такси. Подхватив сумки, похлопав себя по карманам в поисках ключей, документов, Алексей поцеловал жену в щеку и пошел к ожидающей его машине. Сел, помахал рукой и уехал.

Мария, как и всегда в минуты его отъезда, перекрестила мигнувшую на повороте огоньками машину, почти беззвучно прочитала молитву на удачу в дороге и долго смотрела вслед.

Мысли в ее голове сменяли одна другую. Она всегда боялась за него в этих полетах, тем более, что кругом все твердили наперебой, и газеты, и телевидение, что летный технический парк аховый, да и этот пресловутый «человеческий фактор» часто оказывается за штурвалом.

Волновалась так же, как и любая другая женщина, отправляющая мужа в длительную командировку, и за его верность, тем более, что женщин на таежной станции было много. Лаборантки, коменданты общежитий, горничные, дежурные, поварихи и продавщицы, всех не перечесать. Жизнь кипела ключом, женщин всяких хватало среди них. Большинство было одиноких, так как замужней женщине трудно оторваться от семьи на половину каждого месяца, разве только в случае крайней необходимости, когда совсем нет работы рядом. Другое дело, если душа жаждет приключений. А на станции предлагались и такие развлечения, как концерты заезжих артистов, вечера, дискотеки и набор спортивных снарядов.

Алексей был ровесником жены и видным, уверенным в себе мужчиной. Среднего роста, с крупными чертами лица, смуглой кожей. Брюнет в молодости, но сейчас цвет волос только угадывался под почти полной сединой. Глаза зеленые, чуть навывкате, но это его не портило. «Глаза зеленые – лживые, а голубые – честные», как иногда смеялась Мария. Крепкая коренастая фигура, налитая силой, той силой, что приходит от неустанного тяжелого физического труда. Мышцы рук, как каменные, и

неудивительно, если учесть, сколько ими было перенесено тяжестей, перекопано земли, уложено кирпичей и отлито бетона.

Дело в том, что дом, в котором они жили, был построен их собственными руками. Не весь, конечно, так как кладку стен, покрытие крыши и штукатурные работы произвели нанятые бригады профессионалов. И дело было даже не в том, что Алексей не умел этого делать сам. Вопрос был во времени, так как для одного человека, даже с помощью соратницы-жены, строительство заняло бы чересчур долгий срок. Зато все остальные работы, начиная с основательного фундамента и заканчивая внутренней отделкой, они делали сами, в меньшей степени в силу нехватки денег на оплату найма рабочих, в большей - из любви к творчеству. Воплощение мечты своими руками – это ими было решено давно и бесповоротно, еще с того времени, когда они рисовали проект дома на бумаге. Пятнадцать лет от первых рисунков до завершающих штрихов в виде устройства цветника перед домом – срок достаточный и для самоуважения, и для уважения окружающих.

Эта так подходящая друг другу пара была из тех счастливых людей, что умеют все, не обучаясь специально. В любом деле, которое в силу разных причин попадало им в руки, они старались доводить навыки до совершенства. Строить? – пожалуйста! – и примером служило их жилище. Что-то отремонтировать? – любые механизмы были для Алексея тайной только до первого внимательного осмотра. Проложить электропроводку, что является серьезным камнем преткновения для большинства мужчин? – без проблем, так как быть на «ты» с электричеством позволяла основная профессия энергетика. Служба быта отдыхала, так как практически не сдавались в ремонт бытовая техника, обувь и так далее.

Мария же шила, вязала, неплохо готовила. Поэтому в ушедшие в прошлое «лихие 90-тые», голодные и сверкающие пустыми полками не только продуктовых, но и магазинов одежды, семья была накормлена из скудного запаса продуктов, купленных по талонам, одета хорошо, добротна и даже оригинально благодаря фантазии Марии и ее умелым рукам.

Работа бухгалтера в те годы позволяла держаться на плаву, но и только. Заказы от соседей ради дополнительных денег были всегда, и время на их исполнение находилось у Марии только после двенадцати часов ночи.

Но отношение улицы к ним и к их воплощенной мечте, надо сказать, было неоднозначным. Семья не была «олигархами местного разлива» в виде предпринимателей от торговли или высокооплачиваемых чиновников. Не было и крупного наследства или бесплатной помощи. Некоторые говорили: «Они как мы, за что им это? А, главное, откуда?» Другие же, кто был ближе, знали, каким трудом и отказом от многого была возведена эта мечта.

Часы на стене холла, волнуясь за неподвижно стоящую у окна хозяйку, старались тикать громче и громче. В доме была тишина, и Мария, прислонившись лбом к стеклу и остановив взгляд на повороте дороги, где прощально мигнула огоньками увозившая мужа машина, замерла, полностью отдавшись своим мыслям. День воскресный, на работу спешить не нужно, заботиться не о ком, взрослые дети давно жили отдельно своими семьями. Даже кошки в доме нет, так как после того, как неожиданно потерялся большой и красивый кот породы «сибирская голубая» по кличке Президент, брать кого-то еще пока не хотелось.

С этим котом и его крутой кличкой было связано много веселых семейных историй. Кот был гордый и знающий себе цену, возможно еще и от наличия такого имени. С охотой откликался на зов хозяйки и на уважительного Президента, и даже на уменьшительного и двусмысленного Презика, хотя, конечно, неизвестно, что он при этом думал в ответ на соответствующие комментарии хозяина, которые тот непременно высказывал, услышав голос жены, ласково зовущей любимца к тарелке с кошачьим ужином или обедом. Если же в доме были гости, кот обязательно величавой поступью выходил в гостиную, устраивался на спинке большого коричневого дивана и наблюдал за людской суетой. Прогнать его с облюбованного места было невозможно, вернее, возможно, только одним способом. Требовалось окликнуть его этим, вероятно оскорбительным для него, именем Презик. Кот молниеносно вскакивал с дивана, бросался на обидчика, пытаясь укунить за ноги. Нужно

было обладать хорошей реакцией, чтобы избежать укуса, что не всегда удавалось под хохот остальных. Президент высоко и презрительно поднимал хвост и выходил из комнаты куда-то зализывать душевные раны. Немало было выиграно и проиграно споров по этому поводу.

Стоит ли говорить о том, что хозяева не торопились с его заменой в доме кем-то другим.

Мария наконец-то оторвалась от своих невеселых раздумий. В последнее время, в течение одного-двух месяцев, ее часто тревожили мысли о покойных родителях, умерших уже десять лет назад. Они были долгожителями, смерть забрала их в почтенном возрасте: восьмидесяти трех лет – мать и восьмидесяти одного - отца. Ушли один за другим: первой умерла мать, неожиданно, на ходу, не закончив начатую фразу, потому что просто остановилось сердце. И как-то так оказалось, что второму из пары, прожившей вместе более пятидесяти лет, нечего делать на этом свете, несмотря на усиленную заботу взрослых детей. Отец угас чуть больше, чем через год, завещав похоронить себя рядом с женой. Мария была их последней, третьей дочерью. Вместе со старшей сестрой, жившей в этом же городке и имевшей тоже благополучную устроенную семью, они заботились о родителях, пытаясь облегчить им повседневные хлопоты, поддерживая и оберегая. Казалось бы, жизненный ресурс к такому возрасту исчерпан, переход в мир иной в эти годы просто закономерен и не должен нанести большой душевной раны. Но сердце болело до сих пор. И не было ничего, способного заместить возникшую пустоту в сердце с уходом родителей.

В первые один-два дня после отъезда мужа на «вахту» Мария чувствовала себя как бы потерянной, не могла на чем-то сосредоточиться. Все валилось из рук. Если дела все-таки были, и неотложные, она силой заставляла себя заниматься ими. А если свободного от дел времени было много, то спасением для Марии было чтение книг. Под сотни и сотни томов в доме была отведена отдельная комната, называемая библиотекой. Мария собирала книги, покупала, выписывала по книжным каталогам, и библиотека быстро наполнялась шкафами с рядами книг.

Вот и сегодня до самого вечера Мария провела за чтением. Сначала сумерки, потом ночь выкрасили все за окном в темно-синий цвет. В тишине библиотеки шелестели страницы, освещаемые приглушенным светом высокого, с матовым стеклом, торшера.

Глава вторая.

Звонок прозвенел отрывисто и резко. Мария, уснувшая только под утро, сначала даже не поняла, какой звук ее разбудил. Сквозь ускользящий сон попыталась определить природу звука и поняла – будильник.

- Да, сегодня же понедельник, рабочий день. Ах, как не хочется вставать... Почему же я так не выспалась?- прошептала Мария. - Я читала мамины дневники, вот что!

На глаза мгновенно навернулись слезы. Розовых школьных тетрадок, исписанных плотно, строка к строке, убористым старческим почерком, было четыре. Вчера ночью удалось одолеть только одну. И не потому, что приходилось разбирать слова или строки. Все было написано просто и ясно, с завидной последовательностью, год за годом маминой жизни, событие за событием. Мать Марии была в прошлом учительницей начальных классов, женщиной до последних дней ясного ума, твердой памяти. Тридцать пять лет преподавания выработали у нее классический почерк учителя, то есть, каллиграфия была на высоте, и ошибок не наблюдалось, но взгляд читающего сразу определял легкое дрожание руки и характерное для старого человека со слабым зрением наплывание букв друг на друга и закругление строки в ее конце.

Читать мешали слезы, которые нельзя было ни сдержать, ни переждать. Первое желание утром – снова взять в руки дневники и читать дальше. Но нет, утренние дела на этот момент важнее. Вечером будет время и силы на вторую тетрадь.

День пролетел быстро и незаметно. Выпить утренний кофе, надеть легкий бежевый костюм, туфли, провести расческой по коротким волосам, закрыть на ключ входные двери и отшагать положенное расстояние до работы: все это на автомате с одной мыслью – скорее бы домой...

Наконец, рабочий день закончился, не оставив в памяти Марии сколько-нибудь четких впечатлений. Если бы ее спросили, то, наверное, пришлось бы задуматься, было ли что-то значительное в событиях дня, или нет.

- Так, меня дома никто не ждет, готовить ужин не нужно, делать уборку тоже. Все остальное подождет, - сказала себе Мария. Взяв в руки вторую из дневниковых тетрадей, она устроилась в любимом кресле и открыла пожелтевшие страницы. И снова, как и вчера, с этих страниц поднялась и шагала грозная, завораживающая, ослепительно яркая Её Величество История.

На берегу маленькой речушки Тенькивки, притока реки Случь, протекавшей по Житомирской губернии Украины, раскинулось село Янушевка. Село большое и зажиточное, со своей православной церковью, торговыми лавками, крепкими домами, населенными в основном ремесленниками. В шумном и дружном селе все знали друг друга, были связаны родственными и семейными узами. Старожилы дружили семьями и доброжелательно относились к приезжим, если только они не посягали на жизненный уклад села, не устраивали каких-то беспорядков, а жили тихо, смиренно, и работали, не покладая рук. Даже сейчас, еще до отмены крепостного права, земля уже покупалась и продавалась, а, тем более, через несколько лет, после отмены крепостного права, в село стали переезжать из окрестных деревень те, кто решился и мог спокойно поискать лучшей доли после тяжелого труда на помещика. Если хватит сил и скопленных грошей, можно и участок земли небольшой прикупить, заняться каким-нибудь ремеслом и своим хозяйством, а нет, так к какому ремесленнику наняться в работники. Авось, и угол для жилья у того найдется.

Ремесло было почти основным занятием жителей села. Трудились много и упорно, все произведенное своими руками отвозили на продажу на базар или сдавали перекупщикам, покупая на вырученные деньги для своего хозяйства все необходимое.

В пяти верстах от Янушевки шумел своими садами маленький городок Пулыны, по-украински мистэчко. Мистэчко это, населенное такими же ремесленниками, славилось еще и своим обширным базаром, куда трудовой люд из окрестных сел и деревень свозил на продажу свои товары.

В этом городке Пулыны, в одной из украинских хат, и начинается наша история, история рода, одного из множества и множества человеческих жизней, с их радостями, горестями, рожденьями и смертями, сменой поколений, любовью и ненавистью внутри семьи, историческими событиями, затрагивающими эту семью или мелькающими мимо.

Конечно, в этом роду были и более глубокие предки, но о них ничего не известно. Хотя любой род, если бы только это было возможно, можно проследить до невообразимых глубин седой древности. Память же матери Марии хранила такие драгоценные следы своего рода именно с этих времен, за что ей низкий поклон и светлая память. За то, что ее потомки теперь знают свои истоки и будут помнить о них, передавая эти знания по роду дальше и дальше.

Городок Пулыны был типичным украинским селением. Беленые хатки с соломенными крышами и земляными полами в глубине дворов, маленькие окна с расписными ставнями, плетеный тын, отгораживающий двор от улицы, цветники перед окнами у хороших хозяек и бурьян у нерадивых. Обязательно во дворе плодовые деревья, за хатой позади – огород и небольшая пашня, засеваемая житом, то есть пшеницей или рожью.

Вход в хату располагался в середине фасада и вел в небольшое помещение, вроде русских сеней. А уж оттуда направо дверь в горницу, налево – в кухню или наоборот. Кухня одновременно служила и хозяйственным помещением, и кладовой, и обладала еще многими функциями, которым не место в чистой жилой горнице.

Были в Пулынах и крепкие дома, с деревянными крышами, большими садами, широкими дворами, полными скота и хозяйственных построек, с хлебными полями уже не во дворе, а за городом, с работниками, обрабатывающими эти поля и усадьбы. Это как кому повезло в жизни.

Имели Пулыны и свою небольшую церковь, и даже костел. Но особую гордость жители испытывали за наличие в их городке базара, единственного в округе, и поэтому принимающего в базарные дни всех желающих купить, продать, обменять, обсудить новости, присмотреться к приезжающим на

базар из окрестных деревень девушкам в качестве потенциальных невест. Веселый говор на украинской мове, русском и белорусском языках – всего хватало в шуме базара, так как разный народ приезжал сюда на торг, да и живущие в городке тоже были людьми многих национальностей, как и по всей благодатной, цветущей Украине.

В небольшой беленой хате на окраине городка Пулыны жил со своей семьей ремесленник Васыль Петренко, русоволосый, кареглазый, статный мужчина тридцати лет. Спокойный, рассудительный, ко всему подходящий основательно, настоящий хозяин. На таких мужиках все и держится в жизни, так как слов на ветер они не бросают, чужого не желают, но и свое защищают крепко. Жена Катерина, голубоглазая красавица, была моложе мужа на пять лет. Стройная, не худая, но без особой полноты, молчаливая, с волной светло-русых волос, заплетенных в тугую косу и спрятанных под неизменный платок. Дочка Иринка, свет и радость материнских очей, пятилетняя егоза, в которой уже сейчас угадывалась будущая материнская красота. Семья была по-своему счастливой: Васыль – мастер на все руки, всякому ремеслу хозяин. В семье достаток, приносимый трудами Васыля, и сохраняемый рачительной и трудолюбивой Катериной. Свое хозяйство, огород, скотинка в малом количестве – всего в достатке для небольшой семьи, только трудись и не пускай заработанное на ветер. Даже лошадь была у Васыля, купленная на скопленные бережно гроши, а такую подмогу не в каждом хозяйстве сыщешь.

Но и горе не обходило их стороной. Два сыночка-малыша умерли один за другим от внезапно налетевшей в село «повертухи», как судачили и горевали сельские старухи, от детской болезни, унесшей тогда многие младенческие жизни, как будто злой ветер задул едва разгоревшиеся свечечки. Недавние похороны наложили отпечаток на лица Васыля и Катерины. Горе светилось в их глазах, и только маленькая Иринка, не осознавая глубины постигшего несчастья, щебетала и ластилась к матери.

Был воскресный день. На дворе разгоралось знойное июльское утро. Шумел ветер в ветвях раскидистой вишни, хлопотали куры на заднем дворе

хаты. Васыль запрягал свою лошадь, по кличке Буся, для поездки в Янушевку по неотложным делам. Вокруг отца вьюном крутилась Иринка, уговаривая его взять ее с собой. Васыль строго осадил дочку.

- Не время, дитяtko. Зной на дворе, того и гляди, гроза соберется, а я весь день занят буду. Оставайся с мамой, помогай и береги ее. И я тебе гостинец привезу.

Хлопнула дверь хаты, и во двор вышла Катерина. Статная, красивая, молодая женщина, коса уложена на голове под платком. Голубые глаза, брови взлет, полные яркие губы, только улыбки на них нет. Смерть малышей, да сразу двоих, надолго стерла с лица радость жизни. Но, даже несмотря на это, для внимательного взгляда было видно, что женщина любима и лелеема, потому что какой-то особый свет в глазах отличает таких женщин. До сих пор хлопцы из Пулын заглядывались на проходящую Катерину, а уж в дни своего девичества она была завидной невестой. Для нее же ее Васыль был центром и средоточием мира с первой встречи и поныне. Впрочем, он платил ей такой же нежной любовью и верностью. Не каждая женщина, и даже очень редкая, слышит ночами слова, какие шептал ей Васыль и в дни ухаживания и прогулок под цветущими вишнями, и в супружеской постели под покровом ночи через много лет.

- Васыль, пора снeдaть! Завтрак на столе. Или ты голодным собрался ехать? Иринка, веди тaтo в хату, - позвала Катерина.

- Иду! – отозвался Васыль. - Пойдем, дочка, маму надо слушать.

За столом Васыль и Катерина ели молча. Да и о чем говорить? Все давно решено: муж едет в Янушевку присмотреть хату для покупки. О переезде туда на жительство заговорил Васыль через некоторое время после смерти сыновей, решив, что Катерине будет легче пережить горе, так как здесь все напоминает ей об этом. Была и другая причина для переезда. Удалось по случаю купить участок земли в Янушевке. Участок был так хорош, что Васыль не устоял, хотя покупка стоила ему почти всех сбережений. На этой земле он решил построить будынок, то есть большую хату, дом. Может быть, Бог еще даст сыночка, он так нужен семье. И матери утешение, и отцу

помощник, наследник, правая рука в любом деле. А после Янушевки надо заехать на базар, ведь сегодня большой базарный день. Что-то для хозяйства присмотреть, да и продать найдется что, есть в повозке стачанные Васылем сапоги на продажу. И гостинец Иринке за послушание и помощь матери обещал.

Перекрестив выезжающего со двора Васыля и поймав бойкую Иринку за руку, Катерина вернулась в хату. Предстоял обычный наполненный трудами день. Хозяйство небольшое, а требует ухода. В огороде трава растет быстрее овощей. Все требует внимания хозяйки, и расслаживаться некогда. Маленькой Иринке тоже найдется посильная работа: пол подмести, кур накормить, огурцы с грядки собрать да в хату занести. А то и грядки прополоть матери в помощь.

Васыль же в это время ехал по проселочной дороге, не сильно подгоняя Бусю. Оглядывая бескрайние хлебные нивы, редкие рощи, блестящую далеко впереди речушку Тенькивку, он в душе благоговел перед этой тихой красотой.

- До чего ж ты прекрасна, Украина моя! И мои очи видят все это. Нет в мире другого места, где бы я хотел жить. Пусть жизнь моя проходит в непрестанных трудах, но как много Бог радости в нее вложил. Такая красота вокруг, глаз не отвести. Своя хатына, хоть и малая, дома ждет милая и опрятная женка да дочка здоровенькая, Бог миловал. Вот еду в лучшее село хату покупать, потом построю будынок на своей земле. Грех жаловаться на жизнь.

Въезжая в Янушевку, Васыль тяжело вздохнул.

- Может быть, с Божьей помощью, и это дело осилю, - думал он. - Новая хата будет временным жильем, так как строительство своего дома на приобретенной земле – дело решенное. Значит, большую и дорогую хату покупать не нужно.

Проезжая по первой же, широкой и тенистой, улице Янушевки и выбрав наудачу усадьбу с ухоженной хатой, крепким тыном, Васыль окликнул

хозяина, что-то мастеровившего в глубине чистого двора около хозяйственных построек.

- Добрый человек, не скажешь ли ты мне, можно ли купить хату у вас в селе? Хочу переехать из Пулын, да построить свой дом, благо, земелька уже куплена под это.

Подошедший хозяин пригласил Васыля во двор, усадил на скамейку в саду, наказал выглянувшей из хаты хозяйке вынести взвару гостю. Завязалась неспешная беседа. Хаты на продажу в селе, конечно же, были. И даже по соседству была одна неплохая. Усадьба хорошая, продавалась после нелепой смерти хозяина, молодого мужчины, которого затоптал сорвавшийся с привязи огромный племенной бык. Вдова с тремя малыми детками была готова переехать в Пулыны, где проживала семья ее родителей, и где могла рассчитывать на помощь родных.

Все складывалось, как нельзя лучше. Вместо продажи мог получиться взаимовыгодный обмен.

Петро, так звали хозяина усадьбы, куда зашел Васыль, согласился проводить его к вдове. Продаваемая хата располагалась от Петровой через два подворья на уютной улице чуть ли не на окраине Янушевки.

- Так это даже и лучше, что тихое место, - увещевал Петро. - Молодые не шалят по ночам, а куда добраться подальше, так у тебя лошадка есть. Да и как старые люди говорят: «Не покупай дом, а покупай соседа». Ты же, я чую, будешь добрым соседом.

Васылю предлагаемые и хата, и вся усадьба, понравились. Сразу как-то к сердцу легли, как будто здесь и жил. Договорились, что к Васылю смотреть подворье придут родители вдовы, она полностью на них полагается в этом. Васыль немного знал тех людей и был спокоен: если обмен состоится, его хата попадет в добрые руки, и обмана никакого при обмене не случится.

Домой он ехал в приподнятом настроении.

- Вот Катерина обрадуется, что все так славно сложилось. Хватит нам горевать да плакать. Сыновей не вернешь, а на новом месте вернется к ней, может быть, та ее улыбка, которую я так люблю. Катерина, Катерина, душа

моя. С твоей улыбкой и мне жить легче. Даст Бог, все в нашей жизни будет хорошо.

Дорога к дому показалась Васылю короче в приятных раздумьях. Он даже на время забыл, что нужно заехать на базар, продать сапоги да закупить гостинцев жене и дочке. Вовремя вспомнив об этом, повернул Бусю на торную дорогу к базару и въехал туда уже почти по окончании базарного дня, когда продавцы, упаковывая нераспроданный товар и собираясь отправляться по домам, грузили телеги. Шум стоял невообразимый: крики возниц, пытающихся проехать между торговыми рядами без ущерба и для своих повозок, и для неповоротливых торговков с объемными корзинами, гусиный гогот и кудахтанье курей, которых так и не удалось продать пышнотелым хозяйкам, зазывные возгласы продавцов различных пряников, кренделей, пышек и прочей сдобы, смех румяных дивчин, заигрывающих с хлопцами, прохаживающимися по рядам не столько с целью купить что-то, а сколько присмотреть деревенскую невесту. Ведь всем давно известно, что девиц в деревне растят в строгости, целомудрии, трудолюбии и послушании. Лучше и пожелать нельзя, если еще и красавица попадется. Кузнецы со своим железным товаром, скорняки с кожаными изделиями, бондари, пекари, заезжие купцы с тканями, нитками, иголками, лентами. Чего только не было на этом празднике жизни.

-Эх, опоздал, - сокрушенно вздохнул Васыль. – Да ладно, если сапоги не продам, грошей в кармане за пазухой хватит на гостинцы, пойду, поищу что-нибудь Иринке.

Привязав Бусю к столбу, где отдыхали от своих лошадиных трудов чьи-то две кобылы, Васыль сунул в торбу охапку припасенной в повозке травы, надел ее на морду лошади и отправился по рядам с товарами, не забыв сунуть под мышку и сапоги. Авось, кто спросит купить, да и приценится. Тогда день совсем удачный будет.

Вдруг внимание Васыля привлекла небольшая группа людей, склонившихся к земле и разглядывающих что-то у старого дуба, с

незапамятных времен росшего на окраине базара. Подойдя поближе, он услышал громкий разговор и как будто бы плач, тоненький и горький.

- Что такое, кто-то детей обидел, что ли? – протолкался сквозь толпу Васыль.

На земле, обхватив тонкими ручонками друг друга, сидели трое детей, две девочки-близняшки четырех лет и маленький хлопчик лет двух на вид. Девочки плакали тихо, глядя с испугом на обступившую их толпу, глотая слезы и вытирая изредка мокрые носы друг об друга. А малыш горько, не по-детски горько плакал, судорожно вцепившись в сестренку руками и в отчаянии зовя маму. Рядом лежали две маленькие котомки, одна с нехитрой снедью, вторая с детскими вещичками.

- Что здесь случилось? Чьи это дети, кто знает?- спросил Васыль. И словоохотливые тетки, которые, жалостливо охая над детьми, успели проверить их сумки и довести детей до слез своими причитаниями, разъяснили Васылю это невероятное происшествие.

Еще утром, рассказывала одна из них взахлеб, она заметила, как на дороге к базару из Пулын, а, может быть, из какой-нибудь окрестной деревни, появилась женщина с этими тремя детьми. Подойдя к дубу и усадив детей под дерево, она положила рядом с ними две котомки и наказала «никуда не уходить, сидеть здесь и ждать ее прихода». Высокая, худая, в черной одежде, со зловеще поджатыми губами, она обвела тяжелым взглядом близлежащие торговые ряды с разложенными товарами и их хозяйками, повернулась и, не оглядываясь, ушла в неизвестном направлении.

- Как-то даже жутко стало, такой у нее был взгляд. Как бездонный, - вещала тетка. - С тех пор дети и сидят здесь, но никто за ними не идет. Ясно, что она их бросила. Оставила, чтоб чужие люди забрали, вот и вещи приготовила. Бедные детки!

И тетки дружно захлопали носами, не проявляя, однако, желаний забрать и приютить невольных сирот.

Васыль присел на корточки рядом с детьми, пытаясь успокоить их. Но это было невозможно, потому что девочки, слыша слова окружающих теток,

начали понимать глубину свалившегося на них несчастья. Пусть не в полную меру из-за своего маленького возраста, но точно зная, что мамы нет и больше не будет, они одни в незнакомом месте, а над ними нависли чужие лица. Ужас сковал их маленькие сердечки, и все, что они могли ему сейчас противопоставить, это плакать в полный голос. С закрытыми глазами, вцепившись друг в друга, крепко обняв маленького братика, по-прежнему сквозь слезы зовущего родную мамочку. Он и говорить-то еще толком не умел, но слово «мама» знал и никак не мог понять, где она, почему за ним не идет и почему ему так страшно.

Васыль погладил мальчика по головке и повернул его личико к себе.

- Какой гарный хлопчик, ну не плачь, успокойся. Найдем мы тебе маму.

Малыш поднял на него глаза, и у Васыля дух захватило. Это был как удар «под дых». На него смотрели с маленького личика голубые глаза Катерины. Большие, серьезные. Брови взлет, как у жены, губки яркие, полные.

- Какой гарный хлопчик, - только и мог шепотом повторить Васыль. А сердце стучало громко и часто.

- Это мне Бог сына послал, сыночка. Да что же это такое, Господи, как теперь я могу его оставить. Осчастливил ты меня, Господи!

И, поднявшись, сказал громко и твердо окружающей его толпе:

- Хлопчика я возьму себе.

Девочки замерли и прекратили плакать. Что-то с ними и окружающим миром творилось такое, чего они не могли понять. Почему этот большой дядя заберет братика? А они, его сестренки, что будет с ними? Одна из женщин с большим сомнением в голосе произнесла:

- Ну, может быть, я одну девочку и возьму себе, хотя своих четверо мал-мала меньше. Жалко деток несчастных.

- Нельзя их разлучать, сестренки-то близняшки. Смотрите, они же зеркальное отражение друг дружки. Вон как держатся одна за другую, - вступила в разговор еще одна тетка.

Но желающих последовать этому совету и взять себе обеих сироток не было. А Васыль, держа в своей руке маленькую ручку малыша, лихорадочно размышлял:

- Девочек и вправду нельзя разлучать. Если я привезу домой троих детей, что скажет Катерина? Как мне поступить? Вразуми, Господи!

В это время, раздвинув толпу, к Васылю подошла миловидная молодая женщина, богато одетая и суровая на вид. Сопровождал ее молодой хлопец с кнутом и объемными покупками в руках. Наклонившись к детям и погладив замерших в отчаянии девочек по белокурым головкам, женщина тихо, но достаточно четко сказала:

- А девочек возьму я. Обеих.

Повернувшись к толпе и обведя ее строгим взглядом, твердым тоном приказала:

- Расходитесь все. Дети и так пострадали. Мы забираем детей, все решено. Нам нужно с ними поговорить, а вам это не нужно слышать.

Удивительно, но толпа быстро рассеялась, а на особо упорствующих любопытных теток прикрикнул Васыль.

- Я Василина, - повернувшись к Васылю, объяснила женщина. - Мы живем с мужем здесь же, в Пулынах. Мы достаточно богаты, чтоб иметь детей, но нам Бог не дал деток. Для меня эти девочки будут желанными дочками, я бы и хлопчика взяла, но, чую, вы его не отдадите. Как зовут вас, дитятки?

- Рузя, - прошептала одна из девчушек.

- Геля, - чуть громче сказала другая.

Розалина и Гелия, отметила про себя Василина.

- Я буду вам мамой, хорошей и доброй мамой. Я вас никогда не брошу. У вас будет также замечательный папа. Вы поедете со мной в моей повозке в ваш новый дом.

- А братик наш? – осмелилась задать вопрос Геля, будучи немного посмелее сестры.

- А он поедет вот с этим дядей в свой новый дом, - ответила Василина.

Несправедливость жизни, предательство матери, неизвестность их дальнейшей жизни, разлука с братиком с новой силой и остротой нахлынули на девчушек. Вот так детей, рыдающих и несчастных, тянувших друг к другу ручонки, разнесли по разным повозкам и развезли в разные стороны. Успокаивая по дороге дрожащего и всхлипывающего малыша, Васыль вдруг вспомнил, что в суматохе расставания забыл спросить у девочек имя хлопчика. Так и везет безымянного домой. И гостинцев дочери забыл купить. Придется в лавку по пути заезжать. Зато жене, любимой Катерине, везет бесценный подарок. Только бы приняла сыночка душой, как принял его сам Васыль, сразу и бесповоротно.

Васыль ехал домой медленно, не торопя Бусю, которая еле плелась по проселочной дороге, успевая одновременно ухватывать траву на обочине. Хлопчик спал на руках Васыля, завернутый в его пиджак и всхлипывающий часто во сне. И взрослому трудно было бы успокоиться после пережитого, а тут совсем кроха. Что снилось этому сироте, если он так тяжело вздыхал?

- Что это я думаю? Почему сироте? – одернул сам себя Васыль. – Уже не сирота, отец-мать имеются. И сестренка маленькая есть. Будешь ты, кроха, мне настоящим сыном. Тебя, малютка, мне Бог послал.

Еще сильнее прижав к груди спящего малыша, Васыль под бескрайним чистым и ясным небом поклялся и Богу, и себе быть для сироты отцом, настоящим, каким стал бы для родного сына.

- Эгей, Буся, лентяйка, что плетешься? Домой едем!

Щелкнул кнут, и повозка резво покатила по дороге, так как Буся не менее хозяйина желала попасть к себе в привычный двор. Да и вечерело уже, дома ждала охапка свежей травы из рук заботливой хозяйки, торба овса и отдых.

Катерина, как всегда, встречала мужа за калиткой на улице. Как-то чувствовала, что ли, его приближение. Вот и в этот раз стояла, опершись о тын плечом и вытирая пот со лба снятым платком. Рядом крутилась Иринка в ожидании обещанных гостинцев от тато. Подъехавший Васыль с тревогой пытался поймать взгляд Катерины, но она удивленно смотрела на выглядывавшие из-под полы пиджака мужа любопытные глазенки. Хлопчик

уже не плакал, но по измученному личику в разводах слез было понятно, что у него на это просто больше нет сил. Он проснулся, когда Васыль вернулся из торговой лавки, куда ходил за обещанными Иринке гостинцами. И уже сам молча забрался снова под пиджак Васыля, прижавшись к груди.

- В надежное место, - усмехнулся про себя Васыль. – Это хорошо, что доверился. Значит, поладим с ним. Только бы Катерина приняла его, не оттолкнула.

Хотя в жене Васыль почти не сомневался, но тревога оставалась. Потеря сыновей – горе великое, особенно для матери. Сможет ли она принять к сердцу чужого мальчонку, как своего, один Бог знает.

И вот теперь они смотрели друг на друга, женщина и малыш-сирота, которым предстояло стать или родными, или остаться чужими. Долгое молчание Катерины уже взволновало Васыля. Неужели она не примет сразу хлопчика так, как принял он? А Катерина смотрела на личико ребенка с такими же, как у нее глазами, в которых светились горе и страх, и не могла ничего выговорить от перехвативших дыхание чувств. Потом протянула к малышу руки, взяла его у Васыля, поцеловала в заплаканные глазки, словно пытаясь этой лаской стереть из них страх и горе.

- Пойдем, дитятко, домой. Пойдем, мой сыночек, мыть ручки, снестать, тато кормить. Устали вы с ним, родимые...

Иришка крутилась под ногами, от удивления и восторга глаза распахнуты широко.

- Мама, кто это? Скажите, мама, ну кто это? Кого тато привез?

- Нам сыночка, а тебе братика. Помолчи, дочка, придет тато домой, все узнаем.

Но та не унималась.

- Как его зовут? Он будет с нами жить? А где его мама?

Уцепившись ручонками за шею Катерины, хлопчик испуганно смотрел на теребящую мать Иринку. При ее словах о его матери у него тут же покатались слезы по щекам, так как на громкий плач сил уже не было.

- Где моя мама, я хочу к маме!

Катерина прижала малыша к себе. Шикнула на дочку.

- Здесь твоя мама, я тут. Я с тобой, не плачь, серденько мое.

Во дворе же в повозке так и сидел Васыль. Столько чувств было у него в душе, столько мыслей, что он боялся пошевелиться и разрушить состояние, в котором находился. Да и скупые слезы, которые невольно выступили на глазах, не хотелось никому показывать, даже жене. Что тут скажешь? Катерина не подвела его ожиданий, она станет матерью для сироты. Надо дальше жить, работать. Теперь семья увеличилась, детей двое. Впереди столько дел с переездом. У него свои заботы, у Катерины свои.

И мальчонка, пока не подрастет, полностью ее забота. Только лет через десять-двенадцать отец начнет воспитывать себе помощника. И мужчину.

- Эй. Буся, что стоишь? Давай-ка к себе в стойло, - приговаривал Васыль, распрягая лошадь. - Да и я в хату пойду отдыхать. Завтра новый день будет, и новые заботы. У нас с тобой много дел впереди.

Глава третья.

Шли годы. Все так же шумели вишневые сады и березовые рощи на родной Украине, текли реки, куда их Господь направил, зрели хлеба летом и завьюживало улицы и хаты зимой. Неспешно текла жизнь в украинских городах и селах. По одинаковому с незапамятных времен обычаю гуляли на свадьбах и плакали на похоронах. Жинки рожали детей, родственники провожали в последний путь ушедших из этого мира.

В семье Василя и Катерины жизнь тоже была похожа на плавное течение реки, то ровная и спокойная, то закрутится, как вода в прибрежном омуте. Они, как и было загадано, переехали из Пулын в село Янушевку. Поселились в той хате, что в свое время присмотрел Васыль. Семья была дружная и трудолюбивая. Деток так Бог больше им и не дал. Хлопчика, которого они приютили, как сына, назвали Сильвестром. Ни Васыль, ни Катерина так и не могли разобрать в детском лепете двухгодовалого ребенка имя, которое он пытался выговорить в ответ на расспросы. Быстро привыкнув к новому имени, он и не вспоминал ничего из прежней жизни: ни имя, ни мать и сестер. Мал был тогда. Теперь у него было все, что должен иметь ребенок в жизни: отец, мать, сестра и огромное количество любви и ласки. При большой занятости родителей работой по дому и хозяйству Иринка, старшая сестра, стала для него настоящей нянькой. Сначала он везде, как хвостик, бегал с ней и за ней. Потом, когда подрос уже до некоторой самостоятельности, один ходил обучаться грамоте в прицерковную школу и играл с сельскими мальчишками в свои извечные мальчишеские игры. Иногда по целым дням они пропадали на Тенькивке, купаясь в ее теплых водах летом и катаясь на береговых склонах зимой.

Рос Сильвестр крепким, здоровым хлопцем, послушным и ласковым. Васыль не был с ним суров, как некоторые другие отцы со своими отпрысками. Но воспитывал в строгости, уважении к родителям и просто к людям, требовал от него честности, храбрости. Обучал всякому ремеслу, что умел сам, а умел Васыль многое. Учил сына тому, что любое дело, за которое

взялся, надо делать хорошо и до нужного результата. Учил всяким работам на своем поле, в хозяйстве, показывал на своем примере, как ухаживать за домашней скотиной.

- Ты, сын, мужчина. Тебе предстоит вести свое хозяйство. Иметь семью, детей. Учись защищать все это, любить созданное своим трудом, трудиться, не покладая рук. Все, к чему ты относишься с добром, и возвращается тебе добром. Никогда не обижай женщину. Ни мать, ни жену, ни сестру.

Васылю можно было и не говорить сыну этих слов. Постоянный пример их семьи перед глазами учил лучше всяких уроков. Все в семье было основано на уважении и любви. Совет да любовь у них, как говорили соседи. Конечно же, слово Васыля, как хозяина, было твердым, и решение в любом деле было за ним. И если он в глазах Катерины видел одобрение, то это придавало ему дополнительную уверенность в правильности решения. Молчаливый же укор в ее глазах иногда заставлял и пересмотреть само дело.

Семья Васыля так и осталась жить в той хате, в которую они переехали из Пулын. Не стал Васыль строить новую на купленном участке, как мечталось. Приобретенная хата устраивала их во всем: и место хорошее, и сад заложен плодородный, и во дворе обустроено все, как положено. Прежний хозяин был трудяга, как и Васыль. А что хата мала, так вырастут дети, Иринка замуж пойдет, а Сильвестру надо будет построить отдельную хату. Вот и хватит на старость Васылю с Катериной и того, что есть.

- Так ли я думаю, серденько мое?- спрашивал, улыбаясь, Васыль свою жену.

- Так, так, - отвечала ему Катерина. И старалась незаметно для мужа вытереть мокрые глаза, ведь слезы мгновенно выступали при мысли, что и Иринка уйдет из дома замуж, и любимец Сильвестр когда-нибудь отделится. Своими хатой и хозяйством – от отца, а сердцем – от матери к дивчине любимой. Так и трепещет материнское сердце при мысли о детях. Как-то сложатся их жизни? Это ей несказанно повезло с мужем, а ведь бывает в других семьях по-разному. Где-то воеет жинка в передник день и ночь, бита и клята, хоть и хозяйство крепкое и всего в достатке. А где-то парубок лихой,

удалый, красавец и балагур, очарует, заговорит дивчину. Только потом она плачет в бедности, так как не хозяин он, а гуляка, и в хозяйстве все из рук валится. Держится как-никак только на бабе все, которая чахнет в трудах непосильных.

- Убереги, Господи, моих деток от такой судьбины! – молилась перед сном Катерина. Как любая мать, просила у Бога счастья для детей.

Но, как ни старалась Катерина мысленно отодвигать расставание с детьми, это время пришло. Дочь Ирина собралась замуж за хорошего парубка из их же Янушевки, из зажиточной семьи, о которой не было слышно ничего дурного. Сватался к Ирине старший сын, а, значит, жить и хозяйствовать будут самостоятельно, не придется Ирине притираться к свекрови. Пойди она за младшего, тут уж никуда не деться, быть под властью свекрови до ее смерти.

Василь разузнал, что мог, об этой семье и женихе. Плохого никто о них не сказал. Да и Иринка светилась вся, так люб ей был ее Иван. Зачем же тогда ее счастьем перечить?

Отгуляли веселую свадьбу, и ушла Иринка из дома в свою новую жизнь.

- Не плачь, серденько мое, а радуйся, - уговаривал ночами Катерину Василь.

- Все пока хорошо. Иринка не жалуется, а ведь она всегда была открытая душа. Увидим, если станет худо, тогда и будем думать, как дело поправить. – И, стерев поцелуем женины слезы, он крепко обнимал ее, засыпая. Почему-то был уверен, просто чувствовал, что будет у дочери счастливая семья.

Со времени замужества Ирины поселилась в душе Василя задумка: пришло время решать и с постройкой хаты для Сильвестра. О том, что семья разделит сына после женитьбы в свою хату и на свое хозяйство – было обговорено давно. На этом настаивала Катерина, да и Василь был согласен. Жена говорила ему так:

- Я живу без свекрови, уважаю и люблю твоих родителей, и неизвестно, как пошло бы наше житье вместе с ними. Обидеть невзначай другого – нехитрая задача, и сама не заметишь, как. И делаю я все по дому, как меня

моя мать учила, а свекрови это может и не понравиться. Так что будущая невестка наша пусть семейное счастье сама строит, как умеет. Подсказать и посоветовать я смогу, ежели попросит, а приказывать и поучать не стану. Тогда между молодыми лад будет.

Земля под усадьбу для Сильвестра была куплена давно, еще до переезда в Янушевку. Покупали себе под хату, да потом передумали, вот и пригодилась покупка. Пора, пора начинать стройку, Сильвестр скоро женихаться начнет. Парубок вырос статный, стройный, ростом высокий, выше отца, а лицом в мать пошел. Голубоглазый, темно-русый, брови взлет, как у дивчины. Крепкий, руки не изнеженные, во всем отцу помощник в свои восемнадцать лет. О том, что он в этой семье приемыш, никто не знал в Янушевке, взяли-то его в семью еще в Пулынах. Да и удивительное сходство в лице было у него с Катериной.

Мысль о собственном хозяйстве, о своей хате Сильвестру очень нравилась. Он не боялся, что самому придется вести хозяйство, как он это видел ежедневно на примере своего отца. Он твердо усвоил отцову науку быть хозяином, не чураться никакого труда, и намеревался добиться всего, что это понятие означает. Тем более, что присмотрел уже Сильвестр в вишнево-черешневом саду за высоким тыном на одной из улиц Янушевки дивчину, красивую, круглолицую блондинку, с такими же, как и у него, ясными глазами.

И теперь ее образ не выходил у него из головы, хотя встречались редко. Строгие мать с отцом у дивчины Елены были, берегли свою красавицу, не позволяли гулять долго по вечерам с подружками, заглядываться на парубков.

Сильвестру же хотелось при встрече и поговорить с ней, и за руку взять, и погулять под луной по сельским улицам. Но, послушная отцу и матери, дивчина по первому же их зову уходила к себе в хату. Только быстрый взгляд напоследок выдавал и ее взаимный интерес. Сильвестр надеялся, что за то время, которое им понадобится с отцом для постройки хаты, никто не перейдет ему дорогу.

- А жену я приведу только в свою хату. Тебя, моя Елена. Любая ты мне, - шептал про себя Сильвестр, возвращаясь домой после гулянья. – Придет весна, растает снег, и начнем с тато хату возводить. Скорей бы, - и он, скатав крепкий снежок, лихо запустил им в брехавшую в чьем-то дворе собаку.

Вот и пришла весна. Васыль с Сильвестром проводили на стройке не так много времени, как хотелось, ведь в хозяйстве и весной, и летом работы невпроворот. Нанимать никого не стали. Нечего гроши тратить на наемных работников, когда сами все могут и умеют. Да и грошей этих не так много, только- только на стройку скоплено. Строили хатыну малую, больше похожую на землянку, с земляным полом, соломенной крышей. А еще какой-никакой сарай надо, клуню, баню.

Так и прошло в трудах лето, но хата поднималась, обрастала постройками. Катерина побелила внутри и снаружи стены, вымазала травяной щеткой пол разведенной серой глиной. Окна, печь, столы, стулья, кровати – все сложено и сколочено своими руками. А уж обжиться, украсить хату, посадить сад, разработать огород будет заботой молодых после свадьбы.

Наступила осень, время свадеб. Урожай убран, скотина присмотрена во дворе, все приготовлено к зиме. Сильвестру исполнилось двадцать два года. Васыль с Катериной, когда много лет назад взяли его в семью, определили на глаз, что ему примерно два года, а днем рождения стали считать день, когда Васыль привез малыша домой. Как выяснилось позднее, с возрастом они не ошиблись, а настоящий день рождения так и остался неизвестным.

В один из морозных дней поздней осени, скорее, предзимья, заслали в хату Елены сватов от Сильвестра. А несколькими неделями позже отгуляли и свадьбу.

Сильвестр аж светился весь: дождалась его любая Елена, не отказала сватам, согласилась идти в маленькую хату к мужу из крепкого родительского дома. Смущалась, закрывала на свадьбе лицо фатой. Нежная, красивая, застенчивая. Ну чего ж еще пожелать можно? А уж сделать ее в семейной жизни счастливой пообещал себе Сильвестр твердо и решительно, тем более,

что перед глазами пример родителей, проживших много лет в любви и согласии.

— Серденько мое, любая моя, - шептал на ухо невесте жених, помня, как от таких слов Васыля каждый раз расцветала Катерина. Вот и Елена заливалась румянцем от жарких слов, и рука ее в руке Сильвестра нежно гладила и пожимала его пальцы.

Счастливым Сильвестр обводил взглядом уставленный едой стол и веселящихся, поющих протяжные украинские песни гостей. Гуляли в хате невесты. На свадьбу пригласили только родственников, соседей, друзей, тех, кто действительно радуется за молодых и желает им счастья. Вот отец, покрасневший от выпитой горилки, обнимает новоявленного свата, отца Елены. Громко и ладно поют песню, пытаясь вовлечь в нее и своих жен. Но те, разговаривая друг с дружкой, утирают извечные женские слезы. Ох, уж эти женщины! Радуются – плачут, горюют – тоже плачут. Вот и пойми, отчего глаза на мокром месте. Рядом с ними – сестра Ирина с мужем Иваном. Семья молодая, три года, как поженились, сына родили. Живут в достатке, меж собой ладят. Рад Сильвестр за Иринку, она была ему любящей и заботливой нянькой, защитой от всех жизненных бед и хранительницей его мальчишеских тайн. И сейчас они роднятся хорошо, помогают друг другу. Иринка была первой, кому Сильвестр доверил свою сердечную тайну, попросил выведать у подружек Елены, не отдала ли она кому свое сердце еще до встречи с ним. Все аккуратно исполнила сестричка, за что ей низкий поклон, так что спокоен Сильвестр, зная, что никого, кроме него, в сердце жены нет.

А за Иваном поют песни еще две сестрички Сильвестра. При взгляде на них у Сильвестра сжалось сердце. Господь Бог наградил его, позволив отыскать через столько лет давно потерянных сестер-близняшек Гелю и Рузю. Это произошло незадолго до свадьбы, когда к ней уже шли усиленные приготовления. Однажды в Пулынах, куда Васыль приезжал пригласить на свадьбу сына родственников, живущих в городке, случайно в разговоре с ними были упомянуты свадьбы двух дочерей зажиточного ремесленника из

этого городка, вернее, одна свадьба, так как близняшек-дочерей выдавали замуж в один день и гуляли широко и громко. И как-то между делом было сказано, что зовут их Гелия и Розалина, и что взяты они в семью сиротами с базара много лет назад. Захолонуло все в груди Васыля. Они много раз дома с Катериной говорили о том, что хорошо бы найти сестер Сильвестра, родных ему по крови. Сам Сильвестр знал историю своего усыновления, родители посчитали нужным рассказать все. Но сделано это было, когда он вырос. За давностью лет особых эмоций у него эта история не вызвала и любви и уважению к родителям и сестре никак не помешала. Наличие где-то двух сестер и бросившей их матери не изменило ничего в его жизни.

А Васыль, оглушенный такой новостью, тут же поехал по указанному адресу. Женщину, Василину, забравшую тогда с базара двух девчушек, он узнал сразу. Впрочем, и она его тоже. Из долгого разговора с ней Васыль выяснил многое. Девчушки, немного успокоившись и привыкнув к новой жизни, более-менее связно смогли поведать Василине, что же с ними случилось. Они даже показали ей свой дом в Пулынах, где раньше жили с отцом и матерью, когда Василина возила их в своей коляске по городку. Василина расспросила подробнее соседей, и оказалось, что на другом конце городка в небольшой хате жила семья бедного ремесленника. В семье было трое детей: девочки- близняшки четырех лет и хлопчик двух лет. Их фамилия Броневицкие, они поляки, мальчика же зовут Станислав. Хозяин от болезни умер много лет назад, жена его вскоре после этого попыталась сдать детей в детский дом в Новограде-Волынском, городе неподалеку от Житомира, но ей там отказали. Тогда она взяла детей, ушла с ними однажды из дома, и с тех пор о них ничего не было известно.

На следующий день Васыль и Сильвестр съездили в Пулыны, нашли Розалину и Гелию. Сколько слез было пролито при встрече, сколько поцелуев в щеки получил Сильвестр, сколько было рассказано друг другу о своей жизни. В отличие от Сильвестра, девочки помнили все эти годы и братика, и тот страшный день в своей жизни, когда их разлучили, и когда мамыны руки заплели им косички в последний раз. Со временем

воспоминания, конечно же, тускнели и стирались из памяти. Сестры уж и не надеялись на такую встречу. В их жизнь в тот день, как и в жизнь Сильвестра, вошла новая мама, заботливая, ласковая, надежная, которая дала им все то, чего лишила родная мать.

- Так я, значит, поляк, - размышлял после Сильвестр. - И крещен, наверное, был не в церкви, а в костеле. А ведь я ходил все это время с родителями в церковь, хотя есть в Пулынах костел. Польского языка я тоже не знаю. И теперь зовусь Станиславом. Как все переменялось в моей жизни.

Вот и теперь, сидя на своей свадьбе и улыбаясь новообретенным сестрам, Сильвестр думал о том, что ему нужно привыкать жить с новым именем, тем более, что по настоянию Катерины его обвенчали в церкви с Еленой, как Станислава. И оба они теперь Броневицкие.

- Ничего, к этому как-нибудь привыкну, - говорил он себе. - А вот в церковь буду ходить по-прежнему, тем более, что моя Елена православная. Бог простит, он же един для всех. Какая разница, из дома с какой крышей моя молитва к нему полетит.

Сильвестр был воспитан, как православный христианин, ходил по воскресеньям с родителями в церковь, но особо набожным не был. Да, Бог есть, он верит в него, и в минуты молитвы искренне обращается к нему со своими мыслями и мечтами. Просить его можно о здоровье отцу и матери, о счастье Иринке, об ответной любви коханой Елены. А о помощи в делах? Дела самому нужно делать, и никого не просить об этом. Не замахивайся на то, чего не сможешь осилить, а с остальным сам справишься, так учил его отец.

- Станислав! – отвлек его от дум голос матери. - Что нахмурился? Посмотри, расстроил невесту. Она же, как твое зеркало: ты улыбаешься, и она тоже, ты грустил, и у нее слезы наготове. И, действительно, Елена с тревогой в глазах смотрела на мужа и гадала, о чем его мысли? Может, не рад? Может, разлюбил?

- Ну что ты, любая моя, я просто задумался, - угадал ее тревогу Сильвестр.

- Ах, да, Станислав, - поправил он сам себя. – У нас новая жизнь с тобой начинается. Надо постараться, чтобы она шла в любви и согласии, как у моих родителей. И я люблю тебя, моя ненаглядная. Вместе мы все одолеем. Только ты тоже люби меня всю жизнь, обещаешь?

- Обещаю, - и шепот любимой, и бесконечная любовь в ее сияющих глазах, обращенных к Станиславу, давали ему надежду и уверенность, что все так и будет.

А свадьба гуляла и пела. Лилась горилка, понемногу исчезала со столов обильная снедь, правда, периодически пополняемая из кухни. Веселилась молодежь, перемигивались и сыпали шутками мужики, чинно сидели пожилые родственницы, не забывая и чарку пригубить. А женщины пели украинские песни, одну за другой, красивые, напевные. Неслись они из открытых окон над Янушевкой, будоража души, вызывая слезы, тревожа мимолетной чужой любовью, пленяя сильными, прекрасными звуками:

Вечір надворі, ніч наступає,
Вийди, дівчино, серце бажає!
Чистеє небо зіроньки вкрили,
Вийди, дівчино, до мене, мила.
Дай подивитись в яснії очі,
Стан твій обняти гнучкий дівочий,
Глянути в лічко биле, чудове,
На коси довгі, на чорні брови.

День незаметно опускался в сумерки, затем так же плавно перетекал в ночь. Затихали песни, расходились гости, над селом раскидывала свои крылья тишина. Кое-где лениво брехали собаки, но и они вскоре стыдливо замолкали, стараясь не нарушать красоту ночи. Шел редкий крупный снег. Мохнатые снежинки, выпускаемые из ладоней черного ночного бездонного неба, медленно кружились и ложились на ждущую землю.

Ах, Украина! До чего ж ты прекрасна! Даже воздух твой как лекарство, не надышишься! Счастлив тот, что ступает по твоей земле, кто имеет на ней

свой уголок, свой кров. Тот, кто бережет ее, возделывает, кто в своем саду по весне обнимает цветущие вишневые деревья, сеет и убирает хлеб. А уж земля эта, плодородная и прекрасная, сторицей воздаст рачительному хозяину за труды, только не ленись.

Под покровом ласковой ночи, в своей новой хате, где была приготовлена первая супружеская постель молодым, шептал Станислав своей коханой жаркие слова. Горела у изголовья свеча, занавески плотно закрывали окна, и ни звука не вырывалось из этой комнаты наружу. Не нужно это, да и зачем? Супружеское счастье всегда только для двоих.

Глава четвертая.

Молодожены начинали свою новую жизнь в новой хате не на пустом месте. Василь с Катериной выделили для зарождающегося хозяйства молодую корову, свиноматку. Гусей и кур Елена сама по весне разведет: посадит на яйца клушу, вот и прибыток будет в хозяйстве. Даст Бог, все у нее получится, мать всему научила. Да и за ней дали хорошее приданое. Дочь-то любимицей была, старшенькая, остальные, сыновья, в семье пока подрастают, есть время до их женитьбы восполнить отданное за Еленой. Постели, рушники, посуда, икона, которой благословляли молодых: всего было в достатке, что для хозяйки в доме необходимо.

Трудились молодые, не покладая рук. Станислав всему научился у отца, все спорилось в его руках. И у Елены в хате все было ухожено, чисто и аккуратно. Ко всему этому умению она оказалась еще и рукодельницей. Умела обрабатывать лен, прясть его, ткать холсты, тонкие и белые. Шила из них одежду и белье. А уж вышивать была мастерица! Рушники, мужские и женские рубашки, затейливо вышитые ее руками, быстро раскупались на базаре, куда их по мере накопления увозил Станислав. А как же, любит Украина вышиванки, а из рук Елены рубашки выходили – загляденье. Так что и гроши копились в молодой семье на первую мечту и необходимость в хозяйстве – лошадь. Без такой подмоги тяжело, а дел впереди много.

За окном маленькой хаты дул февральский ветер. Вьюжило по-серьезному, снег с силой крутило и бросало в окошко кухни, где Елена варила борщ на обед в русской печи. Уютно потрескивал огонь за заслонкой, стучал нож по доске, нарезаая бульбу, лук, морковку. В мясной бульон, кипевший в чугушке, заложены накрошенные овощи, отдельно на сковородке тушится свекла. Ее необходимо положить в борщ в последнюю очередь, чтобы не потеряла цвет. И обязательная добавка в настоящий украинский борщ – чеснок, растертый с небольшим количеством смальца. Запах по кухне плыл такой аппетитный, да еще и смешивался с ароматом только что выпеченных хлебов, которые Елена разложила на столе остывать. Руки ее все делали автоматически, в силу

привычки, и мысли были легкие и радостные. Сегодня она скажет мужу свою новость: она ждет ребенка. Теперь знает точно, все признаки этого есть. И с матерью вчера говорила. Та подтвердила:

- Да, доню, это ребенок. Будем ждать. Мы в нашем роду все легко носили и легко рожали. Даст Бог, и тебе не придется мучиться. Сынок или дочка родится – неважно, все в хозяйстве сгодится, - засмеялась она. - Все равно берегись, мало ли что. Что поделать, наша доля женская такая, рожать да растить деток. Поможем, Не оставим.

Хлопнула входная дверь, и в кухню вошел Станислав, принеся с собой облако морозного воздуха. Елена, как всегда, залюбовалась им: статный, крепкий, румяный с мороза.

- Какие запахи во дворе из хаты! Не удержался, пришел снестать. Во дворе доделаю все потом, - улыбался Станислав. – Еще только утро, все успею. А как тут моя коханая одна управляется?

-Уже не одна. С помощницей, а, может, помощником,- смущенно проговорила Елена.

- С кем? Где он? – удивился муж.

- В теплом уютном местечке. В мамином животике. - Елена с улыбкой, но все же настороженно, смотрела на мужа, как он воспримет новость?

- Это хорошо. Дети – это хорошо, - как-то спокойно воспринял слова Елены Станислав. Она вообще-то ожидала, что муж обрадуется, поцелует, закружит. А он сидел за столом и погрузился в думы. Но ведь сказал, что дети – это хорошо, значит, рад. А что не скачет от радости, так и не хлопец, чтобы так себя вести. Как бы то ни было, муж надежный, любящий, опора во всем. Елена за ним, как за каменной стеной, а попусту веселиться не след, ни к чему это. Бог наказывает таких.

Станислав очнулся от своих размышлений.

- Будет у нас деточка к осени. Значит, надо начинать копить гроши на новую хату, побольше и получше. Лошадку мы, слава Богу, купили, хороша Ласточка. Теперь подумаем и о стройке. Помочь нам есть кому: твой и мой тато еще в силе, Иван Иринкин, мужья Рузи и Гели, их отец, муж Василины.

Соседи славные, дай им Бог здоровья. Все помогут. Пусть не за год, но построим новую хату. Так ли я думаю, серденько мое?

- Так, так, - улыбалась Елена. С таким мужем, ощущая его силу и решительность, можно быть спокойной за свое будущее. Ребеночек, которого она носит, родится в любви и достатке. Тато обещает им это.

В теплый осенний день 1878 года родилась у них первая дочь.

Елена, как и обещала мать, переносила беременность легко, и родила легко. Повитуха, принимая девочку и похлопывая ее по попке, похвалила роженицу. Все сделала правильно, слушала повитуху, вот и девочка родилась здоровенькой. Ишь, как кричит, голос громкий, значит, знатная песенница будет, дай-то Бог! Похожа на отца, глазки голубые, бровки вразлет, красавицей вырастет.

Окрестили девочку в православной церкви, нарекли Ниной. Радовались родители новорожденной дочке, нежили и тетешкали. А что дочка родилась, а не сын, помощник отцу, так какие их годы, еще дети будут. Матери помощница тоже нужна.

Отблагодарило жаркое лето щедрым урожаем, отдождала теплая осень, отгуляла и ушла далеко на север зима. Весной начал Станислав строительство новой хаты. Для этой цели был куплен небольшой участок земли, пустой, необработанный. Сколько сил предстояло вложить в него, сколько дел переделать, чтобы превратить в обжитую усадьбу! Но тяжелый труд никогда не пугал Станислава: к нему он был приучен с детства. И мечтали они с Еленой, как будет расти их новая хата, как они все в ней устроят по своему желанию, как первый раз зацветут плодовые деревья в их будущем саду. И их дочка, да и будущие детки, которых им Бог, конечно же, пошлет, будут бегать по этому саду. Под ярким и ласковым солнцем родной Украины будут звенеть колокольчиками их голоса.

Мечты понемногу воплощались в жизнь. Хата поднималась усилиями Станислава и его многочисленных помощников, родственников и соседей. Почему не помочь хорошему человеку? И он всегда откликнется на просьбу

о помощи. Строили хату, как строили их всегда в украинских селах и маленьких городках.

Хата была разделена на две половины, вход один с улицы в небольшие сени. В первой половине, кухне, сложена русская печь, стоит стол самодельный, лавки, есть место и для кровати, если семья будет большая. Два небольших окна. Пол земляной, побеленный серой глиной. Во второй, чистой, половине, называемой горницей, печь-обогреватель, также стол, лавки, кровать самодельная. Два окна, пол деревянный. Стены всей хаты оштукатурены глиной и внутри, и снаружи, побелены. Крыша соломенная.

Хата получилась побольше и попросторнее прежней в надежде на большую семью. Возле хаты Станислав построил сарай для скотины, клуню, баню. А около бани вручную выкопал пруд. Заложил небольшой сад, разработал огород, оставил место для поля-пашни.

Жизнь текла в ежедневных трудах и заботах. Станислав обустроивал свою новую усадьбу, Елена хлопотала по хозяйству, прираставшему год от года. Дочка Ниночка росла на радость отцу с матерью. Через два года после рождения Ниночки, уже в новой хате, у Елены родился сынок Павел, но умер в четырехлетнем возрасте, не справившись с тяжелой простудой. Еще при жизни Павла родилась дочь Анастасия. Настя, Настуня, как ее ласково звали родители. Настуня родилась красавицей, с первых дней жизни поражая внимательным, серьезным взглядом огромных голубых глаз. Точеный носик, полные, редкой красоты губы. Все личико было таким прекрасным, что даже родители робели перед этим Божьим даром.

- Охо-хо! – вздыхал, глядя на нее, Станислав. – Будет мне в ее девичестве забота, отгонять хлопцев, хранить ее девичью красу. Сынов надо рожать еще, чтобы охраняли сестру, мне-то не уследить за всем. Отзовись, Господи, на мою просьбу!

Господь отозвался. Вскоре после смерти Павла родился сын Андрей. На родительском совете было решено окрестить его в костеле, как поляка, чтобы помнил в дальнейшей жизни, что половина его рода польская, и вера польская. Так и были все они зарегистрированы в волости, где велся учет

жителей: отец – Станислав Броневицкий, по национальности поляк, мать – Елена Броневицкая, по национальности украинка. И детей записали так: дочь Нина Броневицкая, дочь – Анастасия Броневицкая, украинки, сын – Андрей Броневицкий, поляк. Две веры в семье, католическая и православная. Таким образом пытался Станислав не дать забыть ни себе, ни своим потомкам, откуда они родом, из каких корней.

Седьмого апреля 1889 года, в день благовещенья, Елена родила дочь Марию, которая оказалось в семье последним ребенком. Больше детей у Станислава и Елены не было. Окрестили малышку в православной церкви, записали украинкой. Девочка родилась маленькой, худенькой, без следов красоты старших сестер. Черты лица жесткие, нос горбинкой, волосики, слава Богу, густые, темные.

- Ну, ничего, не дал Бог красоты, значит, каким-то другим талантом обязательно одарит, - утешал Станислав жену.

И вправду, как выяснилось потом, одарил, необыкновенно красивым голосом, сильным, музыкальным, позволившим Марии с детских лет и до замужества петь в церковном хоре. Заслушивались прихожане, когда с клироса в церкви лился ее голос, как будто благодать божественная с небес.

Жизнь продолжалась, и годы проходили незаметно за тяжелой работой, непрерывным крестьянским трудом. Станиславу уже было сорок лет, Елене чуть меньше. А что такое сорок лет для мужика, который работает, как вол, не жалея себя? Крестьянский труд, если не лениться, быстро старит человека. Морщины на лице от жаркого солнца, проседь в волосах, почти седые усы. И осанка уже не та, теперь не назовешь Станислава статным: работа в поле, перенос тяжестей на собственном горбу – вот и поникли плечи, болит спина, ноют натруженные руки. Ежедневные тяготы и заботы изменили и его характер. Он стал гораздо суровее, к детям строже. Если в молодости казалось, что впереди еще много времени для дел, столько можно успеть, то теперь он понимал, что жизнь идет на закат, а многое из того, о чем мечталось, не достигнуто. И сколько не успеть, и сколько ошибок не исправить.

Елена по-прежнему была красавицей, но и ее не пожалело время. В белокурых волосах если и была седина, то оставалась незаметной. Морщинки у глаз, которые не были такими ясными, как раньше, поплывший овал лица, темный платок на голове, который она надела, заменив светлый, после смерти сыночка Павлуши, да так потом и не сняла. Считала, что по возрасту ей уже и не положены яркие одежды.

Более всего выдавали возраст руки. Сухая кожа, узловатые пальцы, сбитые ногти. Некогда жинке, у которой муж работает, не покладая рук, приумножая и сберегая хозяйство, сидеть без дела да холить лицо и руки. Надо ежедневно ухаживать за скотиной, стирать белье в едком щелоке и полоскать в зимнем пруду, мыть, скрести, белить... Да мало ли работы по хозяйству. Вот и огород на ней, кухня с бесконечным варевом, жатва на своей маленькой пашне. Дети требуют заботы и внимания. И накормить, и помыть, и обшить. Да и приласкать надо всех, а то где же они будут учиться любви, как не у матери?

Конечно, дочери Нина и Настуня подрастают, помощницы уже, а Марыня совсем мала. Сын же Андрей все больше с отцом пропадает, учится у него всему, как раньше сам Станислав учился у своего отца Василя. Хлопец пошел в отца, высокий, сильный, глаза серо-голубые, с холодком, губы тонкие. Растет неразговорчивый, хотя застенчивым его не назовешь, скорее, суровый. У отца перенял, что ли? Сторонится материнской ласки, считает себя взрослым, как же, одиннадцатый год пошел.

Всю свою привязанность и сердечную теплоту отдал Андрей, похоже, младшей сестренке Марыне. Если и была свободная минутка у него, то проводил он ее с пятилетней крохой: что-то рассказывал, заплетал косички, выслушивал ее лепет и разрешал горести и обиды. Даже лучший кусочек из сладостей, редко перепавших детям, оставлял для Марыни. Она же платила ему безграничной любовью. Вечером, когда Елена по давно установившейся и не нарушаемой традиции, которую переняла у матери Станислава Катерины, встречала за воротами возвращавшихся с работы мужа и сына, Марыня неслась со всех ног впереди и прилипала к ногам

брата, а не отца. С разбегу начинала выкладывать все свои дневные события и заботы, трещала без умолку. Андрей брал ее за маленькую ручку, спокойно выслушивал, расспрашивал, вел в дом. Родители только головами качали.

Был тихий осенний вечер. Семья Станислава сидела в кухне за нехитрым ужином. Бульба в мундире, помидоры спелые, крупно нарезанные соленые огурцы. Вареные яйца, молоко, масло коровье, растопленное в плошке, если кому помакать вздумается. Ржаной хлеб ломтями лежит на рушнике. Просто, сытно, всего вдоволь. Все свое, своими руками выращенное. Да и как иначе? Все крестьянские семьи так живут. Разница только в том, сколько хлеба и снеди на столе, много или мало. В семье Станислава еды для себя не жалели. Слава Богу, всего в достатке, голодными из-за стола не встают. Если какие куски останутся, так скотина во дворе, все подьест.

- Мама, тато, что я вам сказать хочу, - вдруг прервала общее молчание старшая дочка Нина. – К вам завтра сваты придут, меня сватать будут. Она вскинула высоко голову с запылавшими щеками, твердо сказала: - И я пойду замуж, я согласилась.

Станислав даже бульбу выронил из рук, не донеся до рта. Мать ахнула и прижала передник к губам. Слезы немедленно выступили у нее на глазах. Настуня смотрела на сестру с восторгом и обожанием:

-Ах, какое приключение ждет Ниночку!

Андрей же бросил быстрый, не по годам серьезный взгляд на сестру и продолжал чистить бульбу для сидевшей рядом Марыни.

Наконец, Станислав заговорил, не повышая голос. Он никогда не кричал и не ругался ни на жену, ни на детей. Считал это неправильным и излишним: все нужно решать спокойно. Крик же – признак слабости. Если дети что-то сделали не так, значит, виноват ты сам. Не научил вовремя, не предостерег, не подсказал. А теперь объясни, помоги поправить дело. Уважение и любовь к детям любого возраста, даже к Марыне, вот что главное в семье, если хочешь вырастить детей сильными и честными.

- Ну, ну, дочка, давай-ка подробнее. Какой замуж, когда тебе только пятнадцать лет? И какое согласие свое ты дала? Разве ты решаешь, когда идти тебе замуж и за кого идти? Помолчи пока! – остановил Станислав хотевшую что-то сказать Нину. – Мать, ты слышала, что доню твоя лепечет, не понимая, что говорит?

Елена молча качала головой, вытирая передником слезы. Да и сказать она пока ничего не могла: горло перехватил страх за дочь, неужели она что-то натворила? Почему так рано замуж собралась, честь не сберегла, что ли?

Елена и сама пошла замуж за тогда еще Сильвестра, будучи ненамного старше, только подзабылось все это как-то за трудами и заботами. Вот и пришла пора вспомнить, как замирало сердечко при виде гарного парубка, как мечталось по ночам, как хотелось не расставаться с ним вечером, а войти в одну, свою, хату и растаять в его жарких объятиях.

Вытерла Елена слезы передником, выпрямилась на лавке.

- Подожди, Станислав, не шуми. Давай выслушаем дочь. Что скажешь, доню?

Нина с благодарностью посмотрела на мать. Показалось ей, что мама будет на ее стороне в споре с отцом. Ну и что, что пятнадцать лет? Не пятнадцать, а уже далеко шестнадцатый год идет. Многие дивчины в эти годы замуж идут. А сватов зашлет довольно взрослый парубок, двадцати с лишним лет, поляк, из очень богатой семьи.

Вот это все и выложила Нина родителям на одном дыхании. Отец молчал, а Елена продолжала расспрашивать дочь:

- Имя-то есть у него?

- Да, мама, это Войтек Качмарек. Они живут тоже в Янушевке, только далеко от нас. Мы с ним встретились у моей подруги Янины Войцеховской, ты же их знаешь. А им он дальний родственник.

- И что, недавно встретились, и уже замуж собираешься? Узнала ли ты его, каков он, чем дышит? Трудолюбивый хлопец или лентяй? Дочка, надо лучше узнать его, может быть, у него это несерьезно, как знать?

- Он говорил, что сохнет по мне давно, ждал, пока я подрасту, и ему жениться пора. Его родители заставляют жениться, а он им сказал, что женится только на мне. Они согласны. Мама, тато, он мне тоже люб, дайте свое согласие, я боюсь его потерять! Я, когда смотрю на него, то мое сердце замирает так сладко-сладко, и воздуху не хватает дышать! А в очах его столько ласки и огня, мама! И, когда он держит меня за руку, мне так спокойно и хорошо, как будто день летний и солнышко теплое мне светит!

Елена смотрела на дочь, покрасневшую, с тревогой в очах, но такую счастливую! Вернее будет сказать, ожидающую счастья и не сомневающуюся в нем, что оно непременно будет с любимым.

- Мама, ты знаешь, как он меня называет, когда мы гуляем по улице? Серденько мое! Так тато тебе говорит, я слышала. Войтек сказал, что я очень красивая, краше всех для него в селе!

Красивая, конечно, красивая, думала Елена, глядя на Ниночку. Вон, какие ясные глаза. И брови черные вразлет, отец почти всех детей такими, как у него, наградил. Высокая, стройная, темная коса ниже пояса. Голову держит всегда высоко. И походка легкая, быстрая, летает над землей дивчина. Любой парубок заглядится. А то, что рукодельница, каких поискать, Еленины навыки прясть, ткать, вышиванки шить все переняла, так слава об этом далеко по селу идет. Послушная отцу с матерью, звонкоголосая, скромная. Дурного слова о ней не слышно в селе. Надо ли удивляться, что хороший парубок по ней сохнет?

- Вот придут завтра сваты, послушаем, что они скажут, посмотрим на твоего Войтека, тогда и речи держать будем. А пока мы с отцом еще подумаем, поговорим. Успокойся, дитячко. Если это твоя судьба, то все и сладится, а если нет, то и переживать нечего. – Елена вздохнула и перевела взгляд на мужа. - Как ты думаешь, отец?

- Так, так, серденько мое, - улыбнулся молчаливый все это время Станислав. – Все верно ты решила. Наверное, пришло время вылетать дочкам из гнезда нашего с тобой. Ничего не поделаешь, судьбу не обманешь.

- И мне тоже? – неожиданно раздался тоненький голосок Марыни.

- А тебе еще очень рано, - рассмеялся Станислав. - Твой жених еще не дорос и до тына. Подождем, доню. Настуня, помоги-ка Нине убрать со стола, да ложитесь спать. А мы с матерью в садочке посидим трошки.

Теплый украинский вечер, торопливо глотающий последние крохи дневного света, постепенно уступал, в свою очередь, место звездной ночи. В низеньких хатах под соломенными крышами один за другим гасли в окнах огни, тени от хат и деревьев тонули в непроглядной черноте. Далеко вверху яркими блесками, дрожа и подмигивая, шептались о своем звезды. Удивительная и невыразимо прекрасная украинская ночь обнимала все вокруг теплом и покоем. Кое-где, нарушая тишину, брехали во дворах собаки, где-то далеко-далеко, на краю села, звучала песня. Женские голоса будоражили, звали, грустили, оплакивали. «Місяць на небі, зіроньки сяють, тихо по морю човен пливе. В човні дівчина пісню співає, а козак чує, серденько мре...».

Под окном хаты, на лавочке, молча сидели Станислав и Елена, вслушиваясь в далекую песню. Ночь окутывала их темнотой, шорохами, знакомыми звуками почти уснувшего села: редко где замычит заплутавшая скотина, у шинка сердитая жинка тянет с руганью домой подгулявшего мужика, шелестит над головой листва сада. Говорить уже не о чем: все переговорено. Выросла дочь, ничего не поделаешь. И если любит, то не нужно вставать у нее на пути, значит, это ее судьба. Хорошая или плохая, в том родители не властны, как бы ни хотели видеть дочь счастливой в семейной жизни. Все в руках Божьих. Лишь бы тот, кого она выбрала, платил ей такой же любовью. Вот и посмотрим на него завтра, что за человек. Уберечь от него дочь есть еще время, если постараться. Надо присмотреться к нему, разузнать о нем и его семье, куда так рвется их дитяtko. Хоть бы ее любовь оказалась ответной...

- Как у нас, серденько мое, - шептал на ухо Елене Станислав, обнимая за плечи. - Как давно я тебе не говорил, коханая моя, что любя ты мне до сих пор, как и в первые дни. Что жизни не вижу без тебя. Проснусь ночью и благодарю Бога, что ты дышишь под боком. Возвращаюсь вечером домой и

радуюсь, что ты обязательно меня встретишь за калиткой. И за деток наших спасибо, и за хозяйство, что ведешь исправно. Что еще нужно мужику?

Все я в жизни получил, о чем мечтал, чего хотел, слава Господу нашему. А чего нет, значит, того и не надо попусту желать. А ты желанна мне всегда, даже если суров бываю от забот многочисленных. Помни об этом всегда, серденько мое.

И слова его, и ответный шепот Елены слышали только они, да тихая украинская ночь.

Настояла Ниночка все-таки на своем: отдали ее Броневицкие замуж в польскую семью. Свадьбу гуляли широко и весело, гостей было много, столы богатые. Семья жениха денег не жалела: такую красавицу сын взял. И с семьей хорошей породнились, так как Броневицкие, хотя богатеями не были, хозяева справные, достаток у них в семье полный, уважением в селе пользуются. Хозяин Станислав на все руки мастер, хозяйка Елена славится рукодельем во всей округе. Дочку научила всему, что умеет сама. Сын очей с молодой жены не сводит, она в ответ счастьем светится. Бог отметил эту пару благодатью своей. Пусть живут счастливо.

Все так, все хорошо. Но Елена почему-то не могла найти себе места, тревожилась, чуя материнским сердцем близкую беду.

Так и случилось. Не прошло со дня свадьбы и полугода, как Ниночка умерла. Захворала и истаяла за несколько недель, оставив обе семьи в великом горе. Не помогли ни доктор сельский, ни бабки-шептуньи. Да и не знали они, от чего лечить молодку. А она лежала, таяла, и только невыносимая боль плескалась в ее больших голубых глазах, да руки дрожали, которые не выпускал из своих рук молодой муж до самой ее смерти.

Какими словами рассказать и передать то горе, которое поселилось в хате у Броневицких? У Елены и Настуни слезы на глазах не высохали, Андрей и Марыня тосковали по Ниночке, как умели. Станислав почернел и сгорбился. Хоронят уже второе дитяти. Павлуша был еще маленьким, а дети часто умирают от всяких детских болезней. Ниночка же в расцвете самом, с сердцем, полным любви и радости жизни.

Но такова воля Божья, а роптать на Бога – великий грех. Надо жить дальше, несмотря на тяжелую потерю. Бог посылает испытания, которые мы заслужили. И если Он забрал любимую дочь, то потом чем-нибудь возместит.

И Бог возместил. Но лучше бы он этого не делал. Потому что оно явилось для семьи не вознаграждением, а еще одним тяжелым испытанием. Однажды, через некоторое время после смерти Нины, в хату Станислава и Елены вошла странная старуха-нищенка. С порога заявила, что она мать Станислава, нашла его и никуда отсюда не уйдет. Грязная, одетая в какое-то рванье, со злыми бегающими глазами, тонкими поджатыми губами, она уселась без приглашения на лавку у печки, оглядывая все кругом тяжелым взглядом.

Станислава с Андреем в доме не было, а Елена растерялась и замерла у плиты с булькающими чугунами. На дворе зима, и незнакомую старуху не выгонишь на мороз. Но и оставлять в хате не хочется. Какой-то взгляд у нее нехороший, как будто ненормальный.

- Где сын, Станислав? Мне дочери сказали, что он здесь живет. Зови его! – скомандовала старуха громким сухим голосом.

На звуки разговора из чистой половины хаты на кухню вошли Настуня и Марыня. Настуня, дивчина редкой красоты на выданье, высокая, полногрудая, с ярким румянцем, огромными голубыми глазами, смотрела на гостью, сморщив носик. Запахи еще те от такой одежды, грязных рук, невымытых волос.

- Мама, кто это? – Настуня вопросительно глянула в сторону матери. Из-за нее, спрятавшись за сестрой, выглядывала Марыня, худенькая девочка-подросток. В этой семье, где и отец с матерью, и обе старших сестры, отличались красотой, они с братом Андреем казались чужими. Елена часто гадала, на кого же похожи ее младшие дети. Обычные лица, чаще бледность, чем румянец, небольшие серые глаза, нос горбинкой, тонкие губы.

- Боже мой! – вдруг ахнула Елена. Вот сидит их бабка, как она утверждает. Так вот на кого похожи Андрей с Марыней! Значит, это правда, и это мать Станислава, которая много лет назад бросила своих маленьких детей на

базаре, не задумываясь, а возьмет ли их кто-нибудь к себе, или они не доживут и до утра от холода и голода?

- Настуня, сходи за тато, он должен быть в сарае или клуне. Быстрее, дочка.

Настуня, не медля, выскочила за дверь. К материнскому боку прижалась Марыня. Что-то нехорошее происходит в хате, но мама-то рядом, значит, не страшно. Да и тато сейчас придет, а уж он прогонит эту плохую старуху.

Хлопнула дверь, и в хату вошли Станислав, за ним Андрей. Молча, не здороваясь с гостьей, Станислав сел на лавку на свое обычное хозяйское место, рядом встал Андрей. Как защита отцу на всякий случай. Мимолетно отметив решительность сына, Станислав невольно почувствовал теплоту в сердце. Хорошо это, хороший хлопец растет! Сын!

Так молча и сидел хозяин за столом, глядя то на детей, то на жинку, то в окно, и только изредка поднимая глаза на гостью. А она в это время жалостливым голосом, суетливо перебирая руками, рассказывала ему о своей тяжелой жизни: и что прокормить малых детей после смерти мужа она никак не могла, поэтому и оставила их много лет назад на базаре в надежде на добрых людей. И что скиталась она по земле, работала в батрачках у разных семей, даже замуж сходила, но была мужем брошена. Деток у нее больше не было, и она все это время надеялась, что старость ее будут лелеять родные дети. Но вот, - какая неблагодарность! – дочери Рузя и Геля, когда она их нашла, отказали обе ей в приюте за то, что бросила их когда-то. Нехотя, но они все же рассказали матери, где живет сын Станислав, уверяя, что и там ее ждет от ворот поворот.

- Но я же мать ваша! Куда я пойду? Грех тебе, сын, будет, если и ты выгонишь мать!

Долго молча смотрел на нежданно объявившуюся родительницу Станислав. Потом встал и, не обращая внимания на протянутые к нему грязные старческие руки, сказал Елене:

- Накорми ее да постели на кухне. Найди какую-нибудь одежонку чистую.
– И, обращаясь к сыну: - Пойдем, Андрей, затопим баню.

Так и утвердилась пришлая старуха в хате, несмотря на нежелание разговаривать с ней всех домочадцев, включая и Станислава. Заботилась о ней Елена. Кормила, мыла в бане, держала в чистоте ее одежду. Отмалчивалась на все потуги так называемой матери выслушивать ее, как поступал и муж. Пропускали оба мимо ушей упреки в сыновней неблагодарности, в непростительно простой еде, в нелюбви внуков. Плохо, плохо воспитал Станислав детей, не уважают старую бабушку!

Глава пятая.

В двенадцати километрах южнее Янушевки раскинулось вольно среди бескрайних полей большое богатое село Тыснывка. Широкие улицы, хорошие справные усадьбы, большие сады. Были в селе, конечно же, и маленькие хаты, победнее, но, в основном, село завораживало взгляд приезжего и удивляло.

- Да, крепкие хозяева в селе, богато живут, - говорили проезжающие по улицам Тыснывки окрестные селяне. - Что и сказать, Бог помогает, наверное. А тут бьешься-бьешься в своем хозяйстве, да мало прибытку, а то и вовсе ничего. - И сокрушенно качали головами. Давно известно, что мало кто из людей может просто порадоваться чужому благополучию.

Жил в Тыснывке помещик, украинец и православный христианин, по фамилии Русецкий. Большой и красивый дом его стоял в глубине старого фруктового сада, окруженный большим количеством разных хозяйственных построек. В сараях было много домашнего скота и разной птицы, в пруду на краю усадьбы водилась рыба, более всего вьюны. Около пруда большая баня, в саду – пасека. Богато жил помещик Русецкий. За всем хозяйством ухаживали слуги, в доме сновали с тряпками и ведрами служанки, на широких полях, принадлежащих ему, работали наемные рабочие. Пекли-варили поварихи, обшивали и хозяев, и многочисленную обслугу нанятые для этого швеи. Всего вдоволь было в доме, да только семья мала: сам хозяин, его жена и единственный сын Петро. Петро не был еще женат, не приглянулась пока никакая дивчина, да так, чтобы замуж взять и прожить с ней всю жизнь. Дивчин вокруг много, каждой было бы лестно внимание богатого парубка, а уж хозяйкой такой усадьбы стать – и мечтать страшно, но как хочется! Возраст у Петра для женитьбы подходящий, двадцать лет минуло, но отец не торопил сына с этим делом. Все равно он единственный наследник, все ему достанется, вот и пусть живет дома, привыкает, учится хозяйствовать. Да и с женой сыну не хочется ошибиться. Дивчину надо выбрать скромную, хозяйственную, аккуратную. Чтобы умела не языком

работать, а руками да головой, могла бы рачительно вести хозяйство, когда останется за хозяйку. Мужа бы почитала, слушалась, уважала. Чтобы и он сердцем к ней прилепился, без любви и уважения трудно в семье жить. Непросто, непросто такую найти. Пусть Петро не торопится. Красавцем сына не назовешь, совсем обычный парубок. Роста чуть ниже среднего, светлые волосы, светлые глаза. Изнежен, конечно, работу крестьянскую не приходится делать, для этого есть слуг полный дом.

Так рассуждал отец, а для матери сын - ненаглядный, свет в окошке. И как такого простой дивчине отдать? Нет уж, пусть выбирает красавицу, время для него еще далеко не ушло, успеет. Да такую надо, чтобы свекрови была послушна во всем. Вот и гулял Петро холостым.

Однажды, будучи в гостях в Янушевке у своего закадычного друга, такого же богача, как и сам, заговорил старый Русецкий о необходимости женить сына. Пришла пора, а тот так и не выбрал в своем селе дивчину по сердцу.

- Может, друже, в твоей Янушевке есть гарная дивчина, чтоб моему Петру понравилась? А? Подумай, - уговаривал хозяина дома гость. В таком подпитии, в котором они оба находились, дело казалось простым и легким.

- А, может, и найду! – отвечал тот. – У нас красавиц полное село, любую выбирай!

- А найдешь, так сразу и свататься поедем, - решимость провернуть дело возрастала с каждой выпитой чаркой горилки.

- Без Петра? – удивился хозяин. – Нет, свататься не будем, а посмотреть на нее поедем!

Сказано-сделано. Вот уже и повозка готова, и несется она лихо по улицам Янушевки.

Наверное, судьбу невозможно обмануть. Если суждено двоим встретиться для счастья и любви, так и случится. Шла Настуня летним днем под ярким солнцем по улице навстречу своей судьбе, тоненькая, стройная, очень красивая, легкой летящей походкой и с улыбкой на лице. О чем мечталось в эти минуты дивчине? Что шептал ей теплый ветерок, играя темной прядкой волос, выбившейся из густой косы? Настуня была сейчас так похожа на

свою сестру Нину, которая умерла на семнадцатом году жизни, через полгода после счастливого замужества. Высоко поднятая голова, голубые глаза необыкновенной красоты, черные брови вразлет. Полные яркие губы, которые любому парубку хотелось целовать и целовать. Не дивчина, мечта!

А сейчас к этой мечте приближалась повозка, сильно замедлившая ход. Управлявший ею друг Русецкого издали узнал Настуню, специально остановил лошадь и приветливо раскланялся с проходящей мимо дивчиной. Та улыбнулась, вежливо ответила, но про себя подумала:

- Чего это он? Я и знать-то его толком не знаю, а он даже шапку снял, здороваясь.

И подробности встречи быстро улетучились из ее мыслей, так как прелестная головка была занята совсем другим. Тато сегодня уехал в Пулыны на базар продавать рукоделье Елены и ее, Настуни. Вышиванки, мужские рубахи, расшитые затейливым орнаментом рушники. Конечно же, Станислав сам не стоял в торговых рядах с этим рукодельем, а сдавал его по хорошей цене знакомой торговке. А уж какой прибыток имела с продажи такого знатного товара она сама, Станислав никогда не интересовался. Товар торговка брала всегда охотно, так как продавался он быстро, брали покупатели охотно. Еще бы, такая красота! Стоит она той цены, что запрашивала хозяйка товара.

Настуня же думала о том, какие гостинцы привезет с базара тато. Он обещал и ленты для венка, и бисер для нарядного жилета для нее и Марыни, и нитки разноцветные для рукоделия. А еще что-нибудь маме. Братик Андрей поехал с отцом и сам выберет для себя подарок.

- Только бабке старой, злой и вредной, которая живет у них в хате и считает себя в ней главной, ничего не надо бы привозить отцу, - заранее рассердилась Настуня. – Покрикивает на маму, швыряет со стола тарелки, если не нравится еда, считает, что лучший кусок должен отдаваться ей. Всегда и всем недовольна. Из кухни перебралась в горницу на Нинину кровать, никого не спросила. Правда, ведет себя так только тогда, когда тато нет дома. А при нем сидит тихо на своей кровати, ест, что дают, и

помалкивает. Взгляд у нее страшный какой-то, как у сумасшедшей. Боязно оставаться с ней, когда тато нет дома.

И правда, последнее время семье Броневицких жилось тревожно и неудобно. Беда была в том, что в живущей у них старухе стали проявляться первые признаки сумасшествия. С каждым днем все труднее было с ней справляться: то говорит невесть что, то делает непотребное. Может оттолкнуть Елену от печи, когда та готовит еду, и набросать углей в чугунок с борщом. Может ударить или больно ущипнуть Марыню. Старших-то детей боится трогать: Настуня не позволяла к себе приближаться, а Андрей всегда останавливал старуху холодным взглядом, поэтому она, казалось, робела перед ним. Более всего доставалось Елене. И приготовила еду не так, и подала не так, и в бане помыла жесткой мочалкой. Ох, не уважают старую мать, не лелеют, как положено. Накажет, накажет Господь нерадивую невестку! И подушка на постели твердая, и сама перина комками. Все самое плохое ей подсовывают, разве так можно?

Постель летела на пол, посуда разлеталась на черепки об стену. Семья терпела, так как терпел и молчал Станислав. Да и не видел он всего, что вытворяла сумасшедшая старуха, весь день с сыном работают то в поле, то по хозяйству, то уезжают по делам. Марыня боится жаловаться суровому отцу на свои синяки от щипков. Попробовала однажды, но отец строго отчитал ее. Старость нужно уважать, сказал он, а удариться до синяка ты могла сама, где угодно. Вот и все жалобы.

Помешательство старухи постепенно становилось буйным. Терпение Станислава кончилось тогда, когда однажды на кухне, когда семья садилась за стол вечерять, сумасшедшая схватила с полки большой горшок, оправилась в него и тут же с силой разбила об стену, метнув его над накрытым столом и чуть не задев головенку Марыни. Станислав с сыном связали воющей старухе руки и ноги и уложили в постель.

Всю бессонную ночь он и Елена просидели у постели несчастной матери. Елена напоила старуху успокоительным отваром, который ей приходилось в

последнее время часто готовить и давать под видом чая, чтобы успокоить ту хотя бы на время.

Елена тихо, чтобы не разбудить детей и старуху, рассказывала мужу о последних событиях в хате, которые раньше скрывала, чтобы не добавлять хозяину забот и волнений, ведь ему и так приходится тяжело от вида больной матери и от всех горестей, которые доставляет ее присутствие всей семье. Показывала синяки на руках и плечах от ударов то ухватом, то кочергой. Плакала и говорила, что сил терпеть все это у нее больше нет. А теперь, когда мать окончательно стала буйной, боится за детей. Ей не справиться с сумасшедшей, когда его, Станислава, не будет дома.

Наутро Станислав с помощью сына вынес из хаты, уложил в повозку накормленную и укутанную в рядно притихшую мать и увез в город Новоград-Волынский в приют для таких больных, где она вскоре и умерла. Семья наконец-то вздохнула свободно. Горевать о ее смерти не хотелось, а притворяться не умели. Жизнь покатила дальше своим чередом.

К Настуне прибыли сваты. Неожиданностью этот визит не стал, так как Броневицкие были предупреждены о нем. Сваты приехали из Тыснывки от Русецкого Петра. В тот день, когда старый Русецкий поехал посмотреть на Настуню Броневицкую и встретил ее на дороге, такую юную, красивую, смелую, он для себя сразу же решил, что именно эта дивчина станет его невесткой. Ее образ запал в душу. Эх, скинуть бы два десятка лет, ни за что не отпустил бы от себя такую красавицу! Но годы, годы, их никуда не денешь, хотя сердце так и трепещет от одной мысли о Настуне. Пусть же она будет сыну женой, а ему дочерью. Понравится она Петру, должна понравиться!

- Ох, Петро, яка гарна дивчина! - рассказывал Русецкий сыну. – Как солнышко теплое, ее очи греют, как ночка звездная, ее улыбка волнует. Такая обнимет, так растаешь от счастья, а если поцелует, так почувствуешь себя, как в раю! Достояна она войти в наш дом, не жалко к ногам ее положить все богатство наше...

- Ну, ты, старый, слов-то каких наговорил, - строго сказала слушавшая его вместе с сыном жена. – Богатство свое он к ногам незнакомой дивчины решил положить! Сначала я посмотрю на нее, поговорю с отцом-матерью. Хату, хозяйство у них опять же надо разглядеть, все ли чисто и ухожено. А то, может быть, лентяйка да неумеха. Есть и такие, себя соблюдает, а в хату не войдешь, двор не метен, одежда чужими руками шита.

- Это-то зачем знать? – рассердился Русецкий. – Она куда придет жить? В наш дом, а тут слуг полно, есть кому и шить, и двор мести, и борщи варить!

- Ничего не понимаешь в деле том, так и молчи! – парировала жена. – Да, в доме есть кому все это делать, но ведь надо еще и знать, как делать! Сможет ли хозяйка распорядиться и требовать, чтобы работа была сделана правильно, если сама ничего не умеет?

- Тато, мама, не бранитесь зря. Я согласен поехать и познакомиться с той дивчиной. Пока мое сердце свободно. Может быть, она мне понравится, тогда и посватаем.

- Сначала мне должна понравиться, - твердо сказала мать Петра. - Вот только тогда и посватаем.

Решено было ехать в Янушевку на смотрины невесты в ближайшее воскресенье. Поехали все: и Петро, и отец с матерью. Шел мелкий дождь. Над селом только что отгрохотала гроза, и синяя туча свалилась за горизонт, рассеивая над Янушевкой последние капли влаги из серых клубящихся остатков своего хвоста. Дорога была из-за дождя пустынной, да и люди, несмотря на воскресный день, все сидели по домам. Вот выглянет солнышко, высушит лужи, согреет хаты, сады, травку вдоль дороги, прогуляется по дворам, огородам, тогда и забурлит жизнь в селе. Детвора побежит разбрызгивать голыми ножонками не успевшие высохнуть глубокие лужи, хозяйки потянутся на огороды, степенные мужики будут важно обходить свои владения, подмечая хозяйским глазом, где какой непорядок образовался, чтобы потом его исправить. Работать-то в воскресенье грешно, а пройти по двору да поглядеть, не натворила ли прошедшая гроза бед, это можно. А уж если все в порядке, то не грех посидеть с соседом в своем

садочке под вишенкой за чаркой горилки, тем паче, что хозяйка с огорода уже зелень несет, в самый раз будет на закуску с хлебом и неизменными ломтями соленого сала. Благодать Божья, да и только! Воздух-то после грозы какой свежий, хоть пей его, такой сладкий!

Знакомство с Русецкими, их неожиданный приезд, взволновали всю семью, спокойно отдыхавшую в воскресный день. С Русецкими приехал их друг, с которым отец Петра ездил на встречу с Настуней. Этот друг, будучи односельчанином Броневицких, уважительно поздоровался, объяснил, кто он таков, что за гости пожаловали в хату и зачем они приехали. Настуня, не ведавшая, какая судьбоносная встреча случилась у нее недавно недалеко от дома, вспомнила двух незнакомых мужчин из повозки, так мило раскланявшихся с ней на улице. Смутилась, отступила за Елену. Станислав пригласил гостей в горницу, усадил на лавки, сел сам. За спиной, как всегда, встал Андрей. Елена осталась стоять у стены, рядом с ней – Настуня. И Марыня тут как тут, юркнула за спину матери.

-Это пока не сватовство, а только знакомство, - спокойно и неспешно говорил сам Русецкий. - Наслышаны о вашей Настуне, много добрых слов говорят люди, что и разумница, и умелица. Рукодельница, каких поискать. Семья уважаемая, хорошая. Дети послушные, чтят отца и мать. Теперь мы сами увидели, что ваша дочь еще и красавица.

При этих словах Настуня запылала ярким румянцем, а потом гордо вскинула голову. А что, и красавица, люди врать не станут. Опять же зеркало в хате есть, его не обманешь. Но если гордиться красотой, то не слишком. Красота – это Божий дар, а вот чему ты в жизни научилась, что умеешь, это останется с тобой, когда с возрастом поблекнет красота. Так всегда тато говорит.

О себе и своей семье Русецкий рассказывал очень подробно: кто они, где живут, какое хозяйство имеют, чтобы родители Настуни знали, куда дочку отдадут, если молодые полюбятся. Без похвальбы, но точно, описал размеры своего хозяйства, огромный достаток. Сын единственный, поэтому со временем ему всем и владеть. Воспитан в православной вере, умеет,

несмотря на молодость, управляться с хозяйством, отец всему научил. Отца и мать почитает. Хотя со своими друзьями и гуляет по вечерам, никто в селе на него не жаловался, пьяным не замечал. Мать строго следит за этим.

Станислав внимательно слушал гостя, изредка кивая головой.

- Так-то оно так, только молода еще Настуня, восемнадцати нет. Не рано ли замуж? Парубок ей незнаком, это раз, отдавать дочь придется в другое, ей чужое, село, это два. Ее саму надо спросить, что она думает? И ваш Петро пока ни слова не сказал. Может, дочь наша ему не по нраву?

- Ну что ж, это я понимаю. Говори тогда ты, Петро. Надумал что? Понравилась дивчина или нет? Не стыдись и не криви душой, говори, как есть. Чтобы не иметь потом обиду ни дивчины, ни родителей ее.

Петро все это время не отрывал глаз от Настуни. Как отцу, так и ему она сразу запала в душу. Только полюбит ли его такая красавица? Ведь нет в нем красоты, и из всех достоинств можно считать лишь богатство. Опять же богатых в селе много, может найтись другой жених.

- Понравилась Настуня, очень понравилась. Я хоть сегодня готов жениться на ней. Но, думаю, что ей нужно дать время присмотреться ко мне. Уважения в семье мало между мужем и женой, без любви жизнь покажется холодной. Если Настуня согласится стать мне женой, я буду самым счастливым человеком, если же нет, то пойму и приневоливать не стану.

- Ну что ж, разумные слова говорит ваш сын. Так и договоримся, что не будем торопиться, пусть молодые лучше узнают друг друга. А уж там и о сватовстве речь держать можно, если они сговорятся.

На том и порешили. Настуня так и не вымолвила ни слова в течение беседы старших. Видела, чувствовала, что Петро глаз с нее не сводит, но не решалась ответить ему тем же. Взглянет на него изредка своими прекрасными очами, и опять их опустит. Только руки теребят передник от волнения. Конечно, были в Янушевке парубки, которые заглядывались и пытались ухаживать за ней. Но не трогали ее сердца их красивые слова. Наверное, еще время не пришло открыться сердечку для любви. И Настуня с любопытством исподтишка поглядывала на Петра. Ничем вроде не

примечательный, а душа почему-то волнуется. Неужели, это и есть судьба? Мама говорила ей, что суженого при встрече сразу узнать можно, что сердце непременно подскажет.

- А как подскажет, мама? Как это узнать? – выпрашивала у матери Настуня.

- Узнаешь, почувствуешь сразу, - улыбалась в ответ Елена.

- А как узнаю, мама, как?

- Как, как, вспотеешь сразу, с головы до ног, - серьезно сказал незаметно вошедший на кухню и услышавший разговор Станислав.

- Ну, тато, вы скажете тоже! – обиделась Настуня, но потом рассмеялась, а за ней и все остальные.

И вот теперь к Броневицким приехали настоящие сваты. Петро Русецкий, очень богатый парубок, сын помещика из Тыснывки, сватал за себя Настуню Броневицкую. Молодые люди с момента знакомства много раз встречались. Если Петро приезжал к Настуне, то их встречи проходили под надзором Елены, а при ее занятости всегда рядом с сестрой был братик Андрей. Петро не возражал: так принято в хороших семьях, дивчина должна быть под защитой родных. А если Настуня приезжала к Русецким по приглашению, то всегда с отцом и матерью. Семьи подружились, несмотря на разницу в достатке. Оба хозяина находили много тем для бесед и общих интересов. Молодые, взявшись за руки, гуляли по большому саду Русецких, но всегда за ними следовали обе матери, у которых была общая неиссякаемая тема для разговоров: дети и устройство их будущей семейной жизни. Настуня уже дала согласие выйти замуж за Петра, нравился он ей очень. Она доверяла жениху безоговорочно, верила, что он никогда не обидит. Видя обожание в его глазах, чувствуя на губах его нежные, ласковые поцелуи, которые удавалось иногда скрыть от бдительных сторожей, Настуня ощущала незнакомое волнение в сердце.

- Это любовь? – спрашивала она себя. – Да, наверное, это любовь.

Откуда знать молодой дивчине, какой бывает настоящая любовь? Чтобы понять это, нужно сравнить, а с чем? Не было в их отношениях с Петром

огня, а только ровное тепло, не задыхалась Настуня от нестерпимого желания видеть любимого, когда они долго не встречались, не кружилась голова, когда он шептал ей слова любви. Так любовь это, или нет?

Со стороны Петра, может быть, и была любовь глубокой и настоящей, но он боялся отпугнуть неискушенную любимую напором и жаркими объятиями. Все это будет потом, когда закроются за ними, как за мужем и женой, двери спальни.

И вот теперь настоящие сваты в доме. Все положенные обряды проведены, все заученные слова сказаны, сватовство состоялось. Можно и о свадьбе поговорить. Как все устроить, когда устроить. Ох, сколько забот родителям прибавилось. Со стороны Русецких нет опасений за денежную сторону дела, богатства хватит, да и у Броневицких приданое для Настуни готово. И все равно родителям есть что обсудить. Поэтому беседа ведется неспешно, с великим уважением друг к другу. На жениха с невестой поглядеть – одно удовольствие. Сидят рядышком, держатся за руки. Петро что-то шепчет Настуне, улыбается, и она очи опустила, румянцем полыхает, а улыбка так и рвется из-под прикрывающей губы руки. Марыня, которую допустили в комнату, где шла беседа, во все глаза смотрит на молодых, ловит жадно все разговоры, может быть, несмотря на юные годы, уже примеряет на себя светлую улыбку невесты? Елена, глядя на младшую дочь, понимающе кивает головой. Вот-вот, незаметно и это время подойдет, заневестится и Марыня. Им, нашим детям, молодость и счастье, а нам с отцом – старость и покой. А давно ли сами женихались? Все свежо в памяти, как будто было вчера. Только длинные годы лежат между теми днями и сегодняшними.

За Настуню Елена не беспокоилась, ничего плохого не предвещало материнское сердце, как в свое время при замужестве старшей дочери Ниночки. Русецкие, как думалось, хорошая и честная семья. И богатство их означает спокойную жизнь для Настуни, не придется в кровь сбивать руки в тяжелой работе по хозяйству, как доводилось самой Елене. За завтрашний день не надо беспокоиться, чем семью накормить. По всему выходило, что счастье улыбнулось ее дочери. Жених завидный, скромный. Не красавец, так

это и хорошо; будет верен жене, если вокруг не будут крутиться охочие до приключений дивчины и жинки. Все хорошо. И Станислав так считает, об этом с ним не раз вели разговор.

- Слава Богу, все пока идет, как надо. Хватит волноваться, пора готовиться к свадьбе, - вздохнула про себя Елена.

Быстро летело время, особенно для Настуни. Приготовления к свадьбе шли полным ходом. Платье невесты подарено женихом, фата дополнительно расшита руками матери. Ах, какая красавица ее дочь в этом наряде, достойная любого жениха! Никакого богатства не должно быть жалко Русецким для такой красавицы!

До назначенного дня свадьбы оставалась неделя. Пожалуй, все уже подготовлено, в церкви о венчании договорено, гости приглашены. Подружки невесты готовятся к своей роли на празднике, парубки, друзья Петра, к своей.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. И ожидаемому празднику не суждено было состояться. С утра воскресного дня в большом и красивом доме Русецких стоял вой и разноголосый плач. В истерике билась мать Петра, которая утром вошла в комнату сына, забеспокоившись, что он почему-то долго не появляется к завтраку, и нашла его в постели уже холодным.

Петро лежал в спокойной позе, с улыбкой на лице. Просто не проснулся, и все. Наверное, что-то хорошее снилось ему перед тем, как душа покинула тело.

Что тут сказать или сделать? Женщинам, поварихам и служанкам, оставалось только плакать. Петра любили все в доме. Он не был груб с прислугой, всегда находил для них доброе слово. А последнее время светился от счастья в ожидании свадьбы, так что все домочадцы радовались за наследника. И вот, такое горе! Мужчины вытирали скупые слезы, снимали шапки, подходя к гробу с молодым хозяином. Невозможно было спокойно смотреть на отца с матерью Русецких, которые обнимали гроб, гладили руки сына, шептали ему что-то, провожая в далекий неизведанный

путь. Здесь же, около жениха, сидела со своими родителями и Настуня. О чем были ее мысли? На прекрасном заплаканном лице столько горя, что, взглянув на нее, слезы вытирали все, кто только заходил в дом прощаться с Петром. Настуня держала мать за руку, и голову положила ей на плечо, так как не было сил держаться прямо. В один миг рассыпались в прах все ее мечты, все ее надежды. Елена, не прекращавшая вытирать слезы, по-женски понимала дочку и горевала вместе с ней.

- Что же это за рок такой над моей семьей? – думал сидящий рядом с женой и дочкой Станислав. – Сначала ушел первый сынок Павлуша, моя отрада и надежда, потом, в самом расцвете, ненаглядное дитячко Ниночка. Теперь вот такое горе свалилось на Настуню прямо перед свадьбой. Конечно, Петро еще не был мужем, но, видно, что она любила его, вон как убивается! И нам его жалко, привыкли к мысли, что будет за сына, станет надежной опорой в жизни для Настуни и ее счастьем. Хороший парубок, но Господь забрал молодым. Это Божья воля, и нам роптать на него грех. Значит, там, на небесах, такие тоже нужны. Царствие небесное Петру, а родителям его силы пережить эту смерть.

Отпели Петра в церкви, похоронили, и притих придавленный несчастьем большой и ранее шумный дом Русецких. Старый Русецкий по привычке отдавал распоряжения по хозяйству, следил за всем, так как жена практически не выходила из комнат, лежала в постели и угасала с каждым днем. Смысла в жизни для нее более не было. Поэтому никто не удивился, когда однажды утром хозяин, спавший последнее время урывками, вошел в комнату жены и понял, что ее несчастная душа последовала за сыном, искать его на неизмеримых для человеческого понимания просторах небесного царства. Остался барин Русецкий один. Накоплено богатство, почти прожита жизнь, а кому все это оставить? Нет никого рядом.

В хате Броневицких с течением времени горе, постигшее Настуню и, конечно же, задевшее ее родителей, постепенно забывалось. Платье и фата невесты уложены в дальний сундук, слез по ночам у Настуни уже не было, и даже улыбка иногда появлялась на лице. Правда, гулять с подружками и

хлопцами она до сих пор решительно отказывалась, не ходила на свадьбы к этим подружкам, когда какая-нибудь из них выходила замуж.

Так прошел год. Настуне исполнилось восемнадцать лет, но ни о каком другом замужестве она даже говорить не желала, помнила Петра и жалела его. Иногда Станислав спрашивал дочку:

- Нешто никто не ухаживает за тобой, доню, нет ли милого у тебя?

- Нет. – коротко отвечала Настуня, и отец замолкал, боясь растревожить заживающую рану в сердце дочери. Что ж, время все лечит, подождем. Когда-нибудь проснется сердечко дочери для новой любви, ей только восемнадцать. Не ушло еще время.

Однажды летом, в воскресный день, когда все отдыхают седьмой день по заповеди Божьей от своих нескончаемых трудов, приехал в хату Броневицких старый Русецкий. Время и ему немного залечило боль от такого горя: потерять чуть ли не одновременно и сына, и жену. В свои шестьдесят лет еще статный, моложавый, крепкий. Седой, правда, но глаза ясные, живые, умные. Морщин совсем немного, черты лица резкие, облик уверенный, властный. Не парубок, конечно, но и стариком назвать грех. Не изработан, не изнурен тяжелым трудом, как почти его ровесник Станислав. Всех дел, что приказы отдавать по хозяйству, да следить за их исполнением. Руки белые, гладкие, здоровье есть, видно сразу. Одет богато, как и следовало ожидать.

Приехал Русецкий с предложением, которое было для семьи громом с ясного неба. Сказал сразу и прямо:

- Хочу сосватать Настуню вашу за себя. Раз не суждено было ей стать женой сына, то я возьму ее себе женой. Все свое богатство положу к ее ногам. Запала она мне в душу с первой встречи, но счастье сына для меня было дороже собственных чувств. А сейчас я один, и не мыслю рядом никого, кроме Настуни. Я еще достаточно силен, чтобы и детей иметь, а если Бог не даст деток, то Настуня после моей смерти унаследует все мое имение.

Коротко и ясно. Станислав и Елена сначала не могли от изумления слова вымолвить, а Настуня заплакала и убежала из горницы в сад.

- Я сделаю ее счастливой, - уговаривал Русецкий хозяев хаты. – Ей не придется заботиться о хлебе насущном, ее красоту не испортит тяжелый труд, так как слуг полно в моем доме. Все будет в ее власти. А то, что она не любит меня, так стерпится-слюбится. Моей любви на двоих хватит. Отдайте за меня Настуню.

Долгие разговоры вел Станислав и с Еленой, и потом с Настуней. Решили они с матерью, что ей следует выйти замуж за Русецкого. Будет дочь жить в богатстве: вот главная причина их согласия. Перебирая в памяти события своей жизни, Станислав и Елена приходили к выводу, что вся их жизнь состояла из нескончаемого тяжелого крестьянского труда и ежедневных забот о хлебе на завтра, о погоде, которая может погубить урожай на их скудных землях, о грошах, которых так не хватает, о детях, которым в жизни уготована такая же доля.

- Нет, тато, я не пойду за Русецкого. Он же старик! Он отец Петра, если ты забыл! – отказывалась от такого счастья Настуня.

Но Станислав настаивал на своем, сначала уговаривая дочку, а потом просто приказав ей:

- Пойдешь! Как мы с матерью решили, так и будет! Спасибо потом скажешь нам, когда поймешь, что значит жить в богатстве! И не перечь отцу, не доводи до греха!

Перечить отцу с матерью не принято, Господь накажет за непослушание, вот и пришлось Настуне согласиться на этот брак. Елена сначала была на стороне дочери, противилась решению мужа, да что поделаешь, его слово закон. А он ни в какую не отступал от своего слова.

Обвенчались в церкви в Тыснывке шестидесятилетний Павло Русецкий и восемнадцатилетняя Анастасия Броневицкая. Церковь на венчании была забита до отказа. А как же не посмотреть на такую необычную свадьбу? Русецкий, несмотря на бравый вид и горящие молодым огнем глаза, все-таки старик, а дивчина-то совсем молода... Ох, и красавица же! Хотя бледная

отчего-то , неужто не рада, на такое богатство идет! Вот кому Бог счастья-то дал!

Так и стала Настуня помещицей Русецкой. Ввел ее в свой большой дом молодой-старый муж, отдал все бразды правления в ее руки. Не было в доме теперь следов ни Петра, ни его матери. Все их вещи розданы бедным, комнаты убраны, да и за прошедший год само время стирает постепенно все, что связано с безвозвратно ушедшими. Теперь хозяйка Анастасия, полновластная хозяйка. А хозяйство огромное, Настуня даже представить ранее не могла себе, какое огромное. Нужно учиться правильно вести его, и не только в доме и прилегающих постройках, но и в огороде, на пашне, следить за многочисленным скотом, за лавкой в Тыснывке, где продается все, что производится в этом хозяйстве. Ведь муж стар, Господь может прибрать его неожиданно, тогда на неумелые руки молодой жены ляжет эта огромная тяжесть. Надо расспрашивать обо всем мужа, учиться у него хозяйствовать, уметь крепко самой стоять на ногах в этой жизни. А девичьи мечты о любви и женском счастье придется забыть.

Шли годы. Русецкий любил свою молодую жену, конечно, не пылко и страстно, как это было бы в молодости, а спокойно и ровно. А теперь еще бесконечно уважал за ее стремление помогать ему в управлении имением, не догадываясь об истинной причине такого старания жены, боявшейся остаться одной, не успев научиться владению огромным богатством. Жена была молода, очень красива, верна ему, скромна и послушна, спасибо родителям за такое воспитание. Зная изнутри крестьянский труд, она умело управляла домом, многочисленной прислугой, не транжирила деньги, зная их цену.

-Умница- разумница моя, - хвалил Настуню муж. – Как же повезло мне в жизни с тобой!

Постепенно, старея все больше, Русецкий перекладывал обычные ежедневные заботы по хозяйству полностью на плечи жены, обязательно советовался с ней в крупных планах и делах. Ему, в силу его возраста, уже не хотелось никуда выезжать, его все более привлекал покой, отдых, длительный дневной сон. И молодой жене приходилось, несмотря на

собственные желания и порывы, подлаживаться под распорядок дня старого человека, оставаться в доме, когда хотелось погулять, выехать куда-нибудь, поговорить с подружками. Не раз Настуня обливала слезами свою подушку, кляня себя за ошибку: не надо было соглашаться с тато и идти замуж за старика, не мило ей стало все это богатство! Но что сделано, то сделано, надо жить дальше. Тем более, что пошли детки. Сначала родилась дочь Мария, затем сынок Виталий. Только и в детях радости не было. Мария родилась больной, росла полной, очень полной девочкой. И ей было тяжело, и мать страдала от вида больной дочери. Виталий же, наоборот, тоже болезненного вида, рос тощим, бледным, был маленького роста.

- Не иначе, Господь меня наказывает, что пошла за старого да нелюбимого, позарилась на богатство. Ни себе счастья не добыла, ни мужу старость любовью не скрасила за заботу.

Глава шестая.

За трудами, заботами, частыми горестями и редкими радостями незаметно выросли в семье Броневицких младшие дети, Андрей и Марыня.

Шел 1910 год. Где-то далеко в России отбушевали события 1905 года, так называемые большевики уговаривали народ на великие дела, на свержение монархии, на волнения, стачки и демонстрации. Кипели страсти, люди за идею уходили надолго в ссылки и тюрьмы, лилась кровь.

На Украине же, в большом селе Янушевке, жизнь текла по-прежнему спокойно и неспешно. Сражения и беды далекой столицы никак не отражались на повседневной жизни села, и вести о тех событиях, если и доходили до жителей, то мало их волновали. Своих забот хватало. Вот сыну Андрею жениться давно пора, да и Марыня на выданье. Андрею уже двадцать шесть лет, Марыне двадцать один. Засиделась в девках, ее сестры в гораздо более раннем возрасте замуж вышли, а она ни в какую не хочет. Ей, видите ли, дома хорошо, и что вы, тато, меня гоните? Вот и поговори с ней! Взрослые уже, самостоятельные, беспрекословного подчинения отцу с матерью от них не дождешься. Эх! Какие времена настали! Разве могли дети раньше в чем-то родителям перечить? Упаси Боже! А что теперь?

У Андрея уже была невеста на примете. Дивчина из польской семьи, Анэля Нидзельская. Такой же польской веры, как и сам Андрей. Нравились она ему, и очень. Когда встречал где-нибудь, то не мог наглядеться, а после расставания так и стояло ее миловидное личико перед мысленным взором, снилась Андрею юная Анэля по ночам.

- Жениться на ней я бы, конечно, хотел, но что скажет она? По законам нашим я должен, как единственный сын у родителей, жить в семье отца, заботиться об их старости. Согласится ли Анэля жить со свекровью? А своей хаты у меня нет, - думал Андрей ночами, планируя дальнейшую свою жизнь.

- Да и люб ли я ей? Красивые слова я не говорил, не умею. Все меня считают холодным и суровым, и что скрывать, оно на самом деле так. Не

люблю пустых слов. Любовь надо доказывать поступками, ежедневным отношением, а не словами и поцелуями, - сердито выговаривал Андрей Марыне, которая корила брата за внешне холодное отношение к понравившейся девушке. Только с Марыней он мог говорить о своих чувствах, никого другого в душу и близко не подпускал. С детских лет между братом и сестрой была необычная дружба и душевная близость. Впрочем, и Марынины тайны все ему выкладывались, как и прежде. Им двоим хватало взаимного понимания и сочувствия, и даже отцу с матерью ничего не было известно об их увлечениях.

- Да люб, люб! Я же вижу, как Анэля смотрит на тебя. Значит, видит за твоей суровостью доброту и любовь. Я уверена! – горячилась Марыня.

- Смотри, дождешься, уведет кто-нибудь такую дивчину, не сама пойдет, так родители заставят, если присмотрят кого!

Наконец, Андрей решился. Переговорив с родителями и заручившись их согласием, он заслал сватов в хату Нидзельских. Конечно, они зажиточная семья, но и у Броневицких достаточно крепкое хозяйство. Андрей – наследник, доглядит старость своих родителей, а там станет полноправным хозяином на готовом хозяйстве. Не нужно будет голую землю обустраивать с нуля, строить хату, закладывать сад, заводить скотину. Только согласится ли на такое Анэля, стать хозяйкой когда-то в будущем, пока же ходить под свекровью? А мать свою Андрей обижать никому не позволит, даже любимой жене. Это Анэля должна знать прежде всего.

Радость в очах Анэли говорила сама за себя. Давно она приглядела и полюбила этого высокого, статного парубка. Лицом суровый, это правда, не писанный красавец, да и оборони, Господи, от такого! Красавцы все ветреные, неверные, насмотрелась Анэля в селе на таких, есть примеры! Тянулась душой дивчина именно к Андрею, и не пугала ее необходимость жить в хате родителей любимого. Знакома Анэля с теткой Еленой, знает, что она добрая и не сварливая женщина, а то, что придется выполнять ее приказы и во всем слушаться, так не грех поучиться у такой свекрови, которая слывет в селе и за его пределами непревзойденной рукодельницей. Ни в каких сварях тетка

Елена не замечена, тихая, спокойная и скромная. Значит, уважать и любить такую вторую мать надо!

А любый Андрей! Марыня, подруга, не станет обманывать, утверждая, что он никогда не обидит дивчину, что любит ее. Он добрый, надежный, трудолюбивый. Бережливый, но не скупой, без подарков Анэля не останется.

- Ну что ж, значит, так тому и быть. Ты, Андрей, из хорошей семьи, нашей, польской веры, сам парубок видный. И дочка наша заглядывается на тебя. Быть свадьбе. Обещай, что не обидишь Анэлю, и совет вам да любовь, - тем и закончилось сватовство Андрея.

Обвенчались в костеле в Пулынах, отгуляли свадьбу, как положено.

Поселилась молодая семья, что было заранее обговорено, в хате отца Андрея, Станислава Броневицкого. Елена приняла молодую жену сына, как родную дочь. Не было в хате никаких скандалов, все делалось тихо, спокойно. Молодая не сидела сложа руки, во всем помогала Елене, а кое в чем и заменила ее полностью. Возраст свекрови давал о себе знать, организм изношен, надсажен на тяжелой работе, отдыха требует. Вот молодуха и берет на себя тяжелую женскую работу по дому, давая из любви и уважения матери отдых. За что же ее корить или понукать? Она сама умеет все делать, пусть привыкает хозяйствовать. Теперь у Елены много времени на отдых, сноха Анэля да дочь Марыня берегут мать, сами справляются с хозяйством. И у Станислава помощник Андрей, вернее будет сказать, теперь Станислав помощник у Андрея. Тяжелую работу делает сын, отца слушает и ни в чем не перечит. Хороших детей вырастили, что и сказать. Старость будет спокойной, не бросят их дети и обижать не станут. А ведь в жизни всякое бывает.

Дочка Анэля, как солнышко в хате, веселая, улыбчивая, ласковая. К Андрею душой тянется, угодить во всем старается. А он-то, он! – улыбаться научился, смотрит на нее, и в глазах столько любви... Матери все видно, как на ладони, сама молодая была. Вот и хорошо, что все в семье ладно. И старикам смотреть на них одно удовольствие.

Анэля сразу же понесла, отходила положенный срок и родила сыночка Юзека. Станислав и Елена на внука надыхаться не могли: как же, внук, можно сказать, первый. Ниночка не успела никого родить, умерла, бедное наше дитяtko. У Настуни дети, Мария и Виталик, какие-то больные, неласковые, очень редко с матерью приезжают в гости. А приедут, как чужие, сторонятся, просят скорее домой. Настуня теперь помещица, гордая стала, да и обиду на родителей до сих пор держит, что заставили выйти замуж за старого да нелюбимого.

В один из зимних дней двенадцатого года, вскоре после рождения Юзека, Андрей и Анэля поехали на повозке к ее родителям погостить в выходной день. Там отмечался семейный праздник: рождение второго ребенка в семье старшего брата Анэли. Сыночка Юзека не взяли с собой. Погода была холодная, резкий ветер подхватывал колючий снег и с яростью бросал его в лицо, слепил глаза, перехватывал дыхание. Елена не позволила везти внука: он совсем малютка, легко простудить, пусть с ней дома останется, есть кому за дитем присмотреть.

Молодые уехали. Кто же знал, что они увезли с собой покой и счастье этой хаты, что неизбежное горе уже тучей закрубилося над ней, заглянуло в окна, просочилось в дверь и заняло хозяйское место за столом? Андрей и Анэля в гостях у родителей веселились, танцевали, разгоряченная молодуха выскочила на крыльцо охолонуться, и скоро и сильно простудилась. Развилась скоротечная чахотка. Анэля быстро таяла и, как ни пытались ее спасти, в мучениях умерла. Остался Андрей вдовцом, а сыночек Юзек сиротой без матери.

Андрей, и так с виду суровый, совсем замкнулся в себе и почернел от горя. Только-только его душа раскрылась для любви, милая Анэля прогнала хмурое выражение с его лица, своими ласками растопила холод, которым он привык отгораживаться от мира, и он ее потерял. Снова один, и только Марыня его понимает, сочувствует молча, не требует разговоров, когда и рот-то открывать не хочется. Вот и Юзеку почти заменила мать: кормит, лелеет, водится с ним, с рук не спускает. Хватает Юзеку любви и ласки, но не

хватает, по-видимому, материнского молока. Чахнет малыш на глазах, не хочет пить коровье молоко, тошнит его все время. Жалко кроху, а что сделаешь?

Шли дни. Горе, казалось, стало отступать. Уже не так часто плакала Елена, и Андрей посветлел немного лицом. Брал вечерами на руки Юзека, подолгу играл с ним, вглядывался в личико, так напоминающее ему лицо любимой Анэли. Несмотря на усталость, сам укачивал сына, укладывая на ночь. Мог уже участвовать в семейных разговорах за вечерей, а то ведь раньше и слова от него не добьешься.

Только Господь посчитал, наверное, испытание для Андрея, да и для всей семьи, недостаточным. Не дожив до года, умер маленький Юзек. Похоронили малыша рядом с матерью, и в хате Броневицких надолго поселились скорбь и тишина. Теперь больше молчал не только Андрей, но и все остальные. Станислав предавался тяжким раздумьям:

- Господи, посылаешь ты нам испытания, так научи, как их вынести? За что гнев твой на моей семье лежит? Забираешь детей одного за другим, значит, наказываешь меня за грехи. В чем я провинился перед тобой, Господи? Живу по заповедям твоим: чужого никогда не брал и не желал, никому не завидовал, трудился, не покладая рук. Никого не обидел, жинке был верен всю жизнь, детей растил в строгости и послушании. Прости нас, Господи, за грехи неведомые. Как тяжело твое наказание!

А Елена просто плакала. Тоже, как и Станислав, просила прощения у бога, не зная, за что, и молила никого больше не забирать, а если нужно наказание, то пусть только ей одной достанется вся его полнота, детям же пусть Бог пошлет здоровье и счастье.

Вскоре после смерти Юзека в хату к Станиславу пришел бывший родственник Нидзельский, отец Анэли. Состоялся долгий и тяжелый разговор с Андреем и его отцом. Нидзельский предложил Андрею взять в жены вторую дочь, младшую сестру Анэли, Адэлю. Андрей, конечно же, знал эту девушку, и она ему категорически не нравилась. Насколько Анэля

была миловидной, веселой, ласковой, настолько сестра отличалась от нее в худшую сторону. Низкого роста, с коренастой, лишенной стройности, фигурой, резкими, крупными чертами лица, тонкими, всегда поджатыми, губами, маленькими холодными глазами. Да и характер был еще тот, всегда недовольная, капризная, ворчливая. Видно, сказывалась зависть к старшей сестре, почти красавице, и злость на свою внешность, не позволяющую ей мечтать о красивом парубке. Кто ж возьмет ее, такую, замуж? Только тот, кто больше никому из дивчин не нужен... А Андрей Броневицкий завидный жених. И собою хорош, и хозяин крепкий. Хорошо Адэле за ним будет, правильно родители решили. И приданое Анэлино возвращать Броневицким не придется, да и за Адэлей тоже немало дадут. Родители богатые люди, не поскупятся. Исполнят Адэлину мечту: она так хотела замуж за Андрея, но он выбрал Анэлю. Сколько злых слез было пролито по ночам после их свадьбы от зависти к сестре! Неужели Господь ее пожалел и повернул жизненные пути троих так, как хотелось ей?

- Ох, какой грех такие мысли! Придется мне отвечать перед Господом за свои желания. Но зато Андрей будет мой, мой! – Адэля не давала покоя отцу, пытаясь узнать, согласились ли Броневицкие с предложением Нидзельских.

Только Андрей был против. Он отвечал отказом на все уговоры Нидзельского, приезжавшего не раз и не два с этим вопросом в хату к Станиславу. И своим родителям, которые сами-то уже поддались на уговоры бывшего свата, тоже отвечал кратким «нет!». Милое личико любимой Анэли в мыслях никак не хотело уступать место чужому и нелюбимому лицу Адэли.

- Анэля, Анэля, что ж ты наделала! Ушла и оставила меня одного. Даже сыночка забрала. Ничего не осталось мне от тебя, и во сне не приходишь! – не отпускали Андрея тяжкие думы и во время работы, и в минуты краткого отдыха. – Подскажи, родная, что делать с твоей сестрой, которую так настойчиво прочат мне в жены? Не любя она мне, каким же тогда счастьем я смогу ее одарить? Родителей я понимаю, и тех, и других: твоим хочется вторую дочь удачно пристроить, моим не хочется твое приданое возвращать.

Да и сроднились семьи, привыкли друг к другу, не хотят расставаться. Были родственники, а сейчас кто?

Но время лечит, и, самое главное, утекает сквозь пальцы, как вода в быстрой, шумливой речке. Устал Андрей сопротивляться натиску, махнул на все рукой, и дал согласие Нидзельскому на женитьбу на Адэле.

Скромное венчание в костеле в Пулынах закончилось таким же скромным и тихим семейным вечером с немногочисленными гостями. На этом настоял Андрей. Еще свежа память о смерти Анэли и Юзека, они до сих пор в его сердце. Рядом под венцом стоит нелюбимая. Чему радоваться?

Родители с обеих сторон были довольны. Все устроилось к взаимной выгоде, каждый получил, что хотел. И Адэля цвела от радости, даже похорошела. Ластилась к Андрею, заглядывала в глаза, пыталась угождать во всем. Гордилась его скупой лаской, редкими поцелуями: не понимала молодая жена, что это жалкие крохи того, что дает настоящая любовь. Ей казалось, что, добившись желанного мужчину, она станет счастливой. Придет время, когда она поймет, чего лишена, как тяжело быть нелюбимой. Такое понимание для женщины всегда предполагает на выбор только два пути дальнейшей жизни: или молча страдать, мечтать о несбыточном, плакать по ночам, или озлобиться и мстить.

Адэля выбрала первый путь.

Глава седьмая.

-Марыня! Марыня, где ты? – позвала из горницы Елена свою младшую дочь. - Пойди, доню, ко мне скорее! - Елена сильно занемогла и пока что передвигалась по дому с помощью дочери. Болела и кружилась голова, трудно было сохранять равновесие, дрожали руки и не хотели держать тело опухшие ноги. Болезнь подбиралась к Елене долго, но та все отмахивалась: годы, годы сказываются, чай за пятьдесят уже. Да и крестьянский труд, тяжелый и ежедневный, раньше времени старит человека, особенно женщину. А с недавних пор болезнь скрутила ее по-серьезному. Вот и требовалась помощь дочери чуть ли не ежечасно. Адэлю, сноху, старалась Елена лишний раз не трогать. Она, конечно же, сделает все, о чем просит свекровь, но с хмурым и недовольным выражением лица, как бы делая одолжение. Как ни крути, а так и не привыкли к ней в семье Броневицких, как, впрочем, и она. До сих пор, как чужая. Уж не ошибку ли они со Станиславом совершили, заставив Андрея жениться против его желания? Не получилось в семье лада, и поговорка «стерпится-слюбится» не оправдала себя с молодыми.

- Я здесь, мама, иду! – из кухни вышла, вытирая руки о передник, Марыня. Что вы хотели?

- Своди меня до ветру, Марыня, - прошептала Елена. Как же ей было стыдно и неловко просить кого-то, даже дочь, в таком деле, а что поделаешь? Марыня, бережно поддерживая мать, вывела ее на улицу.

- Мама, я говорила вам, и еще раз прошу, называйте меня Марией, или Марусей, наконец! Какая же я Марыня? Это имя для маленькой девочки. Вы, наверное, не заметили, что я выросла.

- Заметила, дочка, заметила. Вон какая взрослая. И хорошеешь день ото дня. Только для меня ты по-прежнему маленькая, младшенькая дочка, уж прости. Не обижайся, если назову Марыней, привыкла. Ты моя помощница и опора, надежда моя, - на глазах Елены показались слезы.

- Ох, мама, простите меня, обидела вас! Пусть будет Марыня, только утрите слезы. Я здесь, я с вами, обопритесь на меня лучше! Идем, идем потихоньку!

На Марусю из-за болезни матери свалились все домашние заботы и хлопоты. Адэля помогала ей по хозяйству, но как-то так сложилось, что распорядилась всем Маруся, и спрашивалось тоже с нее. Обо всем нужно было беспокоиться, заботиться о мужчинах в доме, о больной матери, о большом хозяйстве, о еде на каждый день. И хотя хлопоты отнимали почти все время Маруси, но в воскресный день она обязательно шла на утреннюю службу в церковь, где пела в церковном хоре.

Еще подростком, вместе с родителями приходя в церковь, Маруся заворуженно слушала песнопения, раздающиеся с клироса, и старалась подпевать. Господь наградил ее удивительно звонким и звучным голосом, как будто созданным для церковных мелодий. Однажды священник прислушался к ней, проходя мимо, остановился и попросил повторить то, что она тихонько пела.

- Она должна петь в хоре, - заявил он родителям. - Ее чудный голос будет угоден Богу. Пойдем, деточка, теперь во время службы твое место здесь, на клиросе с певчими.

Так и стала Маруся с того дня петь по воскресеньям и праздникам в церкви. Ее молодой звонкий голос выделялся среди других голосов, взлетал под купол, вызывал слезы у набожных старушек, обещал благодать божью для молящихся. Слова псалмов она запоминала легко и, передавая их голосом, вкладывала в пение свою душу и безграничную веру. Может быть, поэтому так проникновенно звучал ее голос, украшая собой церковную службу.

Елена любила Марыню той любовью, которой матери любят младших детей. Старшие дети разлетаются, кто куда, выходят из-под власти матери, не столько власти, сколько опеки. А в младшеньких детях вся надежда на опору в старости, вся нерастроченная нежность, вся грусть о собственной ушедшей молодости. Много чего в ней намешано, и не разобрать. Но что она отличается от любви к старшим детям, это всегда так.

Елена, пока Марыня росла, из крохи-ребенка превращаясь в девочку-подростка, а затем в юную дивчину, следила за ней, конечно же, с любовью, но и с определенной тревогой. Старшие дочери, что Нина, что Анастасия, особенно Настуня, выросли красавицами. Хотя счастья им это и не принесло. А Марыня с детских лет походила не на мать, не на сестер, а на брата Андрея. Обошел Господь эту дочь красотой, но за это наградил голосом. Вон как в церкви поет, заслушаешься! Хотя, может быть, зря мать сравнивает Марыню со старшими дочерьми? И Станислав совсем не разделяет опасений жены по поводу внешности младшей дочери.

- Ты зря так думаешь, серденько, что Марыня некрасива. С чего ты это взяла? Конечно, не Настуня, так и не всем такими быть! Ты посмотри на Адэлю, на других дивчин. Чем наша хуже? Ее за один голос полюбить можно! А коса какая длинная, красивая. Да, черты лица польские, нос длинноват, глаза небольшие. Но женихов-то пруд пруди! Меня не раз уж в шутку спрашивали, что это я дивчину дома держу, прячу от людей? Не станешь же всем рассказывать, что она нам отвечает, когда мы ее спрашиваем? Видишь ли, она не хочет повторить ошибку сестер, не пойдет замуж молодой, а тем более за старика не пойдет. Ей и тут хорошо живется.

Елена улыбалась. Пусть так и будет, как Марыня решила. Дивчина она умная, миловидная, да и расцветает с каждым днем, несмотря на тревоги матери. Среднего роста, стройная, с длинной, ниже пояса, густой русой косой, ясными голубыми глазами и бровями взлет. Найдется ей жених, только вместе с ним и счастье нашлось бы. Марыня заслужила, все хозяйство на себе тянет, его женскую половину, конечно, пока мать больна.

Ее так красит улыбка, но улыбается она редко, как и Андрей. Между ними с самых первых дней Марыни какая-то необычная духовная связь, и похожи они друг на друга. Именно она больше всех поддерживала брата в тяжелые для него дни смерти Анэли и Юзека. Да и сейчас откликается он больше на ее улыбку и слушает ее советы, а не Адэли. А Марыня изо всех сил старается как-то сблизить молодых, увлечь вместе разговором или делом. Может быть, все и образуется, наладится в семье Андрея и Адэли? Дай-то Бог!

Зимний вечер в хате Броневицких, горит керосиновая лампа под потолком в горнице. Небольшой свет от нее разгоняет темноту и тени по углам. Над столом, где для лучшего освещения горит свеча, склонились Елена и Маруся, раскладывая ткань для кройки. У Маруси недавно появилось новое нужное дело: она учится шить нарядную одежду из ситца, сатина и даже шелка. Конечно, и из холста по-прежнему они с матерью шьют рубахи рабочие, штаны, вышивают узоры на рушниках, на нарядных рубахах. Но шить модную одежду, из дорогих тканей, умеет редкая женщина.

А в Янушевке недавно появилась портниха, настоящая мастерица. Эта женщина была инвалидом с детства, не могла ходить и передвигалась на специальной коляске. Семьи у нее не было, хаты тоже, а жила тем, что ее брали в городе и селах поочередно в дома, где она жила какое-то время, обшивая всю семью настолько, насколько эта семья могла себе позволить. Так и кочевала портниха из хаты в хату, работая за кров и стол. Жила она по осени несколько недель и в хате Броневицких, куда ее по просьбе Маруси привез отец Станислав. Рабочую и простую одежду хозяйки и сами хорошо шили, а Марусе так хотелось научиться шить платья и наряды, в которых щеголяют жены зажиточных мужиков. И дело в руках появится прибыльное, и себе красивую одежду сшить можно будет, не тратясь на портниху.

Увлеченная Маруся быстро схватывала новую науку. Скорее всего, талант в ней дремал, и вот теперь открылся. Все получалось замечательно, тем более, что благодарная за хорошее и уважительное к ней отношение в семье Броневицких портниха никаких секретов от ученицы не скрывала, подробно объясняла особенности кроя разных тканей и швов для них.

Потрескивала свеча, роняя капли воска на тарелку, ножницы с шелестом резали ситец. Мать и дочь тихо переговаривались, хотя в горнице были одни. Остальные, Станислав и Андрей с Адэлей, занимались на кухне своими делами: Адэля гремела горшками у печки, готовя варево для скотины на завтра, Станислав тачал сапоги на продажу, а Андрей читал церковную книгу на польском языке. В семье общались на украинской мове, но Андрей с Адэлей говорили иногда по-польски, стараясь не забывать своих корней. Тем

более, что по вере своей на воскресные и праздничные службы они ездили в костел в Пулыны, а там без знания польского языка и не поговоришь ни с кем.

- Не торопись, Маруся, не режь пока этот кусок ситца. Давай примерим еще раз, чтобы блузка была тебе впору, - остановила Елена Марусю. – Шей одежду посвободнее, нечего грудь обтягивать, ни к чему это!

- Ох, мама, скажете тоже! И так свободно, куда ж еще! Сейчас вырежу полочку, сметаю блузку, сами и увидите, что хорошо!

Ситец был веселый, нарядный, розовые мелкие цветочки на голубом фоне, как раз к Марусиным глазам. Черная саржевая юбка уже готова, теперь до воскресной службы надо успеть с блузкой.

- Вроде бы я хорошо должна выглядеть в церкви, - думала, улыбаясь, Маруся. – Надену еще голубой шарф, что тато привез с базара мне в подарок. – Может быть, тот парубок будет в церкви тоже...

От таких мыслей запылали щеки румянцем. Маруся украдкой взглянула на мать, не заметила ли та этого. Конечно же, заметила.

- Маруся, доню моя милая, покраснелась вся. Будешь, будешь красивая в этом наряде. Приглядит тебя какой-нибудь парубок, или ты его. У тебя есть кто на примете? А, может, уже и в сердце? Расскажи мне, если это так. Кому ж, как не матери о сердечной привязанности поведать. И я когда-то молодая была, любила с твоим отцом, помню, как сердечко замирало от встречи, как ласковые слова его на сердце ложились.

- Ну что вы, мама! Нет никого у меня пока в сердце, не думаю об этом. И забота моя только о вас с тато, да об Андрее с Адэлей.

- Но как же так, доню! В твои годы уже детей надо родить, своей семьей жить! Что ж ты, возле нас старой девой останешься? Нешто у тебя сердечко холодное, не нравится никто? Горестно мне это слышать, дочка. – Слезы выступили на глазах у Елены.

- Не плачьте, мама, прошу вас, - Маруся отложила шитье в сторону, села возле матери и обняла ее за плечи. Потом вздохнула и решила рассказать маме о том, что таила глубоко в душе.

– Встречаю я иногда одного парубка в церкви, нравится мне он. И он все время смотрит на меня. Такой серьезный, не улыбочивый, но видно, что не злой. Мы никогда не заговаривали друг с другом, но глаз он с меня всю службу не сводит.

- Так то хорошо. А кто он, как зовут, из чьей семьи?

- Ничего о нем не знаю, мама. Ни имя, ни кто он. Может быть, он не из Янушевки. Редко его вижу, он не каждое воскресенье в церкви бывает, и правда приезжий, наверное.

- А что подружки, может быть, они знают того парубка?

- Я ни у кого не спрашивала, мама. Подружкам станет любопытно, начнут расспрашивать без разбора у всех. Не хочу, чтоб до него дошло, что я им интересуюсь. Если судьба, то он сам найдет дорожку ко мне, а там уж видно будет.

- Сурова ты, дочка. Не тронула, видно, любовь пока твоего сердца.

- А какая она, любовь? Расскажите, мама. Любили ли вы тато?

- Любила, дочка, конечно, любила. Мне повезло в жизни, что и он меня любил. А какая бывает любовь? Разная. То как теплое солнышко, как покой и благодать, как защита от всего плохого. Как прижмет любимый к сердцу, как станет шептать на ухо ласковые слова, так, кажется, растаять готова, веришь ему во всем, наглядеться не можешь. Это если любовь друг к другу одинаково сильная. А пока не знаешь этого, а сама любишь, то трепещет сердечко от неизвестности, слезы бегут, если поглядел мимо, а не на тебя. Любовь, это когда встретились, и расставаться не хочется, когда никто более не нужен, кроме него.

- И у всех так, мама?

- Нет, доню, наверное, нет. Бывает и другая любовь, с ревностью, недоверием. Только про нее тебе рассказать не могу, потому что сама не знаю такую. Слава Господу нашему, мне не довелось ее испытать, а врать не стану. Надеюсь, и тебя Господь наградит любовью, такой, какая была у меня. Не буду тебя ни в чем торопить. Жди своего суженого, Маруся. Мы вот с отцом поторопили Настуню, решили за нее, с кем ей жить, а счастья нет. И

богатство не в радость. До сих пор на нас обижаются, да уж ничего не исправишь. И Андрею навязали Адэлю в жены, так в их семье тоже счастья не прибыло.

- Мама, расскажите про вас с тато молодых. Как вы с ним встретились, как поняли, что полюбили?

Свеча на столе почти догорела, вечер уступил место ночи, шитье отодвинуто на край стола и забыто. Две женщины, обнявшись, тихо ведут разговор. События молодости, прожитые годы, горести и радости оживают в рассказе матери, в рассказе, который, затаив дыхание, почти не прерывая, слушает молодая дивчина. Совсем другими теперь ей кажутся и молчаливая, больная мать, и суровый и строгий отец. Так вот каким был тато в своей молодости, какие слова он находил для молодой жены, как любил и берег ее! И мама была такой счастливой! Теперь Маруся будет смотреть на них совсем другими глазами.

Никто раньше с Марусей не говорил о любви. Конечно, подружки между собой щебетали об этом, но все разговоры были пустые, только мечты и надежды. Тот, кто испытывает настоящую любовь, держит ее в сердце, не хвалится попусту. А теперь почти все подружки Маруси уже замужем, у них другие интересы, дети пошли. Вот и не встречаются с ней, не делятся переживаниями, как раньше. Так что для нее любовь - пока сплошная тайна. Хотя раньше Маруся думала о любви так: важно уважение к мужу, ровное спокойное отношение с обеих сторон. Силы свои, в том числе и душевные, нужно вкладывать в хозяйство, в семью, чтобы она не испытывала бедности, голода, чтобы росло и множилось богатство. А остальное, ласки и поцелуи, все пустое! И мысленно пожимала плечами. Теперь же эта загадочная любовь открылась для нее яркой и понятной стороной.

Любовь... Какое это, оказывается, сильное чувство! Стоит его ждать, и ни за что не идти за нелюбимого.

Хлопнула дверь в горницу, вошли Андрей с Адэлей.

- Все, доню, спать пора, проводи меня на кухню, - проговорила, тяжело поднимаясь, Елена. Отец, наверное, уже лег.

Маруся помогла матери дойти до кровати в кухне, где они спали со Станиславом. Сама вернулась в горницу, стараясь ступать тихо, чтоб не помешать Андрею с женой, и села на кровати уже в темноте расчесывать свои длинные и густые волосы, как она делала каждый вечер, несмотря на позднее время и вечернюю усталость. Коса была ее гордостью, и Маруся старалась ухаживать за ней. В голове крутились мысли обо всем: она снова переживала рассказ матери о любви между мужчиной и женщиной, думала о том, придет ли к ней такая любовь, и о том, что действительно пора уже о своей семье позаботиться. Марусе хотелось и свое хозяйство иметь, и мужа, и деток. Не век же с Андреем в его семье жить одинокой тетушкой и нянькой для его детей. Хотя он, наверное, будет рад такому повороту дел, не раз говорил, что не хочет расставаться с сестрой, а если Маруся надумает замуж идти, так чтобы жениха выбирала в своем селе, а не уезжала невесть куда.

Потом мысли перескочили на повседневные дела и заботы: надо завтра послать тато в Пулыны за лекаркой: говорят, там есть такая, которую все хвалят. Пусть посмотрит мамины ноги, может быть, поможет какими-нибудь притираниями. Мучается мама от болей, ноги опухшие, как столбы, и язвы стали появляться. Непременно надо лекарку позвать. А еще пора пришла на время отложить в сторону всякое шитье. Хорошо, что нет пока заказов, хотя соседи уже просят и ткани готовы принести. Но не настолько Маруся еще мастерица, чтобы чужим людям шить, боится испортить материал. Повременить надо, подучиться. Да и некогда сейчас будет. Адэля первенца носит, скоро подойдет ее время. Значит, освободить надо ее от тяжелой работы, и браться самой, кроме своих дел, еще и за те заботы по дому, что лежали на Адэле.

Маруся заплела косу, легла под одеяло, и сон сморил ее сразу же. А во сне тот парубок, что смотрел на нее в церкви, улыбался ей, махал рукой, проезжая на повозке мимо хаты Маруси. И она улыбалась ему и махала платком в ответ от дверей своей хаты. Сон был спокойным, счастливым, ночь в горнице дышала теплом, а за окном – легким морозцем и тишиной. Все пока было хорошо. Придет новый день, и что он принесет с собой, будет

известно только завтра. А пока – покой и отдых. И неожиданная улыбка серьезного парубка с обещанием счастья в ней.

Весной 1913 года Адэля родила мальчика. Крепенький малыш, длинный, голосистый. Заметные русые волосики, серые глаза, бровки темные вразлет. Видно, всему роду Броневицких такие назначены: от Станислава всем детям, а теперь и внуку. Имя дали польское, Алёзий, по-украински Ульян. Серьезный, неулыбчивый, весь в тато своего, Андрея. Он же как будто оттаял душой, подобрел и к Адэле, и к жизни вообще. Тетешкал малыша, забавлял его, когда было свободное время. Елена с рук не спускала внука, надышаться не могла. Когда малыш плакал или тянул к ней ручки, все свое рукоделье, чем она из-за своей болезни только и могла заниматься, откладывала в сторону и возилась с внуком, давая возможность Адэле заниматься хозяйственными заботами. Даже Маруся иногда находила несколько минут, чтобы поиграть с малышом. Так что ласки и любви в семье тому хватало.

Жизнь шла своим чередом, весну сменило лето со своими хлопотами, полевыми и огородными, а затем и осень-красавица пришла в наряде из желтых листьев. Она принесла в хату Броневицких событие, перевернувшее размеренный и устоявшийся уклад жизни в этой семье.

Марусю приехали сватать. Неожиданностью это стало не только для семьи, но и для нее самой. Ни с кем не встречалась, никому обещаний не давала, и не думала пока ни о чем таком. Сердечко молчит, непрерывные заботы по хозяйству, которое прирастает год от года, занимают все мысли Маруси. Некогда думать о любви! Но сваты-то на пороге! Волей-неволей надо встречать да разговаривать, на жениха посмотреть, который позади сватов стоит, так, что и не видно лица его в тени! Кто таков, неведомо...

Но вот гости раскланялись, расселись по лавкам, присел жених на место у окна. Скупой свет из маленького окошка осветил его лицо, и захолонуло, забилося часто сердце у Маруси: тот это парубок, что в церкви ей встречался, что во сне снился! Только там издавека он казался моложе, а сейчас видно, что не совсем молод годами, неужели вдовец? Да еще и с детьми, может

быть? Кто ж ты таков, молодец, и, если тато с мамой прикажут за тебя идти, какую жизнь ты мне уготовил?

Глава восьмая.

В царской армии многонациональной матушки России служили два товарища, два друга. Одного возраста и призыва, они сдружились на службе, делили вместе тяготы солдатской жизни, редкие радости, кусок хлеба и глоток воды. Не скрывали друг от друга дум своих, тоски по дому, по своей малой родине. Один из них был украинец, небольшого роста, щуплый на вид, но все-таки вполне подходящий по критериям того времени для армии, куда брали молодых мужчин с двадцати двух до тридцати пяти лет, ростом не менее двух аршин и трех с половиной вершков, что чуть менее ста шестидесяти сантиметров. Родом он был из украинского села Федоривка, которое располагалось в двадцати пяти километрах от села Янушевка и семи от Новоград-Волынского, большого по меркам того времени города, известного своими обширными базарами, больницами, приютами, православными церквями и красивым польским костелом, единственным в округе. Имени этого украинца история до нас не донесла, а вот имя его друга, белоруса по национальности, Александра Корзуна, стало именем многочисленного рода, о котором и идет речь в нашей истории.

Александр – бравый, высокого роста, как говорится, косяя сажень в плечах, защищал и оберегал своего друга, помогал ему нести физически тяжелую солдатскую службу. Оба товарища готовились к бессрочному отпуску, то есть к окончательному выходу из армии после двенадцатилетнего срока службы, который был определен императорским указом, и с 1839 года заменил ранее существовавший двадцатилетний срок.

Когда выпадали друзьям днем краткие минуты отдыха, или в ночной тишине, когда не спалось, вспоминал каждый свой край, свою семью, все то, что оставил далеко в молодости, до своего рекрутства. Белорус Александр рассказывал другу, как тяжело живется бедному люду, к которому принадлежала его семья, на родине. Отсталый край, леса, болота, все кругом принадлежит помещикам. Как жить простому человеку? Бьется народ в нищете, и продыха никакого. Беспросветная жизнь, одним словом.

Украинский же друг, наоборот, хвалил свой благодатный край, уверял, что жить там гораздо легче и лучше, только работай, не ленись.

- Нашей службе с тобой скоро время выходит. Я возвращаюсь домой, в свою Федоривку. Поедем вместе со мной, посмотришь на наше житье, а понравится, так и оставайся! – приглашал друга с собой украинец. – Ты теперь вольная птица, отставной солдат. Ты еще молод и здоров, тебя везде примут. Жинку тебе найдем! Эх! Знал бы ты, какие крали наши украинские дивчины! Как гарно песни спивают!

- Ты мне лучший друг, - отвечал на уговоры Александр. – Только что ж я, приживалкой буду в твоей семье жить? Коли поеду на Украину твою, надо свое жилье иметь, а купить его, сам знаешь, грошей не хватит.

- А льгота? Ты, друг, забыл про льготу, какая нам положена за верную царскую службу! Вот мы и выхлопочем ее, будет тебе от властей земля, а хату мы всей родней поставим. Тем более, что и я буду свою хату строить. Рядом поставим жилье, будешь мне добрым соседом. Дадут ли тебе такую льготу в твоей Белоруссии?

- Вряд ли, - задумался Александр. – Ни о чем подобном я в наших краях не слышал. Ладно, согласен с тобой, поеду. Ведь никто меня приневоливать не станет, коли решу вернуться к отцу с матерью. По рукам, друже!

Так и появился отставной солдат Александр Корзун, белорус, красивый, статный мужик, с военной выправкой, в украинском селе Федоривка. Бравый, веселый, высокого роста, с голубыми глазами, с чарующей улыбкой под пшеничными усами – загляденье, а не мужик!

Пожил месяц-другой Александр у друга, огляделся на новом месте и решил остаться на Украине. Все-таки здесь лучше живется простому люду. Может быть, и его судьба повернется к лучшему. Дивчины любимой на родине не оставил, никому обещаний не давал, не к кому и не к чему душой туда лететь. А родителей к себе перевезет, как дела пойдут на лад, как своя хата поднимется соломенной крышей на своем участке земли. Разве о таком можно мечтать в бедной белорусской деревне? Опять же дружба, крепкая,

мужская, сколь много она значит в жизни. Можно быть уверенным, что плечо друга в любом деле будет поддержкой.

- Итак, решено, остаюсь в Федоривке. Будем с тобой, друже, хлопотать о земле, да чтоб рядом была. А потом с Божьей помощью и строиться начнем, - обрадовал друга своим решением Александр.

- Тогда и жинку тебе пора подыскивать, - улыбнулся довольно тот.

- Да я уже, кажется, нашел. Приглядел тут одну красавицу у вас. Правда, не юную дивчину, а вдову молодую, так ведь и мне годков немало. Нет-нет, деток у нее нет, не случилась на то Божья воля. Своих, я думаю, заведем, если согласится за меня пойти.

- А согласится ли?

- Так открывает мне по ночам двери хаты. Как же не согласится?

- Выходит, венчаться скоро будешь?

- Думаю, что придется поторопиться. Не дай Бог, кто увидит, как я по ночам к ней в хату крадусь, а на рассвете бреду к тебе на сеновал? Что ж жинку позорить, тем более, что по нраву она мне, добрая, ласковая, горячая. Истосковалась, видать, по мужской ласке. Как повенчаемся, то пока у нее поживу. Но надо свою хату строить, ее хатенка совсем мала, а я родителей к себе обязательно заберу, да и детки пойдут, надеюсь. Большую хату для большой семьи надо ставить. Поможешь, друг?

Все сбылось, как мечтал Александр. Ни единого разу он не пожалел о том, что остался жить на Украине. Перевез родителей к себе, как достроил большую хату рядом с другом на выделенном властями участке земли, и из леса, также выделенного, за верную службу в царской армии. С женой жил мирно, дружно, в любви и согласии. Да и чего ссориться-то? Человек по натуре спокойный, Александр и в других людях ценил ум, легкий, покладистый нрав, верность, трезвость и трудолюбие. В шинок почти никогда не заглядывал, если только иногда с другом по какому-нибудь вескому поводу. Обустроивал свою усадьбу, а там дел немерено, непочатый край. Поднимал хозяйство, обзаводился скотиной, ухаживал за всем приобретенным своим трудом имуществом. Жену любил и уважал, ценил в

ней такое же трудолюбие, ласковость, бережливость, отсутствие ворчливости и скандальности. Верен был ей по заповеди Божьей: уж чему-чему, а верности он в армии научился, да дружбе и уважению к человеку, который рядом с тобой и день, и ночь, делит тяготы и радости, прикрывает твою спину в случае чего.

Слава Господу нашему, все пока хорошо. Трудись только, не ленись. И детки пошли один за другим. Первенец – Петро, затем Иван и Юрий. Прямо целая армия помощников. А после - две красавицы дочки, Мария и Анастасия. Большая семья у Александра получилась. Своих вон сколько, да еще и родственники многие перебрались из Белоруссии к нему в Федоривку по его совету, устроились как-никак. Хорошо дружной семьей жить, что работать, что отдыхать. Хозяйство, слава Богу, большое, прибыль дает семье от продажи излишков. Все члены семьи любят и умеют работать. Опять же родители Александра дожили свой век в сытости и довольстве, сын с невесткой позаботились об этом. Лежат в украинской земле в покое. А как доживали бы, оставшись на далекой родине, разве не в бедности и тяжелой работе до последнего своего часа?

Вот и выросли сыновья Александра, пора женить и отделять на свое хозяйство. Так и решено было сделать. Гроши есть немного, хватит по очереди сыновьям хаты ставить. Прикупали землю, строились недалеко от родительского дома, женили и отделяли сыновей, Ивана и Юрия. Старший же сын Петро по общему решению остался жить в хате родителей, вести их хозяйство, доглядывать старость родителей, а потом и унаследовать все, что им принадлежало.

Иван, второй сын Александра, высокого и бравого мужика, вырос на удивление всем маленького роста, худощавым, неприметной внешности. Наверное, в материну родню пошел, в какого-нибудь далекого предка, так как щуплых родственников в ближайшем окружении с ее стороны сейчас не наблюдалось. Ему и прозвище дали Иванчик, Ивась, а впоследствии и семью его односельчане звали попросту – Иванчуки.

Юрий же, третий сын Александра, пошел в отца. Высокий, стройный, красивый, беда девичья, да и только! Сколько слез было втайне пролито, сколько влюбленных глаз следило, не отрываясь, за ним на вечерках и посиделках, сколько дивчин мечтало о нем теплыми украинскими ночами. Только никому пока ничего не обещал гарный парубок, приглядывался к дивчинам, никого не выделяя, одаряя всех и никого в отдельности своей чарующей, как у отца, улыбкой. А потом неожиданно для всех заслал сватов в польскую семью, к обычной дивчине, миловидной, скромной, из хорошей семьи, не зажиточной, но и не бедной. Юлия, Юльця, как ее называли в семье, приняла сватов спокойно, дала согласие идти за Юрия, красавца и мечту чуть ли не всех своих подружек. Никакого замирания сердца, как ожидали эти подружки, у нее не случилось, только загадочные улыбки жениха и невесты от сватовства до свадьбы давали немалую пищу пересудам и волнениям среди девичьей среды: как так случилось, неужели встречались в тайне ото всех, договорились меж собой давно, раз Юрий выбрал ее, а не какую-нибудь сельскую яркую красавицу себе под стать? Ох! Не будет он ей верным мужем, наплачется Юльця. Зря она перебила путь более достойной дивчине, хотя бы и мне, думала каждая, у кого не исполнилась заветная мечта.

Только Юрий, как показала жизнь, вместе с внешностью отца унаследовал и его характер. Верность и крепкую дружбу, уважение в семье ценил превыше всего, был прирожденным знатоком человеческих чувств. Разбирался, так сказать, где за яркой внешностью пустота или, что гораздо хуже, злой нрав, самовлюбленность. А в чьих очах непритворная доброта, ласка, ум и любовь. Недаром так долго приглядывался к будущим невестам.

А Юльця... Никакого расчета с его стороны здесь не было, и трудного выбора тоже. Просто сразу сердце потянулось к ней, а потом и прикипело, ощущая в ответ те же чувства. Нужно было время разобраться с ними и Юрию, и Юлии. И потом пришло решение: быть вместе.

Два сердца, две жизни соединились по любви, так что же из этого должно родиться, как не счастье? Так и было в этой семье. Любовь Юрия к жене

проявлялась во всем, в мелочах, в помощи, во взглядах и ласке. Да они и не скрывали ничего от односельчан, хотя многим не верилось, что так можно жить. Дружно, в полном согласии, в ежедневной заботе друг о друге. Нет, не ошибся Юрий в своем чувстве, Юльця – лучшая жена во всем мире. Так что еще в жизни надо?

В счастливом союзе родилось два сына, Иосиф и Антон. Когда сыновья были уже взрослыми, неожиданно, рано для своего возраста, умер Юрий. Остались Юрчуки, так называли односельчане эту семью, сиротами. Иосиф, Юсько по-польски, остался с матерью жить в хате отца, женился, имел детей: двух мальчиков и девочку. Антон после смерти отца еще неженатым уехал из Федоровки в город, и встречи с ним остальной семьи были крайне редкими.

Иванчик, старший брат Юрия, был женат три раза. Первая жена, тоже, как и у Юрия, полька, умерла очень рано, оставив дочку Марцелину, Марцеху. Вторая жена после нескольких лет брака тоже умерла, родив за эти годы троих сыновей, Павла, Дмитрия и Васыля. Третьего сына мать на свой польский лад звала Базылем, так его все и привыкли называть. Эти годы были спокойными и ладными для семьи, и для Марцехи мачеха стала настоящей матерью.

Но всем известно, что за счастливым временем всегда следуют черные дни, хочешь ты того, или нет. Третья женитьба Иванчика стала и для него, и для детей сущим адом. Как его угораздило найти такую жинку, один Бог знает. Может быть, в наказание была послана такая за грехи. Завидовал иногда брату Юрию, что так ладно у того все в семье, хотя знал, что зависть смертный грех. И жинка у брата милая да приветливая, и сам ростом и внешностью не обижен, и дивчины так и тают от одной его улыбки, бери, не хочу! А тут, эх! Не везет в жизни...

Но о том, что не такая уж плохая у него жизнь была, пока не появилась в его хате третья жена, он узнал с ее приходом. Иванчик потом говорил, сокрушаясь: «Правду люди говорят: первая жена Богом дана, вторая – от добрых людей, а третья – от сатаны». Катерина, так звали эту настоящую ведьму, издевалась над детьми, изводила самого Иванчика бесконечными

криками и придирками, умела, как подозревали односельчане, наводить порчу на соседскую животику и даже на людей. Злоба искала выхода, и горе тому, кто попадался ей на глаза, будь то неродные дети, муж или даже свои, рожденные в этом браке, сын Николай и дочь Анна. Иванчик нередко бил жинку за ее выходки, за издевательства, а старшие повзрослевшие сыновья гоняли ненавистную и всех ненавидящую мачеху, когда она в пылу ссоры поворачивалась к ним спиной и наклонялась, показывая голый зад. Доставалось тогда этому голому заду, но уроки не шли Катерине впрок, все повторялось вновь и вновь.

Старшая дочь Марцеха постаралась выскочить замуж из этого ада за первого же посватавшего ее парубка, сын Павло женился на женщине-вдове и ушел к ней в хату примаком из отцовского дома, Дмитрий уехал из села, а Базыль остался неженатым. На свою хату грошей нет, земли нет, а вести к себе молодую жену к такой свекрови – уж увольте! Насмотревшись на семейную жизнь у себя дома, Базыль не хотел и думать о женитьбе. А ну, как такая же попадется, как мачеха? На всю жизнь будешь к ней привязан, и не сбросишь это ярмо. Лучше одному жить, а уж потом, что Бог пошлет...

Но все эти события – дела будущих лет. А пока в семье Александра жизнь шла своим чередом, и семья эта постепенно убывала. Дочери одна за другой становились замужними. Мария вышла замуж в город Новоград-Волынский, находящийся в семи километрах от Федоривки, стала горожанкой. Ее муж Андрей, по фамилии Голуб, был богатым ремесленником, с крепким хозяйством, с такой же богатой, обширной родней, которые имели в городе общие небольшую фабрику по производству обуви и торговую лавку для сбыта своей продукции. Хорошая и порядочная семья приняла Марию, как родную дочь. Мария родила мужу двоих сыновей. Один из них впоследствии работал на обувной фабрике, а второй, умный и образованный, служил в городских органах власти.

Вторая дочь Александра Корзуна, Настя, нашла свою судьбу в Янушевке, богатом селе, которое располагалось более чем в двадцати километрах южнее Федоривки. Как и где умудрился высмотреть красивую дивчину

Анастасию Корзун из такого далека янушевский парубок, поляк Шимон Ясинский, по-украински Семен, неведомо. Но ведь где-то как-то углядел! Значит, судьба тому быть! Посватал, получил согласие самой дивчины да родителей ее, и увел Анастасию из родительского дома в неведомую замужнюю жизнь. А на счастье или на горе – время покажет...

Остался в отцовской хате из пятерых детей только первый сын Петро. Тайный любимец матери, если уж открыть этот секрет, хотя внешне она сыновей никак не выделяла. Просто Иван уродился какой-то невзрачный, маленький, нервный. От красавца Юрия так и ждала подвоха: с такой-то внешностью только дивчин портить да обиду всей семье иметь от их родственников. А Петро удался в самый раз: среднего роста и телосложения, тоже красивый, но мужской красотой, суровой и не бросающейся сразу в глаза. С виду спокойный, с умными добрыми глазами, сильными руками. Такой человек сразу вызывает доверие, нет в нем лжи, только надежность и сила.

Со стареющим отцом Александром, еще здоровым и бодрым мужиком, взрослый Петро обновили дом, пристроили к нему дополнительно две комнаты, подремонтировали стены, крышу, перестеклили окна. Выложили в пристройке печь для обогрева, настелили везде деревянные полы. Хороший, богатый дом получился. Теперь надо жену в него вести для Петра, молодую хозяйку, так как мать совсем плоха стала, болеет часто. С таким огромным хозяйством по женской части не успевает справляться, а дочери, ранее помогавшие матери, выскочили замуж.

Однажды вечером у родителей с Петром состоялся долгий, серьезный разговор на эту тему.

- Ты, Петро, все понимаешь, объяснять лишний раз не буду, что матери помощь требуется. Хозяйку в хату надо, а ты и не думаешь жениться. Что скажешь на то? Куда-то ведь ходишь по ночам? Так приведи в дом, как жену, если любя тебе дивчина! – сердито выговаривал сыну отец.

- Сказал бы нам, сын, кто та ночная голубка. Есть кто на сердце, или не лежит ни к кому душа? Ведь лет-то тебе немало, пора бы семьей обзавестись.

Посмотри на братьев, женаты оба, а ты холостым гуляешь. Не приведет это к добру, накажет Господь за долгие выборки. Да и в хате молодые руки нужны, я уж из сил выбиваюсь, здоровье не то, чтобы за всем уследить. Женись, сынок, да дай с внуками понянчиться. А то каков мой век, не знаю, - мать утерла выступившие слезы.

Петро тяжело вздохнул. Отер лоб рукой, смахнув чуб в сторону.

- Ту, к которой я хожу по ночам, я в хату не поведу. Такая не для жизни, а только для ночных утех. И имя ее знать вам ни к чему, в вашей жизни она никак не появится. А что жениться надо, я знаю и понимаю. Но дивчину, что запала в сердце, ее родители отдали за другого. Не успел ей сказать, что любя, мила, промедлил. Понадеялся, что есть еще время, что успею. А в сердце она до сих пор, никого более не хочу. И если нужна в дом хозяйка, найдите сами мне жену, а я приму ваш выбор, мне все равно.

- Как же так, Петро, а как жить-то с нелюбимой? – удивился отец.

- А как все живут. Нешто во всех семьях любовь? Посмотрите, отец, как в иных семьях грызутся, ненавидят друг друга, а живут же! Бог повенчал, так куда денешься...

- Так и ты также думаешь жить, сынок? – совсем расплакалась мать. – Ох, беда какая!

- Не плачьте, мама. И вы не сердитесь, отец, - остановил Петро стукнувшего кулаком по столу Александра. – Выслушайте прежде. Не буду я так жить в своей семье. Кого выберете, с той и буду жить. Любви и ласки не обещаю, а уважать буду и не обижу никогда. Вот и надеюсь на вас, что выберете мне такую, какую можно и нужно уважать. А там, может быть, стерпится-слюбится, как люди говорят. Все, более не хочу говорить о том, теперь моя жинка – ваша забота. – И с тем ушел из хаты.

- Ну, мать, давай думать, что-то решать. Видно, так и придется сделать. Приглядись-ка к девицам на выданье, да не ошибись. Нам с ней жить, но чтоб и Петро потом не обижался.

Не сразу, но была выбрана в жены Петру дивчина по имени Секлитинья.

Чрезмерно высокая, худая, с неизменно злым выражением лица. Но она - единственная дочь очень богатых родителей, а гордыню со злостью ведь и усмирить можно. Уж Петро-то с его твердым характером сумеет приструнить жинку, если что не так пойдет. Зато такое богатство, вот оно, только руку протяни! Немалое сначала приданое, а после смерти родителей – и все остальное нажитое имущество. Пожалуй, надо сватать эту дивчину, пока никто другой не перехватил.

Петро был во всем согласен с родителями. Ему все равно, Секлитинья пойдет к нему в жены, либо какая другая дивчина. От того, что выбранная невеста принесет ему богатство, особой радости он не испытывал. Своим трудом и горбом надо хозяйство умножать, а то из-за жадности к жениному добру можно и под пятку к ней попасть.

Отодвинув все тревоги и опасения в сторону, дивчину Секлитинью все-таки засватали. После венчания и свадьбы Петро привел молодую жену в дом. О том, что спокойной жизни у него в семье не будет, он понял с первых дней. Гордясь своим богатством, избалованная в родительском доме, Секлитинья и здесь требовала особого к себе отношения. Недовольство, капризы, лень, неуважительное отношение к больной свекрови. Как так, она в дом богатство принесла, а ее заставляют работать с утра до ночи, не выполняют ее капризов, муж не лелеет и не целует.

Александр от своего выбора за голову хватался: вот так удружили сыну. А тот только хмурился: похоже, все-таки несчастливая судьба ему выпала. Правильно когда-то мать говорила, что Бог накажет за долгие выборки. «За выборки – выжимки» - есть такая пословица. Так и есть, верно люди говорят. Мать плачет ночами, когда думает, что никто ее не слышит. Придется, как ни хотел этого Петро, окорачивать нрав жены, чтоб не смела маму обижать. Дать понять Секлитинье, что при таком ее поведении он, не глядя ни на кого, соберет сундуки жены, да и вернет ее со всем приданным отцу-матери. Пусть люди думают, что хотят, а отец его поддержит, уже был такой разговор.

Секлитинья на время притихла. Вставала рано, зло гремела горшками на кухне, разговаривала со всеми, поджав тонкие губы и нехотя роняя слова. Делала все, что требовалось от хозяйки, но в ее присутствии даже воздух, казалось, был напитан злобой, еда не лезла в рот, а светлый божий день чудился сумерками.

Умерла мать Петра, однажды не проснувшись утром. Говорят, Бог назначает такую легкую смерть светлым людям, не грешным или грешившим очень мало, и искренне раскаявшимся. Была она сильно больна, да и срок жизни подошел к концу, но и Александр, и Петро, мысленно, для себя, записали ее смерть в список грехов Секлитиньи. Отравила та последние дни свекрови, может, тем и ускорила кончину. Злыдня, одно слово.

Остался Александр на попечении сына один. Хотя силенки еще есть, но надеяться на долгую, полную здоровья, жизнь уже не стоит. И все-таки он не даст себя в обиду снохе, надо браться с сыном вместе, чтоб научить ее уму-разуму, коли родителям было недосуг. Страшно подумать, что сыну жизнь испортили. Так кто же знал?

- Надо было знать! Виноват, виноват! Богатство глаза застило, - корил себя старый отец. – А теперь и не выгонишь ее, первенца носит. Не оставлять же дитя без матери. И дитя, когда родится, в ту семью отдавать нельзя: какова мать, такое и дитя вырастет.

Так и шла жизнь в хате Корзунов. Зимы сменялись веснами, расцветали сады, радостно чирикали птички, в поднятые тяжким крестьянским трудом пашни ложилось зерно, чтобы теплым летом отдарить человека, пахаря, хозяина золотым житом. Петро с отцом работали в поле с ранней весны и до поздней осени. А коли все сделано, так в хозяйственных постройках дела найдутся: что-то подремонтировать, починить, обиходить животину. Старались отец с сыном как можно меньше появляться в хате, где хозяйствовала хмурая и злая Секлитинья.

Но, как бы то ни было, Петро молодой, здоровый мужик, организм требует свое, а жинка оказалась на диво плодovitой. Один за другим пошли дети. Первым родился сын Тихон, через два года Дмитрий, через год

Александр, опять через два Филипп. Через три года- погодки Мария и Федосья. Детки все спокойные, здоровенькие и умненькие, на него похожи. Наверное, Господь таким образом вознаградил Петра за неудачно выбранную жену, за несчастливую семейную жизнь. Кто знает божьи помыслы?

Петро любил всех детей, а уж про деда Александра и говорить нечего, он обожал внуков. Забавлял малышей, делал им деревянные игрушки, рассказывал, как умел, сказки. Рассадит детей вокруг своей лавки, подкрутит уже не пшеничные, а седые, усы, и начинает говорить громким голосом. Где истинную историю расскажет, где приврет, а детям все интересно. Слушают заворуженно. Когда же хлопчики стали немного подрастать, дед принялся постепенно обучать их всякому ремеслу, сначала нехитрому, а потом, видя их усердие и сметливость, и серьезным вещам: как тачать сапоги, как шить упряжь для лошадей, как строить из дерева хаты, класть печи, рыть колодцы... Разве перечислишь все, что делается в крестьянском хозяйстве? Всему следует обучить сыновей, чтобы все требуемое умели делать своими руками.

Потом пришло время вывести их и на полевые работы. А там тоже много премудростей: как пахать, на какую глубину, и сеять надо каждый злак в свой срок, и убирать урожай вовремя. Животина хозяйского знания и умения тоже требует. Не вовремя или не тем покормишь или напоишь – может заболеть. А ведь она живая, жалко! Без нее, как, например, без лошади, хозяйство не поднимешь.

- Учитесь, сыны, - твердил им Петро, - все в жизни пригодится. Наш с матерью век на закат идет, а у вас впереди вся жизнь. Крепко держите в руках, что нажито, тогда и жизнь безбедная будет. А еще друг за дружку тоже держитесь, вы родные братья, одного корня. Вместе вас труднее будет одолеть, чем по одному, а то и вовсе никак.

- Чужого не желайте, но и своего не отдавайте никому. Не ссорьтесь зря с людьми, но и себя в обиду не давайте, - старый дед Александр тоже пытался вкладывать в головы внуков свою мудрость. – Живите дружно с соседями, ведь правду люди говорят, что «покупая дом, купи соседа».

- Сестер своих защищайте, коли в новых семьях их кто обидеть задумает. Пойдут замуж, как придет время, а как там жизнь сложится, только один Бог знает. Вот и приглядывайте, чтоб мужья руки не распускали. С вас спросится, коли что, - Петро беспокоился и за дочерей. – Вас четверо, вы вместе вон какая сила. Побоятся обидчики вашего ответа.

Петро видел, как быстро взрослеют сыновья, и гордился ими. Что и сказать, все в него да деда Александра пошли. Их родова, к счастью! Нет среди сыновей худых, как скелет, похожих на мать Секлитинью, да таких же злых. Минула Петра беда такая. Все хлопцы пошли в отца: среднего роста, крепкие, сероглазые, русоволосые. Чувствуется сразу в них сила, а в глазах светятся доброта и ум. Да и Мария с Федосьей, дочки ненаглядные, тоже от матери ничего не взяли: ни внешность некрасивую, ни нрав ее. Похожи обе на бабушку, мать Петра. Светловолосые, миловидные, с добрыми улыбками. А еще крепкие и работающие, именно такие, каких парубки и выбирают себе в жены. Чтобы и хозяйство умела вести, не ленилась, не отравляла мужу жизнь ежедневными капризами и сварами, да деток здоровых рожала, чтобы род продолжать. Иначе зачем горбатиться в собственном хозяйстве, если некому его передать?

- Господи Боже, всемилостивейший Отец наш, благодарю тебя за сыновей своих! Обделил ты меня любовью и лаской женской, зато одарил таким богатством – сильными и умными сынами, да красавицами дочками. Не зря я на свете живу. Надоумил ты отца моего, Господи, перебраться жить на Украину, а здесь, с такой красотой вокруг, только такие дети и должны рождаться!

Все дети Петра Корзуна, и сыны, и дочери тоже, отданы были в свое время в сельскую школу, получили начальное образование. Этого требовало время, быстро изменяющийся патриархальный уклад жизни села. Хочешь-не хочешь, а внешний мир все настойчивее стучится в замкнутую жизнь сельского трудяги в виде новостей из больших городов и столицы, о каких-то волнениях в них. Молодежь стала уезжать из села, иногда и против воли родителей: там кипела незнакомая, но такая влекущая жизнь, хотелось

попробовать этой жизни, вырваться из однообразного круга крестьянского труда, коим от века занимались прадеды, деды, отцы, и который был уготован и им.

- А кто же будет обрабатывать землю нашу? – беспокоились старики. – Как смеют чады не слушаться родителей? Ох, Господи, что же делается в твоём мире?

Семью Петра это новое веяние благополучно минуло. Воспитанные в любви к своей земле, к крестьянскому труду, его сыновья и не думали никуда уезжать, чтобы искать счастья на чужой стороне. Все четверо, уже достаточно взрослые, трудились сообща в своём хозяйстве, которое год от года богатело, расширялось, крепло. Семья выращивала много хлеба, держала много скотины, была своя обширная пасека, большой пруд с рыбой. Всего вдоволь, слава Богу!

Большой помощью в укреплении хозяйства было то, что местный помещик, владения которого в виде пахотных земель, пастбищ, лесов, богатого грибами и ягодами бора, занимали много места в Федоривке, был другом Петра. Удивлялись в селе этой дружбе, но, тем не менее, это было так. Однажды познакомившись, ещё будучи оба неженатыми, Петро и этот помещик потом не раз встречались, беседовали. Общие интересы, одинаковый взгляд на жизнь, возможность просто поговорить с умным собеседником, как-то незаметно переросли в настоящую дружбу, несмотря на различия в социальном статусе. Часто навещали друг друга, будучи уже женатыми, крестили вместе своих детей. Семья Петра пользовалась такой дружбой к своему благу: ей разрешалось брать для построек лес из массивов помещика, собирать грибы и ягоды в его бору, вывозить из леса сухостой на дрова. А когда подросли сыновья, и встал вопрос об их отделении в самостоятельную жизнь, друг Петра продал ему землю для постройки хат.

Пока же все трудились в этой семье, не покладая рук. В хозяйстве было много лошадей, коров, другого скота, птицы. Со всем справлялись сами, батраков не держали. Правда, жил в хате один бездомный старичок, которого Александр с Петром приютили из жалости, и который был немного не в

своим умом. Но безбидный и совсем не требовательный. Пришел однажды неведомо откуда, присел на лавочку в саду, да так и не ушел. Даже куска хлеба не просил, сами накормили странника, разрешили переночевать в клуне. А утром Изотий, или просто Изот, как он ответил на вопрос о своем имени, поднялся, молча взял хворостину, валявшуюся на дворе, и погнал скотину на выпас, как будто делал это ежедневно. Так и был решен вопрос с его проживанием. Отныне его обязанностью стал выпас скота, и ничего более.

Старый дед Александр к тому времени, как выросли внуки, был уже очень стар, ничего не мог делать. Топал по дому босиком, в холщовых штанах, в такой же холщовой рубахе, и с неизменной трубкой во рту, люлькой. Пыхтел дымом махорки и днем, и ночью, волосатый, усатый, бородатый, страшно ворчливый. Стричь и брить себя не разрешал, говорил, что старикам грешно это. За русской печкой на кухне был такой закуток, или запечек по-другому, где дед спал, и куда не допускал никого, с неохотой пуская только Секлитинью перестелить чистую постель. К глубокой старости стал выживать из ума, доставляя много хлопот домочадцам, и умер в своем запечке в 96 лет, освободив их от постоянной тревоги за непредсказуемое поведение довольно-таки ненормального деда.

Рядом с усадьбой Петра стояли и хаты его братьев, Ивана и Юрия. Считалось, что Петро жил богаче всех. Ему припоминали и дружбу с богатым помещиком, и готовое хозяйство, доставшееся от отца с матерью, и богатое приданое жены. Но основной причиной зажиточной жизни, как считал сам Петро, был его неустанный труд да руки четверых взрослых сыновей, из которых никто не отлынивал от работы, не стремился изведать на чужбине другой жизни, и которые вставали с отцом ни свет, ни заря, а заходили в хату вместе с ним только в глубоких сумерках.

Старший сын Петра Тихон женился рано, и наперекор матери. Выбранная им дивчина Катерина была из бедной семьи, тем и не угодила Секлитинье.

- И слышать не хочу о ней, - заявила она сыну. - Какое приданое она принесет в дом, коли нищая, хочу я знать? Нам ее кормить придется, да еще ее бедную родню? Нет, и не говори мне о ней! – уже кричала мать.

- Тато, выслушайте меня, - повернулся к отцу Тихон. - Я не могу не жениться на Катерине. Она любя мне, это раз, а еще вы должны знать, что не убереглись мы с ней, не дождались свадьбы, и она теперь в тягости. Тато, как я могу ее опозорить, ведь она не одна виновата, я тоже в ответе. Не дадите согласия, то я повенчаюсь с ней без него, и уйду к ним в хату примаком. Делайте, что хотите. – Тихон передохнул и продолжил.

- А что бедна моя голубка, из бедной семьи, так ведь у меня руки-ноги есть, наживем хозяйство. Голодной я свою семью не оставлю, с божьей помощью проживем. Решайте, тато. Как вы скажете, так и сделаю. Но знайте, от Катерины не отступлюсь, не опозорю ее. Вы сами учили меня жить честно.

Секлитинья аж дар речи потеряла от такого заявления, да и Петро тоже не нашелся сразу, что сказать. Потом тяжело вздохнул и приготовился что-то ответить, но крик жены прервал его намерение.

- Не позволю! – визжала Секлитинья. – Кого это ты намерен в мою хату привести?! Шлюху какую-то! Ни девичьей чести нет, ни приданого! Кормить ее да ее нищую родню? Нет и нет!

- Тогда я уйду к ней, - поднялся с лавки Тихон.

Их перепалку остановил резкий стук кулака о столешницу.

- Хватит! – рывкнул Петро. – Молчи, старая! Услышу от тебя хоть один звук, то пеняй на себя! А ты, сын, сядь и слушай. В хате хозяин я, и как скажу, так и станет все по моей воле. Мое же слово такое: что случилось, того не повернешь по-другому. Коли не уберегся от греха, то сам виноват, да виноват более ты, а не она. Позорить дивчину не будем, значит, веди в хату женой, любя или нет. А что бедна, так и мы были такими. Все можно осилить честным трудом, и вся семья тебе поможет. Кто такая эта дивчина, скажи!

Тихон теперь смотрел только на отца, слушал каждое его слово, стараясь не поворачиваться в сторону матери, которая стояла у печки с ухватом в руках и ненавистью в глазах.

- Это Катерина, дочь Заславских, с южной окраины Федоривки. В семье старшая, после нее еще трое хлопчиков маленьких. Да, семья бедная. Но люба мне дивчина, другой не надо!

- Значит, так и порешили. На свадьбу пышную не надейся. Обвенчааетесь, и семейным вечером обойдемся. Жить будете здесь, в комнате, что за кухней, а мы с матерью переберемся в горницу, к сынам. Вам, молодоженам, не след с ними в горнице быть.

Секлитинья аж тряслась от злости, но молчала. Знала, что в некоторые моменты семейной жизни, как, например, этот, лучше промолчать. Петро хоть не бил ее никогда, но мог так пригрозить, что мало не покажется.

Казалось бы, все как-то устроилось. Девичья честь спасена, венчание и скромная свадьба прикрыли грех. Муж Тихон без ума от своей молодой жены. И в большой семье Корзунов ее приняли благожелательно все, кроме свекрови. Не могла Секлитинья смириться, что не послушался сын матери в таком серьезном деле, как женитьба, что Петро поддержал сына, что появилась в хате ненавистная ей невестка. Нищая, без приданого, да еще и в тягости. Ей твердят, что это любовь. Какая такая любовь, что это такое? Замуж надо идти с полными сундуками добра, с девичьей незамаранной честью, вот как она, Секлитинья. И теперь эта Катерина поймет, что натворила, куда полезла, бесприданница этакая. Уж она, Секлитинья, постарается указать той ее место.

Так что юная Катерина вступила в свою семейную жизнь, как в ад. Петро с сыновьями, в том числе и с ее Тихоном, целый день за пределами хаты, то в поле, то во дворе по хозяйству, то в разъездах по делам. А невестка целый день в доме под гнетом свекрови. Родным дочкам тоже несладко с такой матерью, но уж Катерине доставалось от свекрови вдвойне, если не втройне. Никакой скидки на растущий живот, постоянные упреки в бедности, отсутствии приданого, в допущенном грехе. Нагружала Секлитинья юную Катерину домашней работой свыше всякой меры. Семья-то вон какая большая: Петро с хозяйкой, четверо сынов, двое дочерей, два старика, дед Александр и дед Изот, да теперь вот невестка Катерина. На всех нужно

приготовить еду, убрать и перетрясти постели, перестирать горы одежды, помыть полы, а они везде теперь деревянные, подбелить печи, перемыть множество посуды, испечь хлеб, прополоть грядки, подоить коров, обработать молоко, сбить масло... И так далее по нескончаемому списку. И ведь не присесть, не отдохнуть. Сразу раздастся окрик свекрови.

- Что расселась? Кто за тебя будет это делать? Пришла в хату с голой задницей, так никто тебя с твоим отродьем кормить даром не будет!

- Мама, ну что вы говорите, ей же надо больше отдыхать, ей уж рожать скоро! – пытались защищать Катерину сестры Тихона Мария и Федосья. Но куда там! Быстро можно схлопотать ухватом по спине от матери за такую защиту. Малы еще матери перечить! Не ваше это дело, прикрыли ей грех, взяли в добрую семью, вот пусть и платит за это!

Девчонки, видя молча глотающую слезы Катерину, сами вытирали выступающие слезы, стараясь взять на себя часть домашних дел. А дела эти находились ежеминутно, поток оскорбительных слов не иссякал вплоть до того момента, пока в хате не появлялись Петро с сыновьями. Тогда Секлитинья замолкала, зло поджав тонкие губы, и в хате наступал покой. Семья вечеряла, причем на стол собирали еду и убирали после посуду дочери, а Петро обязательно следил за тем, чтобы Катерина отдыхала, жалел невестку. Ни он, ни Тихон не знали, каково ей достается днем в их отсутствие, а ее чересчур бледный вид и заплаканные глаза относили на счет тяжелой беременности. Жаловаться же в этой семье было не принято.

Так и подошло время Катерине рожать. На свет появилась крохотная, хорошенькая девочка, названная Лидией, Лидочкой. Недоношенная, семимесячная, объяснили соседям. А повитуха ушла домой после родов с тяжелой котомкой, нагруженной продуктами за работу и молчание.

Шли дни. Лидочка росла, крепла от материнского молока, благодарно улыбалась, показывая маленькие зубки, залиvisto смеялась, когда дед Петро брал малышку на руки и щекотал ее своими пшеничными усами. Ее любили все в семье, кроме родной бабки, которая не признавала внучку, как она говорила, рожденную во грехе. Няньками для нее стали Мария и Федосья,

потому что с рождением дочери для Катерины ничего не изменилось, работы на нее наваливалось все больше и больше. А теперь добавились стирка пеленок, бессонные ночи, когда Лидочка недомогала. В редкие минуты кормления грудью Катерина могла подержать свою кровиночку на руках, не получив очередного окрика, так что некогда было лелеять дочку.

Когда Лидочке исполнился год, и она научилась ходить, кроха старалась ухватить мать за юбку, забраться к ней на руки, прижаться к теплой материнской груди. Но Секлитинья не допускала таких проявлений нежности.

- Нечего хватать девчонку на руки, работы невпроворот, а она сидеть вздумала! – кричала свекровь, - отдай дитя девкам, а сама сделай то-то! – следовал указ, какую работу надо срочно выполнить. Катерина вздрагивала от крика, быстро передавала на руки Лидочку одной из девочек и мчалась выполнять приказ. Горькие слезы Лидочки вдогонку матери не могли ее остановить, приказ свекрови все перевешивал. А свои слезы обиды можно и по дороге вытереть с лица, пока никто не видел.

Однажды днем, когда Катерина принесла из криницы на кухню воду в двух тяжелых деревянных ведрах и поставила их на пол у плиты, Лидочка подбежала к ней и затеребила за юбку, просясь на руки. Катерина приготовилась подхватить дочку, но неожиданный резкий и визгливый окрик свекрови заставил ее вздрогнуть и непроизвольно оттолкнуть от себя малышку. Это движение получилось чересчур сильным, Лидочка отлетела в сторону и ударилась височком о железную дужку ведра. Потекла кровь. Малышка вытянулась около ведра, вздрогнула и, закрыв глазки, замерла. Все было кончено. То, что она мертва, стало понятно сразу.

Высокий, тонкий, за пределами ужаса и скорби, крик Катерины был слышен во дворе, где в это время Петро с сыновьями перегружали свежескошенную траву с повозок в сарай со скотиной. Побросав вилы и грабли, мужики бросились в хату, и впереди всех Тихон, узнавший голос жены. На кухне на полу сидела Катерина, укачивая на руках мертвую дочь и выводя на одной ноте свой скорбный плач. Секлитинья с хмурым и, как

всегда, злым выражением лица стояла у печки, сложив руки на груди. Глаза ее были сухи. А рядом с Катериной, стоя на коленях и держа малышку за холодеющие руки, заливались слезами сестренки Тихона.

- Что здесь случилось? – залетел вслед за Тихоном в хату на кухню Петро. – Секлитинья, говори!

- Бог дал дитя греха, Бог его и взял. Вот и все, что случилось. Сама Катерина виновата в том, а я ни при чем. – Секлитинья так и не сдвинулась с места, не проронила ни слезинки. От Катерины же ничего нельзя было добиться, ни одного связного слова. Тихон, стоя на коленях, обнимал жену и мертвую Лидочку, плача вместе с Катериной о своем так неожиданно настигшем горе. Дмитрий, Александр и Филипп, сняв шапки, в растерянности переминались у входа.

- Мария, Федосья, что произошло, хоть вы скажите! – Петро, держась за сердце, осел на лавку. – Что с Лидочкой? Да не смотрите вы на мать, мне, мне говорите, что здесь случилось, - закричал Петро на дочерей, испуганно поглядывающих в сторону матери.

- Я скажу! Нет, я скажу! – наперебой и сквозь слезы стали рассказывать девочки о трагедии, что разыгралась на кухне в последние десять-пятнадцать минут, а потом и о том, какие издевательства творила мама над Катериной, как ее обзывала, не давала присесть, отбрасывала от себя малышку, которая по незнанию тянулась ко всем в доме. Сколько слез выплакала наша Катя, а вместе с ней и они, две девочки-подростка, которые никак не могли повлиять на происходящее, на злую маму, которая никого не любит, и которой совсем не жалко маленькую Лидочку, которая так страшно умерла.

- Тато, тато, Лидочки больше нет! Это мама виновата, пусть даже она нас потом побьет, - плакали навзрыд девочки.

Молча выслушали горький рассказ Петро и сыновья. Слушал и Тихон, прижавший к груди жену и мертвую дочку, потом поднялся, подхватил Катерину с Лидочкой и почти на руках унес в комнату, где они обитали, закрыв за собой дверь. Девочки от тяжелого взгляда матери спрятались за спину отца, который велел им сейчас же уйти в горницу. Ушли и остальные

сыновья, опустив головы и бессильно сжимая кулаки. Кого покарать за смерть невинной малышки? Не поднимать же руку на родную мать? И как все они могли не увидеть страданий Катерины в семье, которые столько длились, а им было невдомек? Приняли в семью дивчину, и не защитили, да и дочку ее не уберегли. Нет прощения...

А у Петра с такими же нравственными страданиями была еще и решимость наказать. Вопрос, кто в трагедии виноват, для него был ясен. Схватив палку, с которой ходил по дому и по двору благополучно проспавший за печью в своем закутке все события дед Александр, Петро первый раз в жизни избил Секлитинью. Молча, не жалея, словно не слыша ее криков, не разбирая, куда наносит удары.

Палку отобрал вышедший из комнаты Тихон.

- Тато, не берите греха на душу, убьете ведь. Лидочку не вернешь, а убийство еще горше для нас будет.

Он повернулся в сторону плачущей матери и указал пальцем на дверь комнаты, где осталась Катерина.

- А вы, мама, не смейте туда заходить. Не ваше это горе, и делать вам там нечего. – Обнял отца и вывел его из кухни.

Слезы и скорбь поселились в хате. Каждый помнил улыбку и голосок маленькой Лидочки, ее ласковые ручки. Петро всякий раз вытирал слезы, когда вспоминал, как внучка пыталась разгладить морщинки на его лице, когда он вечерами брал малышку на руки и забавлялся с ней. У Марии и Федосьи не просыхали слезы, до того им было жалко Лидочку. Тихон ходил, как каменный, никогда не поднимал глаз на мать и, если она обращалась за чем-либо к нему, молча вставал и уходил из хаты. На Катерину же было страшно смотреть. До похорон дочки она рыдала в голос, не переставая, а после – как отрезало. Передвигалась по дому, молча делала всю работу, как и прежде, только как будто не слышала приказов свекрови, которая до сих пор залечивала свои синяки. Сделает все, что требуется, и уходит в свою комнату, закрыв за собой дверь. Не ждет, как раньше, что еще прикажет свекровь. Секлитинья бесится от злости, а сделать ничего не может, помнит

грозный взгляд сына, запретившего ей входить туда. Да и Петро теперь следит за порядком в доме, не дает злой жинке разгуляться от души. Палка-то вот она лежит, недолго дотянуться, если что.

На семейном совете, куда Секлитинью не позвали, было решено отложить на время все дела и планируемые покупки. На скопленные гроши в срочном порядке надо поставить хату Тихоновой семье и отделить его. Для быстроты дела, если не хватит своих сил и рук, позвать на помощь всю многочисленную родню. Так и сделали. Участок земли с небольшим лесочком, правда, далеко от отцовской усадьбы, продал старый друг Петра, помещик. Договорились с ним и по лесу на хату и надворные постройки.

Быстро поднялась новая хата, не очень высокая, с соломенной крышей, но добротная, просторная, а, главное, своя. Как и все украинские хаты, разделена на две половины, с кухней в одной и горницами в другой. Снаружи и внутри побеленная, с расписными ставнями, чистыми сверкающими окнами. Во дворе поставлены сараи, баня, клуня. Выкопана и обустроена криница, и журавль над ней, как положено. Не сговариваясь, хотя и торопились, строили с душой, как можно лучше и красивее. Может быть, глядя на свою хату, оттаает сердцем Катерина, начнет улыбаться, как раньше? Все чувствовали вину за ее трагедию, не доглядели. Ну что ж, зато научены остальные сыны, жен будущих надо вести в свои хаты, строить их как можно раньше, если уж не получится ставить до свадьбы. Недаром поется в украинской песне «чужа хата така, як свекруха лихая», не обманывает народная мудрость...

Ушел Тихон с семьей из отцовской хаты в самостоятельную жизнь. Начал обзаводиться хозяйством, благо, отец выделил достаточно добра и скотины в надел. Только от Секлитиньи Катерина ничего не взяла, хотя та и предлагала.

- Сами наживем, - коротко ответила она и отодвинула собранный свекровью узел.

У Тихона и Катерины в новой хате родились дети: сын Илья в 1905 году, сын Виктор в 1908-м, Петр в 1911-м, Виталий в 1913-м. Милые сыночки, свет

очей, но слезы о доченьке, о дорогой Лидочке, так и не высыхают на глазах Катерины, когда она думает о своей потере. Теперь-то Катерине грех жаловаться на жизнь: Тихон любит, как и прежде, свекровь, эта кара небесная, далеко, к ним не приходит, да и Катерине к ней незачем ходить, сама со всем справляется. Вот дед Петро внуков без памяти любит, часто их навещает, берет малышей к себе домой погостить. Посадит одного или двоих внуков в большую корзину на лямках и несет за спиной. Хлопчики платят ему горячей привязанностью, называют ласково «дедунько», а иногда и просто «дунько», если по малости лет трудно выговорить полное слово. А ему что, дунько так дунько, и несет он их к бабушке, «бабунце», а коротко «бунце». Та, хоть характером и была прежней, неласковой, и, без особой любви, но внуков привечала.

Петро часто спрашивал остальных сыновей, и, в первую очередь, Дмитрия, когда же они-то думают жениться? Годы идут, не юнцы уж, слава Богу, а никто из них и не заикается о том. Если думают о судьбе Тихона, так не всем же одинаковая выпадает, а теперь все у того хорошо. Деток славных нарожали, своим хозяйством живут, всего вдоволь. И вам, сыны, пора определяться. Особенно второму, Дмитрию. Ему пришлось послужить в армии, был призван, один из всех сыновей Петра, в двадцать два года, и прослужил семь лет в полковом оркестре баянистом в городе Лодзь. Был отпущен по болезни, распухали и не гнулись пальцы. Какой уж тут баян! Долго лечился дома разными припарками и другими народными средствами. Лечение вернуло рукам подвижность, но об игре на баяне пришлось забыть.

- Дмитрий, что скажешь? – выговаривал Петро второму сыну свою озабоченность. – Тебе уж тридцать три, а ты один. Старший-то, Тихон, четверых хлопчиков имеет, а вы буками живете. Уж тебе-то пора жениться, как хочешь. Или дивчины в селе перевелись, не из кого выбрать? Так мне еще моя мать говорила, что «за выборки – выжимки». Это так, по себе знаю. Болит моя душа за вас, сынов. Ведь крепкие, красивые, работающие, хоть куда женихи! А доли нет, что ли?

Сыновья обычно отмалчивались, а то и отшучивались, не подошло время, мол. Или что нет подходящих красавиц, а каких-попало не надо. Отец сердился: довыбираетесь так-то, всех молодых дивчин разберут, а за вас, стариков, потом ни одна добрая невеста не пойдет.

Но однажды Дмитрий, в ответ на отцовское ворчание, дал долгожданный ответ.

- Да, тато, присмотрел я себе невесту. Хотел о том с вами говорить.

- Ну-ка, ну-ка! – оживился отец. – Давай присядем в садочке. Вон какой сегодня денек, теплый, ласковый, ни ветерка, ни пылинки. Сколько живу, а все не могу налюбоваться на край свой благодатный, ежедневно благодарю Господа нашего, что дал мне родиться на этой земле. Вот уж осень стучится в ворота, а день-то какой славный, в рубахе одной, а не мерзну. Ну, так говори, что надумал?

Рассевшиеся в кружок в саду отец с сыновьями, Петро с Дмитрием на лавочке под окном хаты, а Александр с Филиппом просто на земле, представляли собой картину, порадовавшую бы взгляд Бога, если бы он в это время посмотрел на них. Крепкие мужики, крестьяне, намертво связанные со своими землей, хатой, садом, работающие руки которых ежедневно и неустанно холят и лелеют все это, которые по-настоящему любят свой край, трудятся на его благо. Чтобы процветала Украина, хотя, конечно, никто из них не мыслит в таких масштабах. Каждый возделывает свой участок, свою усадьбу, свой сад, любит и ценит труд на своем кусочке земли. Но ведь из этих кусочков и складывается большая и прекрасная Украина, разве нет?

Дмитрий, на которого выжидательно смотрели отец и братья, вздохнул, собираясь с мыслями. Как выразить в правильных словах то, что он чувствовал в этот момент? Была, была дивчина, о которой он думал ночами, и образ ее перед глазами вызывал какое-то томление в груди. В любовь, жгучую, безрассудную, безоглядную, он не верил. Удивлялся брату Тихону, когда тот утверждал, что любовь на свете есть. Может быть, она и есть, но ровная, спокойная, верная, на грани уважения или даже привычки. Не испытывал Дмитрий бурных чувств и боялся, что дивчина, какую он когда-

нибудь выберет в жены, будет ждать от него яркой любви и непрестанной нежности, а он не сможет этого дать. Какой тогда будет семейная жизнь?

Он на отца с матерью насмотрелся, как они живут, и себе такой жизни не хотел. А как другую устроить, не знает. Может быть, ему уготована судьба бобыля? Вот и надо посоветоваться с отцом, стоит ли обнадеживать дивчину, запавшую в душу...

Петро чувствовал смятение сына и не торопил его с разговором. А потом вдруг, тяжело вздохнув и, поправив седые усы, сказал:

- Вот что, сыны. Прежде, чем нам Дмитрий расскажет, что надумал, я поведаю вам о своей молодости, о своей женитьбе на вашей матери. Давайте постараемся разобраться, что такое любовь, и есть ли она на самом деле. Я никогда не говорил с вами о том, решил, что ни к чему это. А теперь думаю, что мой совет вам в этом деле не будет лишним. Чтобы вы не повторили моих ошибок. И могу вам от всего сердца сказать, что любовь есть. Как любят женщины, не знаю, это их сердечная тайна. Я же, как увидел одну дивчину, так и замер. Сердце мне сказало, что это она, та, которая мне нужна. Чья улыбка мне никогда не надоест, в чьи глаза я бы смотрел бесконечно. Я мечтал ее защищать, лелеять, целовать. С ней я хотел состариться, а это много значит.

- Это была мать? – спросил с удивлением Александр.

- Не перебивай, сын. Конечно же, нет. Я был молодым, очень молодым и очень глупым. Это я потом понял. А тогда я считал по-другому. Ну и что, что понравилась дивчина, вон их сколько кругом, выбирай, не хочу! Постарался выкинуть все мысли о ней из головы, гулял с другими. Мне даже нравилось видеть ее заплаканные глаза, значит, тосковала по мне. Ничего, крепче любить будет, когда я нагуляюсь и вернусь, если до тех пор не забуду.

- Так забыл или нет? – теперь уже Филипп решился прервать молчание отца.

- Нет, не забыл. Когда она долго не стала мне попадаться на глаза, я решил спрашивать у ее подружек, где же Ганна? А ее отдали родители замуж, она шла со слезами, но не перечила родителям. Мне это известие было, как удар

под дых. Вот и догулялся Петро. Все мысли о ней вернулись, как я их ни отгонял.

Тогда и понял я, что любовь есть. Только на мою долю она выпала горькая. До сих пор ношу ее в сердце. Как повстречаю где мою Ганну, тоже уже седую, старую, так в груди что-то холодеет, а потом, как взрыв, и сердце готово выскочить из груди. И всякий раз на ее глазах вижу слезы. Вот так я из-за своего гонора себе и ей принес горе. И хочу предупредить вас, чтобы не повторили моей ошибки. Слушали бы свое сердце, коли что.

- А потом? А мать? – чуть ли не одновременно спросили сыновья.

- А потом я долго не гулял с дивчинами, ни на кого глаза не смотрели. Жениться на вашей матери заставили родители, сами ее нашли и выбрали. Засватали, мне же было все равно. Думал, если не любить, так хоть уважать буду. Только сами видите, не за что. Я думаю, что меня так Господь наказал за Ганну, вот и не ропщу, несу свою ношу. Тяжело, только уж, почитай, жизнь прожита вместе. Так Бог решил. А у вас все еще в ваших руках, старайтесь не ошибиться.

Долгий разговор получился у отца с сыновьями. Они спрашивали обо всем, что их волновало, а Петро, не таясь, отвечал. А потом он просил их рассказать, с кем гуляют, есть ли мечта в сердце, не обидели ли часом какую-нибудь дивчину своим пренебрежением, как когда-то он сам, за что и расплачивается теперь ежедневно. Никто не смел мешать этому разговору. Даже ветер над ними стих, только чуть-чуть обвевал их серьезные лица, словно прислушиваясь к беседе. Вышедшая в сад позвать мужиков снестать Секлитинья была отослана назад взмахом руки. Хотела возмутиться, ответить, как всегда, криком, но что-то остановило ее, и, постояв немного, молча ушла в хату.

А отец с братьями теперь слушали Дмитрия и обсуждали его слова. Будучи как-то в гостях у своей тетки Анастасии, которая была замужем за янушевским поляком Шимоном Ясинским, он услышал от нее о дивчине, которая поет в церковном хоре, поет, как ангел, сама уж не юная, но не замужем. Миловидная, скромная, а какая рукодельница! Заказы ей несут на

шитье из дорогих тканей, и она все исполняет лучше некуда. Семье прибыток, ей добрая слава. Тогда и решил Дмитрий посмотреть незаметно на хваленую дивчину в церкви. Приехали с Александром в Янушевку, побыли на воскресной службе в церкви, услышали ее голос, стоя в притворе. А потом и саму увидели, когда она выходила на паперть. Поймав ее ясный взгляд, Дмитрий почувствовал какое-то смутное волнение в груди. Ему понравилась Мария, что и говорить. Небольшого роста, скромно, но хорошо одетая, стройная, голову высоко несет, но видно, что не от гордыни это, а густая и длинная русая коса назад оттягивает. Нос с небольшой горбинкой, голубые глаза и брови вразлет. Уголки губ чуть опущены, выражение лица серьезное, чувствуется, что улыбка на ее лице появляется нечасто. Не назовешь яркой красавицей, но взгляд притягивает. Да и зачем ему яркая красавица, еще и юная совсем? У такой на уме пока гуляния молодые будут, а Дмитрию пора серьезную жизнь строить. И эта Мария подходит ему, отвечает всем его мыслям о будущей жене, а считать ли томление в груди при мыслях о ней любовью, он не знал и не понимал. Вот и решил посоветоваться с отцом, тот больше знает о жизни.

- Так что, всего один раз ты ее и видел? – спросил Петро.

- Нет, еще два раза был в Янушевке у тетки, заходил в церковь, видел Марию. Броневицкая ее фамилия, так тетка Анастасия сказала. И что семья хорошая, зажиточная, крепкая. Она самая младшая, живет с родителями, брат с женой в этой же хате. Ей уже двадцать четыре года, но никакой плохой славы за ней нет.

- Так что ты надумал? – подкрутил усы Петро. – Если любя, то сватаем? Анастасия брехать не будет, значит, верно, что хорошая семья.

- Тато, посватать можно. Никто пока мне душу из дивчин не зацепил так, как она. Снится по ночам, и думаю о ней часто. Но приводить ее в хату к нашей матери – вот чего боюсь.

Александр и Филипп согласно закивали головами. Эти же мысли и их останавливали пока от выбора жен. Насмотрелись, дальше некуда. Вернее,

глаза им открыла смерть маленькой племянницы Лидочки. Приведи в хату любимую на счастье, а окажется, что в сущий ад.

- Вот что я скажу тебе, сын. Сватать и жениться надо, хоть и хаты своей пока нет. Хату поставим, как и Тихону. Только грошей пока не хватит, чуток погодить надо. Но и медлить со свадьбой не будем, а то получится, как в моей судьбе: промедлил и упустил. А ну, как ее посватает кто, и родители отдадут? За матерью же я присмотрю. И Марию твою научим давать отпор. Лет-то ей немало, так не беспомощная должна быть, как наша Катерина, когда ее Тихон в хату привел. И ты будь наготове, если защитить придется. Мне сразу говори, что не так, я найду на мать управу.

Петро поднялся с лавки, и следом за ним сыновья.

- Значит, все решили. Сватаем Марию. Теперь у меня душа спокойна за тебя, Дмитрий. Похоже, хороший выбор ты сделал. Дай Бог счастья и доли твоей семье. Едем в Янушевку в это воскресенье, едем все четверо. А за сватов с нами Анастасия, тетка ваша, со своим Шимоном пойдут. С них все началось, им и заканчивать. Благослови нас, Господи, на хорошее дело.

- А теперь снедать! – Петро довольно подкрутил седой ус и шустро двинул к хате. – Снедать, снедать, а все остальное – потом!

Глава девятая.

Вот так и появились в хате Броневицких сваты, углядевшие неведомо где их любимую дочку Марусю, надежду отца, опору больной матери, любящую сестру Андрея с Адэлей, заботливую тетушку маленького Ульяна. Сватами стали родственники Дмитрия Ясинские, Шимон и Анастасия, односельчане Броневицких и немного знакомые им люди. Расхваливали жениха, его семью, отца Петра и братьев крепких да работающих. Мол, помощь в любом деле будет Дмитрию обеспечена, в случае чего. Семья зажиточная, хозяйство большое. Голод и лишения Марии с будущими детьми никак не грозят, мужем Дмитрий будет верным и надежным. Ведь не юнец, в такие годы женится, значит, отгулял свое, теперь только о хозяйстве и семье заботиться будет. Да и в молодые годы жених не был гулякой, в шинок не заглядывал, дивчин не портил, ни от одной в селе обиды не имеет. Вон отец Петро сидит, может все слова наши подтвердить. Пока молодые, коли сговоримся, поживут в хате родителей. Но задумка такая есть, чтобы в короткий срок поставить Дмитрию свою хату для семьи, ведь столько в семье работающих рук. Все сделают, как уже сделали для старшего брата Тихона: у того своя хата, и детишек четверо. На помощь ему, если требуется, отец с братьями по первому зову идут.

- А почему нашу Марию сватаете, ведь не знает ее Дмитрий совсем? – задал вопрос Станислав. - Что за семья будет, коли незнакомы они друг другу? Может, погодить надо, пусть он еще посмотрит на сельских дивчин, повыбирает. Что, в вашей Федоривке своих невест мало?

- Ну, Дмитрий, отвечай на это отцу Марии сам, - развел руками сват Шимон. – Тут я не знаю, что сказать.

Дмитрий выступил вперед, так, что свет из окна позволил хозяевам разглядеть его лучше. На первый же взгляд чувствовалась военная выправка. Среднего роста и телосложения, волосы русые, коротко стриженные, зачесаны назад, серые, глубоко посаженные глаза, умный, внимательный взгляд. Прямой нос, полные губы, темные усы.

- Губы полные и во взгляде нет зла, значит, должен быть добрым, - мимолетно отметил про себя Станислав. – Серьезный только сверх меры. Но это неплохо.

Станиславу, ценившему в людях более всего надежность, верность, трудолюбие, Дмитрий понравился сразу. И Елена, сидящая рядом с мужем, смотрела на жениха одобрительно. Не вызывал он в ней интуитивной тревоги. Маруся тоже смотрит спокойно, ждет, что же тот ответит отцу. Скажет правду или набрешет с три короба о большой любви, которой нет? Тогда и станет ясно, чего он стоит.

Дмитрий же честно рассказал, как узнал о Марии от тетки Анастасии, что дивчина хороша, мила, трудолюбива, поет, как ангел, в церковном хоре, значит, душа у нее светлая и чистая. А что это на самом деле так, убедился, когда несколько раз приезжал по воскресеньям в янушевскую церковь, чтобы увидеть ее и послушать. Запала Мария ему в душу. Именно о такой будущей жене он и мечтал. И поэтому просит родителей Марии отдать ее ему в жены. Со своей стороны он обещает жену любить и уважать, никогда не обижать, хранить верность и работать, не покладая рук, чтобы его семья не нуждалась. Он уверен, что Мария станет хорошей женой, народная молва славит ее, как умную, спокойную, бережливую, знатную рукодельницу. Хозяйство умеет вести, детей любит. Что еще надо мужчине, если его мысли о жизни такие же? А если между ними, кроме уважения, со временем возникнет и пылкая любовь, то, значит, Господь погладил их по голове своей ладонью.

Елена вытирала платком обильные слезы, а следом за ней и Адэля. Неужели Бог послал Марусе такого хорошего человека? Наверное, она будет счастлива с мужем. Будет, как за каменной стеной, это точно. Дай-то Бог!

Мария внимательно слушала слова Дмитрия. Она поверила ему, потому что думала о будущей семейной жизни так же. Ни одного лишнего слова, ни одного пустого обещания. Что теперь тато с мамой скажут, а она-то будет согласна.

Станислав повернулся к дочке.

- Что скажешь, Марыня? – это ласковое детское имя нарушило ее видимое спокойствие. Волнуется тато не меньше ее самой, ведь сейчас решается ее судьба. Не хотела плакать, а слезы сами выступили. И мама с Адэлей плачут. Если она даст согласие, то расставаться с ними придется, Федоривка так далеко от их села, двадцать пять километров, полдня езды. Часто не наездишься, значит, встречи будут редкими. Но и отказывать сватам не хочется. Любого другого парубка Мария даже и представить не могла рядом с собой мужем, только Дмитрия.

- Как вы с мамой скажете, тато, так и будет. Если будет на то ваша воля, то я согласна, а если откажете, то перечить не буду.

Станислав посмотрел на жену, сидящую рядом, кивнувшую на его вопросительный взгляд, и ответил Дмитрию:

- Ну, что ж, мы с матерью согласны. Совет вам да любовь. Андрей, а ты возражать не станешь? – спохватился он. – Что ты на это скажешь?

- Пусть так и будет, - немногословный Андрей улыбался. Наконец-то его любимая сестра обретет свою семью. А то они с Адэлей давно уговаривали Марусю хоть на кого-нибудь в селе обратить внимание, потому что были в Янушевке парубки, которым она нравилась, но никому не давала ни малейшего знака внимания и повода, чтобы поухаживать.

Все хорошо, парень сватается, похоже, славный. Но как далеко Маруся уедет! Маме будет без нее тяжело. Придется им с Адэлей больше заботиться о ней. Как-то у них стало между собой все налаживаться. И Адэля привыкла к дому, семье, с матерью хорошо ладят, улыбается часто. И он, Андрей, стал постепенно забывать свою любовь Анэлю. Адэля чувствует это, относится к нему с лаской, становится хорошей женой. А какого гарного хлопчика, Ульяна, ему родила! Что ж, раз Господь так судил, значит, так и жить будем. Анэле царствие небесное, гулять по светлым кущам, а нам на земле жить, детей рожать да растить, о родителях старых заботиться. У Маруси же своя судьба и своя жизненная дорога. И благослови, Господи, Марусю на ней!

Свадьбу назначили через два месяца, на светлый церковный праздник, двадцать второго октября, в день казанской Божьей матери. На дворе 1913

год, все пока в мире тихо и спокойно, впереди должны быть годы счастья, ведь так искренне все этого желают. Разве может быть иначе?

Свадьбу договорились играть настоящую, украинскую, а, значит, широкую, вольную. Маруся в семье последняя, ничего не жалко для нее, заслужила. Да и у Корзунов первая свадьба была и не свадьба вовсе, а так, семейный вечер, такие обстоятельства были тогда. А если и вторую скромно сыграть, то что люди скажут? Что богатые, но жадные. Решено, гулять будут по всем правилам, чтобы люди не осудили, и молодые запомнили. Хорошая пара получается, так чего добра жалеть? Слава Богу, всего хватает.

Подготовку к свадьбе начали сразу же после сговора. Жених должен был подать в церковь незадолго до венчания заявку о предполагаемой женитьбе, чтобы на нескольких службах священник мог огласить имена жениха и невесты и дату венчания с целью выяснить, нет ли с чьей-либо стороны препятствий к этому, не обманом ли затевается брак. Такая заявка была подана в янушевскую церковь, оглашена, и против никого не было. Шел, конечно, шепоток по селу: вот, мол, какая капризная невеста, не по нраву ей оказались наши парубки, из чужого села выбрала. Говорят, богатей, только старый. И старшая ее сестра Настуня вышла за богатого старика. Все они за богатством гонятся.

Доходил этот шепоток и до Броневицких, но, как люди сказывают, «на чужой роток не накинешь платок». Пусть говорят, всегда в любом деле найдутся недоброжелатели. Станислав утешал семью.

- Собака брешет, ветер носит. Поговорят и перестанут. О другом думайте, дел со свадьбой по горло, чтобы успеть сделать все, что должны.

Жениху следовало выбрать двух-трех верных друзей, которые будут на свадьбе дружками, а невесте – такое же количество подружек, которые при ней станут дружками или, как их еще называли, светелками. Эти приглашенные друзья и подружки готовили свадьбу: дружки подбирали лошадей, откармливали их, готовили и украшали повозки, сбрую, колокольчики. Светёлки делали цветы, покупали ленты для украшения свадебного поезда. В повозки впрягали по паре лошадей, а повозок

готовили не меньше трех-пяти, а то и по шесть-восемь, смотря сколько жениховой родни поедет на свадьбу. Свадебный поезд был заботой только жениха, вот и судили о его родне по богатству поезда. Жених также должен был купить невесте свадебное платье и фату с венчиком и заранее переслать ей.

Маруся получила этот наряд от Дмитрия задолго до веселья, так именуют на Украине свадьбу. Длинное белое шелковое платье, не ослепительной белизны, а с небольшим кремовым оттенком, фата чуть ниже пояса, расшитая тоже шелковыми нитками, белый венчик с искусственными цветами. Примерив этот наряд, она долго всматривалась в зеркало. Тоненькая, похорошевшая, с удивленным взглядом, узнавая и не узнавая себя в отражении, пока мать строго не велела ей отойти.

- Не глядись долго в зеркало, красоту проглядишь! Старые люди так говорят, значит, так оно и есть.

- Хороша, дочка! Красавица ты, Марыня, - одобрил невесту отец. – Разве не так, а, мать?

- Так-то так, только что потом, после веселья будет? Мало мы знаем о семье жениха. А вдруг там свекровь лютая? Или другой какой изъян в семье? Кровиночку ведь свою отдаем в чужие руки... И так далеко в чужое село, сразу и не узнаем, коли что случится!

Станислав хотел прикрикнуть на жену, чтобы не пророчила беду, но, увидев ее слезы, прижал к себе и стал успокаивать, глядя по седым волосам.

- Елена, серденько мое, ну что ты плачешь раньше времени? Что ж нам, доню свою при твоей юбке держать? А ей жить в семье брата приживалкой да нянькой, когда нас не станет? Теперь уж все договорено, а там что Бог даст! Сваты вроде хорошие были, Шимона с Анастасией знаем, через них и будем узнавать, что с Марусей. Да и не за морем та Федоривка, надо будет, всегда сможем поехать проведать дочку.

Маруся в свадебном наряде стояла у окна, задумчиво глядя, как за окном сад сбрасывает последние запоздавшие листочки с деревьев. Впереди новая, незнакомая жизнь. Нужно будет подчиняться чужой женщине, которую ни

разу не видела и которую придется называть мамой. Работы Маруся не боялась: ей ли не знать, как вести хозяйство, что делать утром, а что – вечером, сколько и чего класть в борщ. Но ведь в чужом доме свои правила, и хозяйка всему – свекровь. Как они уживутся, будет ли муж защищать ее в случае чего или встанет на сторону матери? Нет пока ответов...

А еще любовь... Что это такое, что за чувство? Полюбит ли ее Дмитрий, и полюбит ли она? Ее ведь и не целовал никто ни разу, кроме матери. Мама-то знает, что такое любовь, был у них с Марусей однажды такой разговор. Но науку любить не передашь словами, не научишь ей. Способность любить – это дар Божий, он или есть, или его нет. Поживем-увидим. Возврата данному слову нет, так и переживать нечего.

Между тем приготовления к веселью шли полным ходом, и время неумолимо бежало, приближая заветный день. Друзки невесты делали цветы, украшали ее хату внутри, иконы ставили на красивые расшитые полотенца-рушники, обрамляли цветами. На кухне в хате Броневицких Адэля и приглашенные родственницы под надзором Елены жарили, варили, пекли горы снеди, ведь первые дни веселья проходят в хате невесты, и угощать гостей надо так, чтобы люди не осудили.

За два-три дня до веселья и жених, и невеста объезжают и обходят всю родню, друзей, кого решено позвать на свадьбу, и приглашают, кланяясь в ноги да приговаривая:

- Щиро просимо Вас на хлеб, на соль, на свадьбу нашу.

В эти же дни жениху нужно успеть нанять духовой оркестр для веселья, не менее пяти-шести человек. Именно успеть, так как свадеб осенью много, музыканты нарасхват, бывает, что и капризны сверх меры. Но что поделаешь, если свадьба не свадьба без оркестра! Дмитрий крутился, как белка в колесе, братья холостые помогали, так что все от него зависящее было исполнено.

И вот последний вечер перед венчанием. Проводы, так сказать, холостой жизни. Правила украинской свадьбы требуют, чтобы в этот вечер жених угощал у себя дома своих близких друзей, несколько человек – хлопцев и

дивчин. В хате уж все приготовлено для веселья, и наварено-нажарено, и горилки в достаточном количестве. В таких случаях у хозяев, сколько бы гостями ни было её выпито, а запас все равно найдется.

Невеста тоже в своей хате собирает и угощает подружек и хлопцев, если есть такие в друзьях. Здесь тоже все готово из снеди к веселью, да и горилки запас добрый. А пока, в последний перед свадьбой вечер, стоит в доме невесты плач. Подруги поют ей свадебные песни, а она и ее мать плачут. Невеста оплакивает свою вольную девичью жизнь, предстоящее замужество, где ее Бог знает, что ждет. А мать плачет, что увезут ее доню далеко, в чужую семью из родного дома.

И пусть так положено по правилам веселья, только плачут в хате Броневицких по-настоящему, искренне. В предсвадебной суматохе некогда было Марусе думать о предстоящем. Но сегодня, в этот вечер, под задумчивые и протяжные свадебные песни подружек, она начинает ясно понимать, что все происходящее не игра, не роль, и она на самом деле считает последние часы в своем доме вольной птицей. А завтра... Завтра рядом с ней встанет перед венцом божьим человек, который будет зваться мужем, который будет властен над ее душой и телом, и жить она будет в чужом доме, среди чужих людей. Как же не заплакать, от испуга, от неизвестности, даже от обреченности. А тут еще и мама заливается слезами, и подружки поют, вытирая мокрые щеки.

- Спи, доню моя, крепко, чтобы завтра красивая была, - гладила по голове Елена доченьку, когда все разошлись, и ночь накрыла село черным покрывалом. – Не плачь больше, все будет хорошо. А я посижу с тобой, чтоб плохие сны к тебе не липли. Видишь в окошке звездочки на черном небе? Тебе мигают, говорят, что ждет тебя счастливая доля, уж я-то знаю. И ветра нет, стих совсем. Значит, спокойную жизнь тебе обещает, не будет в ней никаких бурь. Господь меня слышит, я верю. Выполнит от просьбу матери, вот увидишь.

Но Господь так далеко. Не долетела до него горячая просьба матери. Где-то уже готовится война, бурлят людские страсти, и идея одного человека

увлекает к смерти тысячи и миллионы или поверивших в нее, или сопротивляющихся ей. Идут тяжелые времена. Только кто же сегодня знает об этом или предвидит? Все спокойно в хате Броневицких, спит Маруся, мамина Марыня. У нее завтра главный в жизни день, счастливый день. Спят все остальные домочадцы, отдыхают от дневных трудов. Свадьба свадьбой, а хозяйство требует заботы, скотина есть-пить просит. Двор надо подмести, о лавках для застолья позаботиться, в бане всем перемыться, посуду у соседей призанять да принести, горилку по графинам разлить, вишневую наливку для женщин. Много было хлопот, устали все. Спит хата, а уж завтра ей достанется.

В Федоривке, в хате жениха, застолье для друзей было коротким. Собирается родня к свадебному поезду, на котором придется ехать до Янушевки ночью, потому что жених обязан появиться в хате невесты утром, а такое расстояние за ранние утренние часы не одолеешь. Лихо звенят свадебные колокольчики на ночной дороге, пугая спящих в рощах птиц. Кто песни поет, кто ведет беседу, а кому в повозке удобно спать, тот дремлет. Рассчитали свой путь так, чтобы на утренней заре попасть в усадьбу тетки Анастасии, отряхнуться, прихорошиться, чаю попить. И в назначенный час подкатить во всем великолепии свадебного поезда, с песнями, к хате невесты.

А там наступившим утром уже накрыты для завтрака столы, собрались подружки, родня, крестные отец и мать. Одели Марусю в свадебный наряд, подвели под родительское благословение. Станислав с Еленой, с иконой в руках, благословляют дочь к венцу, а она кланяется им в ноги, целует икону, целует отца и мать, потом крестных родителей. Слезы на глазах у всех женщин, включая невесту, и даже Станислав незаметно вытирает глаза. А за окном уже слышен издали яростный звон колокольчиков свадебного поезда.

- Едут, едут! – толпится в дверях, торопясь попасть во двор, родня. Всем хочется посмотреть, достойно ли жених едет за невестой, не пожалел ли

цветов и лент для поезда, как одета будущая родня, и во сколько повозок они уместились?

Да-а, не ударила в грязь лицом женихова семья. Восемь пар лошадей, повозки знатно убраны лентами и цветами. И родня хороша: нарядная, с улыбками, видно, что богатая.

Музыканты по знаку крестного отца заиграли марш, и он широко открывает ворота во двор. Пожалуйте к нам, гости дорогие! Навстречу въехавшему во двор свадебному поезду выходят на крыльцо Станислав с Еленой с хлебом-солью в руках на расшитом рушнике. Дмитрий подходит к ним, кланяется, как положено, благодарит за добрую встречу, и, с переданным ему караваем, в окружении дружек и свата дядьки Шимона, входит в хату. Но встречает его не невеста, а ее подружки.

- Выкуп за невесту заплати, жених, тогда отдадим!

- А сколько просите за нее? – смеются Дмитрий и сват Шимон.

- Дорого, дорого! – кричат подружки. – Сколько не жалко?

- Ничего не жалко за коханую мою! Сколько просите, столько и отдам.

Смех, веселье, толкотня. Хлопцы-дружки напирают, чтобы пройти, подружки невесты стараются не пропустить. – Где же выкуп твой, жених?

Наконец, спор улажен, цена уплачена, и подружки выводят Марусю навстречу жениху.

На несколько секунд, глаза в глаза, замерли Дмитрий и Маруся друг против друга, перестали слышать голоса и шум вокруг. Ничего для них не существует рядом, и остановилось время. Такие знакомые и незнакомые, тоненькая, бледная, испуганная невеста и жених, спокойный, уверенный, с доброй улыбкой и удивленным взглядом – как же красива его Мария в этом наряде, и почему он раньше того не замечал? Не отводя взгляда, Дмитрий взял Марусины тонкие руки в свои, крепкие, надежные. Наверное, именно в такие минуты и рождается любовь между мужчиной и женщиной, это удивительное чувство, подаренное Господом человеку.

Неизвестно, как бывает на других свадьбах, но на этой произошло то, о чем потом шептались подружки, мечтательно вздыхая, удивленно вздымали

брови хлопцы, хмыкая и обдумывая что-то свое, и понимающе с улыбкой кивал головой старый дядька Шимон. Глядя на замерших, взявшихся за руки жениха и невесту, постепенно замолчали все. Несколько мгновений стояла глубокая тишина, и взгляды всех присутствующих не отрывались от молодых.

- Родилась любовь... - Так или примерно так подумали все. Не хотелось нарушать эти прекрасные мгновенья, но Дмитрий вдруг наклонился, поцеловал невесту в холодные губы, и мир ожил. Заговорили, засмеялись, задвигались.

- К столу, все к столу! – приглашают хозяева. – Перекусите, чем Бог послал, а то пора в церковь, на венчание.

После легкого завтрака, а Маруся, конечно же, не съела ни кусочка от волнения, да и Дмитрий тоже, из солидарности с ней, гости из-за столов высыпали во двор и стали усаживаться в разукрашенные повозки. Первая повозка положена жениху со сватом и дружками, вторая – невесте с подружками, крестными родителями. Остальные повозки для тех, кто желает поехать в церковь, и кому досталось место.

Летит свадебный поезд, звенят колокольчики, сторонится и машет руками проходящий люд на улицах. Развеваются ленты на лошадиной сбруе. Свадьба едет! Кто-то порадуетя вслед, а кто-то позавидует и плюнет себе под ноги, если собственные несчастья замучили бедолагу.

Но вот и церковь. Здесь уже ждут молодых. Священник подводит их к святому престолу, свидетели из дружек держат над головой венцы, читается в сопровождении хора венчальная молитва. В руках молодых горят венчальные свечи. Затем за священником они три раза обходят вокруг святого престола, расписываются в церковной книге и обмениваются кольцами. Целуют икону, руку обвенчавшего их священника, жених целует невесту, хор поет торжественную венчальную молитву.

Все. Молодые обвенчаны. Бог соединил их, и теперь никто, кроме смерти, их не разлучит. Никто из людей не вправе это сделать, так как они теперь одно целое именем Бога.

Даже и помыслить не мог ни один из присутствующих гостей и родных, что уже на пороге времена, когда этот закон будет пустым звуком, когда само понятие Бога будет растоптано, церкви разграблены, люди, соединенные в ней, безжалостно разлучены. А если невозможно предвидеть это, то и не надо попусту горевать, свадьба же! Пора в хату невесты, за столы, пора доставать из холодного погреба горилку, из жаркой печи вкусную снедь, и пить и есть за здоровье и счастье молодых!

Летит обратно, звеня колокольчиками, с развевающимися по ветру яркими лентами, свадебный поезд к дому невесты. Теперь в первой повозке молодожены и с ними дружки. У них своя забота, кому-то лошадьми править, кому-то от прохожих откупаться.

- Перейма, перейма! – кричат подружки.

И верно, дорога перегорожена столиком, на котором на расшитом рушнике ждут молодых каравай хлеба и чашка с солью. Это стоит так называемая «перейма», то есть перегороженная для получения выкупа с молодых дорога. Поезд останавливается, молодой муж с дружкой выходят к перейме и откупаются, частью горилкой, частью деньгами, кто как сговорится. Забирают хлеб-соль и возвращаются в повозку. Дорога свободна, но впереди до хаты невесты ждет еще не одна перейма, так что не ошибись, жених, с запасом горилки для выкупа, чтоб не было стыдно на дороге, и чтобы достаточно грошей в кармане звенело. А то вон какую кралю отхватил в нашем селе, так выкупай, ничего не жалеи!

Наконец, свадебный поезд подъезжает к Броневицким. Там во дворе гремит музыка, танцует молодежь, в хате суетятся женщины, накрывают столы, а родители Марии готовятся для выхода, чтобы, как положено, встретить молодоженов. Снова выносятся на крыльцо икона, которой благословляли невесту, хлеб-соль, оркестр играет торжественную музыку.

- А теперь, гости дорогие, просимо в хату, за стол! – И шумит застолье, льется горилка, звучат речи с поздравлениями и пожеланиями счастливой доли, здоровых деток, богатства и достатка во всем. Молодежь, конечно же, танцует, женщины поют, мужчины стараются им подпевать. И звенит, летит

из окон к ясному небу чудная украинская песня, будоражит душу, поднимает стаю птиц в саду, сигналил всему миру: здесь – любовь!

Ніч яка місячна, зоряна, ясна,
Видно, хоч голки збирай.
Вийди, кохана, працею зморена,
Хоч на хвилиночку в гай!

Сядем укупочці тут під калиною,
І над панами я пан!
Глянь, моя рибонько, - срібною хвилею
Стелеться в полі туман...

А что же наши молодые? Шепчет что-то Дмитрий Марии на ухо с улыбкой, и ее улыбка, как отражение его слов, появляется на порозовевшем лице. Чувствуется, что волнение Марии уже прошло, она доверчиво прижалась к мужу, который обнимает ее за плечи. Но что он ей говорит, вот бы послушать? Нет, эти слова только для них двоих. Остается лишь предполагать. Может быть, так?

- Не бойся меня, серденько, я тебя не обижу. Не будут твои очи плакать из-за меня. Будет у нас своя хата, пойдут детки, и я все сделаю для того, чтобы в нашей хате был мир и покой. И достаток. Поверь мне. Посмотри в мои глаза, что ты видишь в них? Обман? Лукавство? Нет, и я читаю это в твоих очах. Я буду рядом с тобой всегда, что бы с нами ни случилось. Ты моя кохана, и так будет всегда...

Вот и вечер наступил. Гости расходятся, кто куда. Односельчане – по домам, Шимон с Анастасией забирают федоривскую родню к себе на ночной отдых. Завтрашний день свадьба снова гуляет у невесты, поэтому в хате родственницы убирают следы застолья, перемывают посуду, готовят на завтра еще снедь, чтобы хватило. Молодым отведена в хате лучшая горница, постель застелена руками матери. Каждый, кто женился и выходил замуж, знает, как важна для молодоженов первая совместная ночь. Именно она, эта ночь, закладывает основу отношений в родившейся семье: грубыми они будут или нежными, любовь к утру укроет их своим одеялом или

разочарование и печаль, со счастливыми глазами выйдет утром к гостям молодая жена или со следами слез. И луна, эта подруга влюбленных, будет лукаво подглядывать в их окно и улыбаться, или сердито отвернется, заслонив свой лик пробегающей тучкой.

- Станислав, где ты? – вышла в сад Елена поискать мужа, которого не было в хате. Увидела его, выходящего из сарая, - отдыхать пора, поздно уже! Где бродишь-то?

- Проверял лошадей, накормили ли, напоили. А то молодежь и забыть может за весельем. А ты, серденько, что не спишь?

- Что-то места не нахожу, не по себе мне...

- За Марусю волнуешься? Елена, ну что ты, или сама замуж не ходила?

Все хорошо будет. Маруся чистая, обиды жениху не принесет. И он в годах, ведь не юнец торопливый. Я думаю, хороший муж у Маруси будет, не обидит. Пойдем спать, завтра узнаем, что к чему.

С утра второй день застолья не был таким шумным и веселым, как первый.

Мужики маялись похмельем, кто вчера перебрал, гости были еще сыты после вчерашнего изобилия, но все равно понемногу ели, пили, кто сколько желал и мог, и постепенно свадьба начинала плясать, шуметь, разливаться песнями.

Молодожены сидели на своем месте снова в свадебных нарядах. Конечно же, гости с любопытством посматривали на них, а то и шуточки отпускали по поводу славной ночи. Но Дмитрий не поддавался, спокойно улыбался, молча с аппетитом ел, подкладывая лучшие кусочки Марии на тарелку. И Мария, позволив себе чуточку фруктовой наливки, закусывала, не поднимая на гостей глаз. На особо жгучие шутки вспыхивала румянцем, что, впрочем, совершенно не портило им с Дмитрием аппетит.

Ближе к середине дня в застолье наступает момент, когда гости должны дарить молодоженам подарки. Ставится отдельно стол, за ним сидят жених с невестой, ее мать, перед ними большое блюдо со стопкой платков, отделанных кружевами, и расшитых рушников. Рядом в небольшой плетеной

корзинке лежат горкой «марципаны» - маленькие сдобные булочки, неотъемлемый атрибут обряда дарения. Их и будут как бы выкупать дарители. Еще на столе хлеб, горилка, закуска, рюмки и пустая тарелка. За столом с невестой и матерью сидит кто-либо из родственников, знающих грамоту, и которому на листе бумаги предстоит записывать подарки, если их нельзя предъявить молодым тут же, как, например, теленок, овца или крупная вещь.

Заранее выбранный для этой цели другой родственник невесты наливает в рюмки горилку и вызывает к столу гостей, уважительно называя по фамилии, и используя обязательное обращение в стихах. Первым к столу Марии был приглашен знатный и богатый родственник, муж Настуни, старшей сестры Марии, тыснывский помещик Русецкий. Громко, чтобы слышали все гости, звучит:

Наш Русецкий добрый пан,
Ждет Вас вкусный марципан
И горилки рюмочек,
Хлебца с солью кусочек.
Пожалуйста, подходите,
Что можете, подарите.

Важно и гордо идет к столу пан Русецкий, и молодая жена его Анастасия с ним рядом. Ах, какая же красавица эта Настуня! Не старят ее годы! В свои тридцать с небольшим и юной дивчине не уступит. Так тут и говорить не о чем, ведь не изработалась, как мы, например. Одно слово, помещица, знамо целый день сидит, ручки белые сложив! А муж-то, смотри, совсем старик, семьдесят, поди, уже есть? Несладко ей за стариком замужем, наверное. Ну да что ее жалеть! На богатство шла, вот пусть и терпит!

Русецкий с Анастасией, под музыку оркестра подойдя к столу, принимают из рук зазывалы рюмки, чокаются с женихом и невестой, поздравляют и желают всяческого добра, выпивают горилку, закусывают хлебом и чем-нибудь еще. Мать Елена подает им по марципану, рушник или

платок. Теперь Русецкий может объявить свой подарок, чтобы выкупить марципан.

- Дарим мы с Анастасией семье Марии и Дмитрия пару лошадей с повозкой, годовалую телку да овец десяток с бараном. Пусть их хозяйство с того множится и крепнет. Дай вам Бог счастливой доли да деток крепких и здоровых.

- Да-а, богатый подарок, - зашептали кругом кумушки. – У иных бедняков все-то хозяйство порою меньше. Что сказать, помещики, не убудет у них. Там, наверное, скотина несчитанная в сараях. Повезло Марусе, богатую сестру имеет.

Звучит следующая фамилия, потом еще и еще. Чинно, не нарушая обряда, дарят гости свои подарки, кто что может: кто телку, кто свинью, гуся с гусыней, кур-несушек десяток, сундук резной для хранения добра, перину с подушками от крестной матери вдобавок к приданому и много чего еще, что требуется в хозяйстве. Никакое добро лишним не будет! А кто и деньги дарит, кладет на приготовленную для этого пустую тарелку перед невестой. И родители Марии озвучивают свои подарки: молодая лошадь, куры, гуси, сундук с приданым. Всю домашнюю утварь в новую семью должна была принести невеста. Подушки, перины, покрывала, скатерти, рушники, холст тонкий на белье и толстый на рабочую одежду, разнообразную посуду. Много чего другого можно было найти в дареном сундуке, что потребуется такой рукодельнице, как наша Маруся: кружева, ленты, нитки для шитья и вышивания, отрезы шелковой материи, чтобы сшить в качестве подарков нарядные блузки свекрови и двум золовкам, Марии и Федосье.

Надолго растягивается обряд дарения. Гостей много, родня зажиточная, все подаренное надо сосчитать и записать. Так положено. Добро считать – дело святое!

Но осенний вечер уже заглядывает в окна. Ну что ж, веселье удалось, надо расходиться. Хозяевам отдыхать, а гостям пора и честь знать. Молодые же по определенному порядку должны этот вечер провести у старшей подружки невесты со всеми дружками. Могут и гости присоединиться по желанию, кто

недогулял, милости просим! В той хате давно все готово, столы накрыты, музыканты тоже приехали. Снова песни, танцы, смех и шутки. К ночи выдохлись все, еще бы, на работе меньше устанешь, чем на таком веселье.

Короткий ночной отдых молодым, и уже звенит колокольчиками свадебный поезд: надо ехать в хату жениха, в Федоривку. Положено еще и там гулять два дня, значит, надо поторопиться, ехать далеко. Отдохнувшие за два дня лошади быстро домчат, если выехать на утренней зорьке.

И снова Мария в полном свадебном наряде с женихом, вернее, теперь уже мужем, выходят на крыльцо, Мария низко кланяется родной хате, родителям, целует их и благословившую ее икону, которую увозит с собой. Навсегда уезжает из родительского дома, как тут не помедлить, не заплакать? Хорошо, что рядом понимающий муж, который не сердится за задержку, не покрикивает, а легким поцелуем вытирает слезы с милого лица!

Все готово, пора в путь-дорогу. Повозки выстроены в ряд, лошади от нетерпения стучат копытами по утрамбованной земле, все, кто едет в Федоривку, уже расселись по повозкам. Поезд увеличился на две пары лошадей, которые на телегах повезут надаренное добро да приданое. А все остальное, скотина и птица, будет переправлено в Федоривку позже, в спокойные будни.

Везет Дмитрий молодую жену к себе в Федоривку. Звенит колокольчиками свадебный поезд, так и брызжет весельем, будит задорными песнями просыпающуюся Янушевку. Гей,гей! Расступись, кто на дороге, свадьба едет!

Дмитрию-то что, он к себе домой возвращается. А что Марию там ждет? Ведь муж не в свою хату везет, а к свекрови со свекром, двум деверям и двум золовкам. Да еще и два старика в хате живут, полубезумный дед Александр да скотник Изот, тоже не полного ума. Теснится тревога в груди, даже дышать больно. Заплакать хочется, зарыдать, да нельзя. Что Дмитрий скажет, что какую-то плаксу взял? Вот и остается только, что прижаться к его груди, успокоиться и верить, что не даст в обиду, защитит от всех бед и исполнит самую заветную мечту – поставит свою хату.

А пока улыбайся, Маруся, подставь вольному ветру лицо, пусть он высушит слезы, пусть фата развевается за спиной, и видит Дмитрий твои счастливые очи! Все будет хорошо. А как же иначе, если он обещал?

Резвые лошади везут быстро. За поворотом дороги показалась, наконец, Федоривка. Свадебный поезд влетает в нее, несется по улицам, а там тоже переймы, да не одна! Откупается Дмитрий с дружкой горилкой и деньгами, благо, всего запасено в повозке на этот случай.

В хате Корзунов в ожидании поезда теснятся во дворе гости, играет оркестр, отправленный в Федоривку заранее, ночью, танцует молодежь. На крыльце с иконой в руках и хлебом-солью на рушнике Петро с Секлитиньей, нарядные и торжественные. Они, как положено, встречают молодых, благословляют, ведут в хату. И гремит широкое застолье два дня с песнями, танцами, поздравлениями и пожеланиями, с обрядом дарения на второй день. Корзуновская родня тоже богато одаривает молодых, много в сарае у Петра добавится скотины, пока сын не отделится в свою хату. Теперь-то грошей на новую хату должно хватить, спросит потом Петро у него, сколько денег надали.

Но все когда-то кончается. Вот и свадьба Дмитрия и Марии закончилась положенными посиделками в конце второго дня у старшего дружки жениха. Разошлись и разъехались гости, рассчитаны и отправлены по домам музыканты, венчальный наряд уложен далеко в сундук, в хате убраны следы застолья.

Наступили будни.

Глава десятая.

Мария в новом для себя доме пришлась всем по душе, кроме свекрови. Золовки Мария и Федосья души в ней не чаяли. Такая у Дмитрия жена приветливая, спокойная, рукодельница, по нарядной шелковой блузке им в подарок сшила, ни у кого из подружек таких нет! А поет как красиво, что религиозные, что простые украинские песни. И в руках все кипит, что на кухне, что во дворе со скотиной. Только вот мама, Секлитинья, недовольна, все время ворчит. Для нее и то не так, и это. Нрав такой, ей хоть золотую невестку подавай, все равно плохая будет. Не раз Мария незаметно для других слезы утирала после едких попреков свекрови, какая неумеха к ней в семью пришла. Но ведь это неправда!

Мария однажды не выдержала такой несправедливости и пожаловалась мужу:

- Если бы я знала, какая у тебя мать, я ни за что бы не дала согласия за тебя идти! Разве я неумеха? Я ни минуточки не сижу без дела, и делаю хорошо, как меня мать учила. Почему твоей матери все не так? Обидно и больно мне, Дмитрий! Что мне теперь делать?

Муж, как мог, успокоил ее, обещал через отца приструнить сварливую мать. Зима закончится, и начинаем ставить свою хату, обещал он, с отцом и братьями все обговорено. Теперь грошей хватит, у отца подкоплено, да и на свадьбу денег надарили. А ей, милой Марусе, он давно решил подарок сделать. Хотел чуть позже, но раз она так расстраивается из-за матери, обиду ее загладит сейчас.

- Собирайся, Маруся, в это воскресенье поедem мы с тобой в Новоград-Волынский и купим по твоему выбору швейную машинку. Да, дорого, но твоя улыбка дороже, а тебе радость будет. Ты же мечтала о ней?

Новая сверкающая ножная швейная машинка появилась в комнате Маруси на лучшем месте у окна. Теперь не придется колоть иголками пальцы, сшивая на руках длинные швы на юбках и кофтах. Стрекочет в каждую свободную у Маруси минутку машинка. В первую очередь нужно обшить

свою семью, благо, холста в приданом дали за Марусей много, и тонкого, и толстого, а на мужиках рабочая одежда так и горит. Секлитинья, смилив нрав, выделила из своих запасов ткани, просила приготовить для дочерей рушники, скатерти, простыни, нарядную одежду. Время идет, не заметишь, как замуж дочерей выдавать придется, так о приданом следует позаботиться сейчас, пока есть швея в доме. А уж потом настанет время и для заказов со стороны. Будут односельчане платить продуктами или монетой – все прибыток в дом.

Секлитинья поутихла на какое-то время. Может быть, Петро ей преподавал очередной урок по просьбе Дмитрия, а, может быть, ей нравилось, что Маруся время от времени обновку матери шьет, на каждую просьбу Секлитиньи откликается. Тем не менее, хату начинать возводить весной и Дмитрий, и Маруся настроены были решительно. Петро под стройку отвел сыну хороший участок на своей земле, недалеко от родительской хаты на возвышенном месте.

В заботах и хлопотах шли дни, закончилась зима тринадцатого-четырнадцатого годов. С середины зимы, и об этом знали только Дмитрий и Маруся, молодая жена понесла. Беременность проходила легко, тошнота и различные недомогания Марусю не мучили, и сидеть и отдыхать было некогда, в тягости ты или нет. Кроме домашней работы, в которую включилась Маруся сразу по приходу в дом Дмитрия, теперь добавились и огородные хлопоты, весна же! Но о чем переживать, она всему обучена, все умеет. Подсказки, как и что делать в огороде, ей не нужны, но если Секлитинья решила поучить невестку, то что ж, выслушает спокойно и кивнет. Хорошо, мама, так и сделаю.

Дмитрий с отцом и братьями приступили к возведению хаты для семьи Дмитрия. Времени для этого выкраивалось немного, весной и летом невпроворот полевых забот. Но подготовительные работы на стройке были начаты, и планировалось достроить хату после уборки урожая.

В это лето надумал жениться следующий сын Петра Александр. Петро не возражал: всем сынам уже по многу лет. Решил – пусть женится! Дивчину

Елену засватали в соседнем селе Романовке, отгуляли свадьбу, как положено. В хату вошла еще одна невестка. Круглолицая, крепкого телосложения, с высокой грудью, с крупными чертами лица. Большие голубые глаза, тонкие брови, полные губы, русая коса. Не красавица, но очень приятная. Спокойная, приветливая, молодая. Видно, что Александру она очень нравится. Он не стеснялся ее обнять, поцеловать на виду у всех, был из всех сыновей Петра более открытым, общительным, веселым. Ростом выше всех братьев, и отца Петра тоже, на вид крепче, с кудрявым чубом, открытым взглядом, приветливой улыбкой. Усов не носил. Красавец, многим дивчинам головы вскружил, но выбрал Елену из соседнего села. Такова уж любовь – не знаешь, где и когда настигнет. Наверное, это выбор не человека, а Бога: на кого незаметно укажет, к тому душа и прикипит. Если, конечно, это настоящая любовь, и человек понял и правильно распознал жест божий.

Елена сразу же впряглась в домашнюю работу наравне в Марусей. Так же, как и Маруся, Елена все умела и могла делать. Но для Секлитиньи невестка и неумеха, и белоручка, и где только сыны таких находят...

Одно утешало: теперь Секлитинья отступилась от всякой домашней работы. А как же, есть две невестки, две дочери, вот пусть и ведут хозяйство. А она состарилась, заслужила отдых, теперь ее забота молиться Богу, командовать, требовать к себе особой заботы, внимания, лучшего куска из еды.

Невестки сдружились, поддерживали друг друга, могли обменяться своими обидами. А кому еще пожалуешься? Мужья вечером заходят домой темные от усталости, горы работы переворачивают за день. Что ж их расстраивать, сами справимся как-нибудь. Тем более, что не только Дмитрий, но и Александр решил строить свою хату, чтобы увести молодую жену от сварливой свекрови. Значит, недолго осталось терпеть.

Александру участок для стройки отец выделил рядом с Дмитрием. Строительный лес они брали частью из своего лесочка, частью покупали.

Готовили брус для стен, тес, плахи самостоятельно. Мечтали за лето возвести стены и, после уборки жита, наготовить соломы для крыш. Это в стройке главное, а остальное постепенно приложится.

Но эти мечты пришлось отодвинуть на неопределенное время. В августе четырнадцатого года началась русско-германская война. В любой момент могли здоровых, крепких молодых мужчин призвать в армию. Какая уж тут стройка! Надо подождать, тем более, что Маруся месяца через два должна родить, ходит грузная, ноги отекают, побережь ее следует. А Дмитрия в первую очередь могут призвать на службу, так как он уже служил, военную науку знает. Таких, в случае войны, первыми в армию берут.

В Тыснывке, в поместье пана Русецкого, мужа Настуни Броневицкой, события шли своим чередом. Настуня, теперь уже пани Анастасия, ворочала своим огромным хозяйством чуть ли не в одиночку. Сам Русецкий, ввиду своего возраста, практически отошел от дел. Жена за годы замужества научилась вести хозяйство рачительно, держала бразды правления крепко в своих белых ручках. Себя блюла, шашни ни с кем не заводила, мужа не позорила, хотя он и был совсем стариком. А сколько слез по загубленной молодости впитала в себя ее подушка, о том знать никому не положено, ни мужу, ни кому другому. Хоть и была она очень богата, а гордыни в ней не было. Не общительная, но и не высокомерная. Подруг не было. Если и дружить с кем, то только с замужней парой. И если у жен будут общие интересы и разговоры, то о чем говорить второму мужику со старым Русецким? Он теперь все больше отдыхает, днем подолгу спит, выезжать, кроме, как по делам, никуда не хочет.

Все идет в большом поместье, как надо. Хозяйство прирастает и крепнет. Со всем хорошо управляется Анастасия, а придется, так и совета у мужа спросит, он всегда помочь готов. Благодарит бесконечно Бога за такую жену. И красавица, и умница, и никакой плохой славы за ней нет. Хозяйство его сохранила, когда он стал совсем немощным. Будет только справедливо, что после его смерти все ей с их детьми достанется. А уж она удержит богатство в своих руках, сомневаться не приходится.

Однажды, летом четырнадцатого года, Анастасия с детьми уехала из дома в Янушевку, навестить родителей и брата, погостить у них денек, так как мать Елена чувствовала себя совсем плохо. О том передал через знакомых отец,

прося приехать проведать мать. В торговой лавке же случилось какое-то неотложное дело, которое требовало участия хозяев. Лавка располагалась в центре Тыснывки, довольно далеко от поместья. Русецкий решил поехать сам по этому делу на своем выездном жеребце и в парадном фаэтоне. Поехал один, править решил сам. В пути конь чего-то испугался и понес. Фаэтон перевернулся, разбился, Русецкий вылетел из него далеко в сторону, а жеребец как-то оторвался от фаэтона и бешено примчался домой.

Домочадцы бросились искать хозяина, понимая, что случилась беда. За Анастасией в Янушевку отправили гонца. Русецкого нашли на окраине села, изломанного, разбитого и без сознания.

Приходил он в себя долго. Разум не потерял, мог говорить, но ослеп и потерял способность ходить. Мог немного двигать руками, но и только. Тишина поселилась в доме, хотя и раньше в нем веселья было немного. Анастасия первое время неотлучно сидела с больным мужем: он держал ее за руку и просил не уходить.

- Настуня, милая моя жена, не плачь по мне. Видно, пришел мой срок. Пойду искать на небесах жену и сына, твоего Петра. Забрал я за себя, старого, твою молодость. Но мне так хотелось быть счастливым хоть еще немного, а ты запала мне в душу с первой встречи. Помнишь тот день, ту дорогу, как мы мимо проехали? А ехали-то тебя смотреть. Хотел сыну счастье составить, но Господь решил по-другому. Сам счастлив стал и много лет таким был. Прости за то меня, старика. Я там, наверху, буду Бога просить, чтобы и ты счастье изведала, чтобы тебе еще встретился в жизни молодой и любимый мужчина, а я только порадуюсь за вас. Ты была хорошей женой. Ты прекрасная мать, и я за своих детей спокоен. Только сейчас не уходи, побудь здесь, а я подержу твои руки. Мне так не страшно будет умирать, если Господь призовет к себе в эти минуты, - и по щекам старика текли обильные, мутные слезы.

Но Господь позволил старому Русецкому прожить на этом свете еще достаточно долго. Прикованный к постели, слепой, он часто по-стариковски плакал, и только Настуня могла его утешить. Вытереть слезы, поговорить,

погладить по седым волосам, подержать за безвольные руки. Строго следила за чистотой постели хозяина, его тела, могла сама покормить его. Садилась у его постели в минуты бодрствования и рассказывала, что сделано в хозяйстве, где прибыль, где нечаянный убыток и по какой причине. Что и когда планирует сделать в поместье, кто из слуг ушел, и кого наняли новых. Старалась таким образом сохранить видимость его участия в управлении поместьем, поэтому Русецкий не чувствовал себя брошенным.

Однажды, где-то уже в конце года, в поместье Русецких появились двое молодых мужчин. На полях сражений русско-германской войны, начавшейся в августе 1914 года, куда вступила в качестве союзника Германии Австрия, были взяты в плен многие австрийские солдаты. Их распределяли работниками в богатые украинские хозяйства, в которых требовались рабочие руки, и которые могли содержать дополнительных работников. Вот и хозяйка поместья Анастасия согласилась в волости принять двух таких пленных. Они поступали в ее распоряжение до особого указания, должны были работать в ее поместье, а она обязывалась их кормить, предоставить кров, одежду и следить, чтобы не было совершено побега. Подобных работников взяли к себе многие богатые усадьбы как Тыснывки, так и других окрестных сел.

Один из солдат, «австрияков», как их стали сразу же называть в народе, был небольшого роста, тщедушный, постоянно кашлял и дышал с хрипами в легких. Другой австрияк, бравый, высокий, красавец собой, производил впечатление крепкого, здорового работника. Он действительно умел и, по всей видимости, любил работать. Посмотреть на него во время работы было одно загляденье! Легко управлялся с любым инструментом, будто играючи, справлялся с лошадьми. Любое порученное ему дело выполнял быстро и хорошо. Дивчины, бывшие во дворе и доме служанками, теряли головы от его улыбки, но он никому не оказывал особых знаков внимания. Звали его Казимиром. Казимир и Казимир, фамилию не спрашивали, зачем, пленный ведь?

Анастасия, глядя на больного, постоянно кашляющего австрияка, пожалела его и выхлопотала в волости разрешение тому вернуться из плена домой. Работник из него никудышный, так зачем держать? Если, не дай Бог, что с ним случится, так потом не оправдаешься за смерть пленного. А второй австрияк, работавший, как вол, и мало-мальски научившийся украинской мове, никуда не просился, больше молчал, с девушками, что возле него крутились, не заигрывал. Но внимательными глазами слуг было точно подмечено, что в присутствии хозяйки Анастасии он бледнел, поднимая на нее свои красивые глаза, и забывал даже те украинские слова, которые успел выучить.

А к Настуне, «железной помещице», как иногда ее называли в селе за умение крепко держать в руках такое большое поместье и в повиновении многочисленных слуг, первый раз в жизни пришла любовь. Яркая, захватывающая, но такая горькая, потому что старый муж лежал в доме недвижимым и слепым, а нарушить обет перед Богом, отдавшим ее во власть этого старика да самой его смерти, она никак не могла. Не так ее воспитывали родители, чтобы жить в грехе. Душа плакала, летела туда, где был Казимир, а разум требовал вернуться ей обратно. Настуня вспоминала, как в юности выспрашивала у матери, что такое любовь, и мать отвечала: когда она к тебе придет, то сразу узнаешь.

Теперь Настуня знала, что это такое. Как ей хотелось прижаться к молодому горячему телу, принять поцелуи и ласки любимого, растаять в его сильных руках. Смотреть в его красивые карие очи, не отрываясь, и видеть в них ответную любовь. Образ Казимира не отпускал ее днем и не давал заснуть ночью. Снова подушки в ее постели были мокры от слез. Не давали покоя и сомнения: а любит ли он? Надеялась, что любит, видела в его глазах не просто интерес к ней, а что-то большее. Хотелось это услышать, но нельзя. Как объясниться, если ты на виду у всех, если богом данный муж жив и лежит в соседней комнате, если любимый не понимает почти ни слова на твоей мове? Даже если объяснишься, узнаешь о взаимной любви, то как потом дальше жить? Нет ответа ни ночью, ни днем... И к маме с тато не

побежишь за советом. Любой из них даст одинаковый ответ: какая-токая любовь? – ты замужем.

Объясниться же пришлось, чего Настуня никак не ожидала, с Русецким. Он хоть и был прикован к постели в полной темноте, но разум сохранил и знал обо всех событиях, происходящих в его обширном хозяйстве и доме, отчасти из рассказов самой Настуни, отчасти из шепотка служанок. Те всегда знали тайны дома и имели о них собственное суждение. О том, что в его поместье работает один австрияк, а второй отпущен по болезни домой, рассказала Настуня, а о красоте нового работника и его интересе к хозяйке, добавив свои подробности, доложили ухаживающие за ним женщины.

Он только спросил:

- А что она, Анастасия?

- Плачет ночами, но греха никакого не допускает, - было ему сказано честно.

Когда в очередной раз Настуня присела к мужу на кровать, он повернул к ней незрячее лицо, взял ее руки в свои и негромко, отеческим тоном, попросил:

- Настуня, голубка моя, расскажи, о чем плачешь ночами. И не отнекивайся, я знаю о том и чувствую твою беду. Расскажи, что случилось. Так, как поведала бы не мужу, но отцу, - он помолчал и продолжал.

- Кто этот Казимир, что за человек, достоин ли тебя, такой красавицы? У тебя руки дрожат, я чувствую. Ты так любишь его, Настуня?

Вся невыносимая сердечная мука, в которой жила последнее время Настуня, прорвалась из души обильными слезами. Захлебываясь ими, ничего выговорить молодая жена не могла, но Русецкий терпеливо ждал. Ответа не требовалось, все было и так ясно. К Настуне пришла любовь. К молодому, подходящему ей мужчине, а он, старая развалина, лежит у нее на дороге колодой, которую ни обойти, ни объехать. И Господь не посылает ему избавления от такой жизни, значит, не заслужил пока царствия небесного. Что делать?

- Иди сейчас, Настуня, к себе, успокойся. Я тебя ни в чем не виню, все наши мысли и дела в воле и руке божьей. Я, хоть и стар, знаю, что такое эта любовь, и сколько она, а бывает и так, несет муки вместо радости. - Иди, моя голубка, а я поразмышляю над твоей бедой.

Наутро Русецкий распорядился пригласить к себе священника из тысневской церкви и имел с ним долгий разговор за закрытыми дверями. Решение было принято такое: с разрешения церкви волость расторгает брак Русецкого и Анастасии, регистрирует брак с Казимиром, но обвенчать их церковь сможет только после смерти Русецкого, которую он сам предвидит уже вскорости и о которой ежедневно молит Бога, чтобы не быть препятствием для счастья любимой Настуни. Священник только головой качал от всего услышанного, но что не сделают горячие слова, то сделают гроши, кошель с которыми успешно перекочевал куда-то под рясу попа.

Таким вот образом Казимир из пленного австрияка, дворового работника, стал хозяином огромного поместья и мужем красавицы-хозяйки. Многие в селе осуждали эту странную и богопротивную женитьбу, удивлялись ей, дети Русецкого Мария и Виталий, которым было по тринадцать-четырнадцать лет, злились на мать, не понимали ее и жаловались больному отцу.

Настуня светилась от счастья. Ее душа летела к милому ежеминутно, ее тело по ночам в горячих и сильных руках пело гимн любви. Настуня по-прежнему часто заходила в комнату к Русецкому, разговаривала с ним, утешала, следила за уходом за ним. Видела все более проявляющиеся знаки близкой смерти родного человека, который уже выпустил из рук все нити, привязывающие его к жизни. Но Настуню узнавал, подолгу держал ее за руки и от беспомощности плакал.

Казимир старался обходить комнату Русецкого стороной. Он никогда не видел прежнего хозяина, был равнодушен к его болезни, но осознавал, кто был его, так сказать, благодетелем, и был благодарен тому за крутой поворот в своей судьбе.

Если проследить за событиями будущего, то Настуня, проживавшая последующие годы в полном согласии с Казимиром, с гармонией в душе, родила двух детей-погодков, Андрея и Ганю. Андрейка с младенчества был болен неизлечимой экземой, что Настуня считала карой небесной за свое счастье с Казимиром при живом венчанном муже. Ганя же, Анечка, росла красивой, здоровой девочкой.

Старый Русецкий тихо угас после рождения Ани, не приходя в сознание несколько дней перед смертью. Настуня похоронила его достойно, соблюдая все положенные церковью обряды, на кладбище рядом с первой женой и сыном. Разговоры и сплетни об этой семье, временно подзабытые и возникшие с новой силой в связи со смертью Русецкого, снова постепенно утихли. В поместье был новый полновластный хозяин, уверенно правивший огромным богатством, не теряя из него по дороге жизни ни гроша, а только приумножая его и укрепляя.

Обвенчались ли Настуня с Казимиром после смерти Русецкого или нет, неизвестно, как неизвестной осталась для летописи семьи и фамилия Казимира. Искренне он любил Настуню или просто воспользовался выпавшей на его долю удачей и любовью женщины, предложившей еще и огромное богатство, как сейчас узнать? Но только через полтора десятка лет, когда благодатную Украину накрыла черная волна так называемого «раскулачивания», и их хозяйству тоже «светила» Сибирь, в один прекрасный день он неожиданно исчез. Благополучно для себя исчез из Украины, из села, из жизни Настуни, взяв с собой достаточно для безбедной жизни грошей. Оставив Настуню одну, с четырьмя детьми, с подлежащим разграблению поместьем, с лютой стужей Сибири в недалеком будущем.

Так любил ли?

А пока идет по Украине тревожная осень четырнадцатого года. Стучится война в крестьянские хаты, забирая на фронт молодых и крепких мужчин, возвращая их через некоторое время домой израненными, или вовсе оставляя хату и детей сиротами. Вот и у Корзунов в Федоривке живут в ожидании, когда придет их мужчинам призыв на фронт. Кому нужна эта война, за кого и

за что сражаться, отдавать свои жизни на далеких полях? Нет места веселью в семье, хмурые лица у мужчин и непрошенные слезы у женщин. Что с нами со всеми будет?

Глава одиннадцатая.

4 декабря 1914 года у Маруси, жены Дмитрия Корзуна, родился первый в их семье ребенок, девочка, названная Ниной. Крестными для малютки были приглашены дядя Тихон, брат отца и тетка Настя, Настуня Русецкая. Крестили новорожденную в селе Романовка, что было в трех километрах от Федоровки, так как в ней не было своей церкви, поэтому все церковные обряды, как венчание, крещение, отпевание, похороны, проходили в Романовке. Там и кладбище было общее для двух сел.

В день крещения поп в церкви оказался крепко подвыпившим, на ответ крестных об имени для ребенка – Нина! – пропел заплетающимся голосом:

- Крещается раба божья Неонила...

Сказанного не воротишь, вверху, в божьих анналах, записана родившаяся Неонила. Сконфуженный поп на упреки крестной матери нервно заявил:

- Ну и что, крещена, как Неонила, а там зовите, как хотите!

Мария сначала расплакалась, когда дома ей крестные рассказали, что случилось в церкви.

- Будем звать Ниной, Ниночкой, - потом успокоилась она.

Отметили всей большой семьей крестины девочки, накрыли обильный стол, даже пели песни, несмотря на тревогу, поселившуюся в хате из-за грохочущей где-то войны. Правда, песни пелись, в основном, грустные.

Выводили женские голоса, вызывая слезы:

Іхав козак на війноньку,
Сказав: «Прощай, дівчинонько,
Прощай, дівчино, чорнобривонько,
Іду в чужу сторононьку.

Дай же, дівчино, хустину,
Може, я в бою загину,
Темної ночі накриють очі, -
Легше в могилі спочину...»

В начале 1915 года пришло, наконец, известие: забирают в армию Тихона и Дмитрия, старших сыновей Петра, а вскоре за ними ушел и Филипп. Александр был признан к службе не годным из-за поврежденной в детстве ноги и чуть заметной до сих пор хромоты. Им с отцом, оставшимся вдвоем из мужчин в семье, пришлось несладко. Свое большое хозяйство осталось без рабочих рук, в хате Мария с малюткой на руках. И семья Тихона, Катерина и четверо маленьких хлопчиков, тоже требует неустанной заботы. Секлитинье вновь пришлось взять на себя часть домашней работы, так как Ниночка родилась маленькой, худенькой, часто недомогала и не могла обойтись без неустанной материнской заботы. Вот и ворчала Секлитинья по поводу и без повода, обвиняя «хилое» дитя, которое отрывает мать от домашней работы. Но все оставшиеся в хате взрослые не позволяли ей срывать злость на малышке и Марусе, помня трагическую судьбу Лидочки.

Дед Петро внуков обожал. Возился с ними каждую свободную минуту, угощал медом, фруктами из сада, носил их с собой в корзине за спиной, если куда шел. А им это в радость!

Корзины, большие, легкие, из гибких прутьев красной вербы, в которые можно было посадить одного-двух хлопчиков, исправно плел старший дед Александр. На это дело он был мастер и, несмотря на свою глубокую старость, можно сказать, дряхлость, и путающееся сознание, навык плести корзины не потерял. Конечно, в семье все мужчины умели плести корзины, но у деда Александра они получались лучше всех. Объемные, с двумя ляжками, чтобы носить за спиной, поменьше с ручками для сбора грибов и ягод, овощей и фруктов в пору сбора урожая, совсем маленькие для нужд кухни, - дед мог сделать любые. Даже свадебные корзинки для марципанов выходили из его рук, как игрушки. Односельчане охотно раскупали дедовы изделия, если какие-то оказывались лишними в хозяйстве.

В семью пришло известие о том, что Филипп ранен на фронте и находится на излечении в госпитале. Ранение было серьезным, в пах, и к дальнейшей службе Филипп не был годен, поэтому из госпиталя должен был вернуться

домой. Лечился он долго, была опасность паралича ног, но все, слава Богу, обошлось, только, как показало время, остался Филипп бездетным.

Так прошло три года. Почти одновременно с возвращением Филиппа волость распределила в усадьбу Корзунов двух австрияков, которые работали в хозяйстве взамен воевавших на фронтах сыновей Петра. После определенного срока хорошо работавшим пленным разрешалось вернуться домой, если их отпускали хозяева и оплачивали им дорогу. Петро жалел австрияков, разве они по своей воле живут и работают на чужбине? Дома, поди, семьи ждут, все глаза проглядели, не знают, живы ли сыны и мужья, или надо слезы сиротские лить? Пусть едут домой, мы батраков никогда не держали, не пользовались чужим подневольным трудом, вот и нечего привыкать. И впредь обходиться будем только своими руками, лишь бы Господь здоровья дал.

Тихон и Дмитрий вернулись с фронта домой только в семнадцатом году, после революции и роспуска царской армии. Воевали они вместе, в одной части, и поддерживали друг друга на фронте, как могли. Вместе в конце марта семнадцатого года приезжали на побывку к семьям, на короткие десять дней. Вернувшись же окончательно и соскучившись по любимому крестьянскому труду, помня обещания жинкам о своих хатах, братья дружно принялись достраивать то, что начали до войны, а Тихон вообще ставить новую хату попросторнее, деток-то в семье много! Братья друг другу помогали, хаты вырастали быстро, и к середине восемнадцатого года Тихон, Дмитрий и Александр со своими семьями переселились на новое место жительства. Выделенные отцом наделы закреплены в волости за ними, из отцовских сараев уведена к себе скотина, принадлежащая сыновьям, и из дома увезены невестками сундуки с их добром. И пусть хаты не достроены, не беда, зато свои.

Хата деда Петра пустела. После ухода из нее семей Дмитрия и Александра тихо, один за другим, ушли в мир иной дед Александр и дед Изот. Ближе к осени вышла замуж старшая золовка Маруси, тоже Мария. К ней посватался поляк Адам Левицкий, живший с родителями и младшим братом в пригороде

Новоград-Волынского. Высокий, худой, почти черные волосы, такого же цвета густые брови и усы, длинный польский нос, пронизательный взгляд. Он выглядел старше своих лет рядом с юной, улыбочивой, красивой женой. Его семья имела хороший дом, сад, много земли, большое хозяйство. Богатый жених, что и сказать. Старые родители Адама вскоре умерли, брат женился в самом городе и перебрался на жительство к жене, так что на этом большом хозяйстве остался один Адам с молодой женой. Ладили они между собой хорошо, нравом миловидная Мария была в отца, унаследовала его доброту и ум, ничего не взяла от матери, сварливой Секлитиньи. В новой родне мужа Марии все называли уважительно Адам Иванович, несмотря на то, что он был одинакового возраста с братьями жены, но уж такое он производил впечатление.

В начале девятнадцатого года у них родился сыночек Всеволод, который по воле божьей остался единственным в семье ребенком.

Однажды, когда Адам Иванович шел за плугом на своем поле по весне, возле лошадей, запряженных для пахоты, неожиданно приземлился большой аист, взмахнув широкими крыльями. Лошади испугались, дернули плуг и понеслись по полю. Адама Ивановича довольно долго тащило за плугом по земле за намотанные на руках вожжи. Когда же он смог освободиться, то оказалось, что он сильно изранен, разбито в кровь лицо, сломана рука. Вероятно, были и внутренние ушибы, потому что он так и остался слаб здоровьем, с неправильно сросшейся рукой и некрасивым шрамом через все лицо.

В хате у Петра остались двое взрослых детей: сын Филипп и дочь Федосья. Уже не такая большая семья, как раньше, а заботы требует. Пусто и скучно стало в хате, не звенит голосок маленькой Ниночки, не стрекочет по вечерам швейная машинка ее матери Маруси. Федосья молча делает свои дела, иногда слушает непрерывное ворчание матери, а иногда, хлопнув дверь, скроется в саду или в своей комнате. Петро, тот вообще старается проводить все свободное время по гостям у сынов, забавляясь с внуками. Ну и на ком

злость сорвать, скажите? Хоть бы Филипп привел в хату жену, а то и поговорить не с кем...

В семье Дмитрия случилось прибавление. 1 января 1918 года родилась еще одна девочка, Наденька. Добавилось забот, но хлопоты эти не тяготят. Девочка спокойная, особого внимания не требует, покормишь, и лежит в люльке.

С приходом весны Дмитрий и Мария работали, не покладая рук, каждую свободную минуту, на достройке хаты. Стояла она на возвышенности на краю села, близко от родительского дома. Мимо усадьбы, метрах в ста от нее, проходила главная дорога в Федоривку из города Новоград-Волынского и окрестных сел. От хаты до дороги огороженный выезд, так как за забором – поля с житом. При въезде в село, чуть ли не рядом с хатой, стоял высокий деревянный крест с иконой, около него криница с чистой водой и взметнувшимся ввысь журавлем. Кто шел или ехал в село или из него, добро пожаловать испить водицы, перекреститься на икону, попросить себе доброго пути!

Новая хата Дмитрия из бруса была высокой, просторной, фасадом на юг, а глухой стороной, с входом в сени и кладовой, на север. Много окон, чистых, сверкающих. А как же иначе, хозяйка-то добрая, чистюля! Хата оштукатурена и побелена, покрыта соломенными снопиками. Ниночка, хоть и мала годами, а знает, как готовятся эти снопики. Видела, как их связывали мама с тато и дедом Петром. Сама старалась им помогать, подбирая выпавшие соломинки.

- Тато, зачем вам солома? – спрашивала Ниночка у отца. – Что вы с ней делать будете?

- Ты, внучка, меня послушай, - отвечал вместо отца дед Петро. – Видела, в поле рожь растет? Ну вот, мы ее сожнем серпами, обмолотим в клуне, зерно на хлебушек соберем. Любишь ржаной хлебушек?

- Люблю, люблю! – подпрыгивала Ниночка. - А дальше что, дедунько?

- А дальше, дитяtko, из соломы свяжем, как сейчас, маленькие снопики, привяжем их к обрешетке крыши, ряд за рядом, ряд за рядом, снизу и

наверх, да накроем коньком. Вот крыша хорошая и получится, ни дождик, ни снег не промочат, ни ветер не сдует.

В хате был вход со двора в сени, оттуда вход в кладовую и в дом. Большая прихожая совместно с кухней, в углу русская печь с лежанкой сбоку. Стол, лавки, две кровати, благо просторная комната. Возле печи дверь в небольшую отдельную комнатку, из нее выход на улицу, в палисадник. Вторая дверь из прихожей в большой, с четырьмя окнами, зал. И еще одна дверь – в спальню, где два окна, а из мебели две кровати, стол, шкаф для одежды, табуретки. Между залом и спальней есть проем с дверью, хотя входы в них из прихожей разные. В зале в середине стоит круглый стол с деревянными стульями, в углу кровать с горой подушек, под одним окном скриня – большой сундук с бельем, холстами, другими тканями, нитками. Под другим – ножная швейная машинка, гордость и незаменимая помощница хозяйки. На стенах во всех комнатах много икон, стоящих на полках с разноцветными вышитыми рушниками. Белые вышитые занавесочки на всех окнах – рукоделье Маруси.

В прихожей есть печь-голландка, обогревающая зал и спальню, с плитой, выходящей в прихожую, а бок другой, русской, печи греет маленькую комнату.

Вся мебель в хате сделана руками Дмитрия, он отцом и дедом, как и его братья, обучен этому ремеслу. Немногословный и задумчивый, Дмитрий никогда не торопился при изготовлении мебели. Тщательно выбирал дерево, пропитывал, проклеивал, красил. Все изделия выходили из его рук красивыми, элегантными, с резьбой и деревянным декором. Почти неотличимая от фабричной, его мебель украшала свой собственный дом, охотно покупалась соседями.

- Тато, тато, а вы мне сундучок под игрушки сделаете? – просила отца Ниночка. – И Наденьке!

- Тебе, моя голубка, сделаю. А Наденьке еще рано, как ты думаешь? Вот подрастет немного, ты ей свой сундучок и отдашь. А я тебе сделаю побольше

и покрасивее. – И находил время среди неустанных работ, чтобы сделать дочке обещанный сундучок.

В холодной кладовой стояли лари для муки, крупы и другой клади, тоже сделанные руками хозяина. Полки под различные горшки на стенах – опять же его работа. Была оборудована даже стэпка - маленькая каморка в кладовой, граничащая со стеной кухни, где стояла русская печь, и соединенная с ней отдушиной для поступления тепла. В такой каморке можно было хранить продукты, которые не выдержат зимой домашнего тепла, но которым противопоказан и зимний уличный холод.

На чердак из сеней вела стоящая в углу лестница. Там в трубе от печи было приспособление, в виде небольшой камеры, где на крюки можно было развешивать для копчения выходящим на улицу дымом сало, колбасы, окорок. Правда, камера была заводского изготовления из несгораемого материала, и довольно дорогая, но грошей не жалко на ее покупку, так как такая вкусная снедь получалась в ней!

Из маленькой комнаты хаты сделан выход в палисадник. Дмитрий по просьбе Маруси, зная, как она любит цветы, постарался посадить в нем кусты белой, светло- и темнорозовой сирени, жасмина, каштан. Вскопал руками землю под клумбы, проложил и посыпал между ними песком дорожки. Какая красота была летом в этом цветнике! Яркие разноцветные краски, где сильный, а где тонкий запах цветов и трав! Наверное, светлые очи Господа нашего отдыхают на таких пятнах земли!

На южной стороне дома, за цветником, огород. Вдоль забора выстроились кусты красной и черной смородины, малины, грядки клубники и разных овощей, площадка для картошки. Чуть дальше в сторону – молодой сад. Еще только готовя землю под хату, до ухода на войну, Дмитрий заложил небольшой сад. Молодые деревца вишни, черешни, сливы из отцовского сада, лещина из его же лесочка, за прошедшие годы принялись, окрепли и только-только начинали плодоносить. Сад с огородом был огорожен крепким тыном, в глубине садочка - своя пасека из нескольких ульев. Грех не разводить пчел на благодатной украинской земле, где все растет и цветет, что

ни ткнешь в землю, где запахи и ароматы цветов и трав кружат голову, где сам воздух, густой, напоенный свежестью, бери, дыши всей грудью, пей, как лекарство!

От главной дороги за домом отходила другая, менее наезженная, ведущая в соседнее село Ужачин, что было в двух километрах от Федоривки. В южную сторону от этой дороги расстились поля Дмитрия, большая площадь, порядка десяти гектар, где сеяли рожь, пшеницу, овес, ячмень, гречиху, другие злаки на корм скоту. Тут же посева льна и конопли на масло и волокно, клевера на корм скоту.

Скажите, есть ли на свете что-либо прекраснее летнего поля поспевшей пшеницы или ржи? Когда золотом сверкает земля до горизонта, когда колосья колышутся под ветром волнами, и птицы в вышине небесной поют счастливые песни?

О, Украина! Наверное, это Господь Бог в твоих границах сделал себе дивный сад на земле, чтобы отдыхать в нем по ночам от трудов небесных, чтобы наслаждаться этой красотой, запахом садов и лесов, чистотой плавно текущих рек, бархатом черной украинской ночи...

И, наверное, это Он, заглядывая в окна спящих хат, гладил по головам и натруженным рукам детей своих, простых крестьянских мужей и жен, создающих такую красоту вокруг, с любовью возделывающих принадлежащий им кусочек земли с рождения и до самой смерти. Кидающих по весне в мягкую землю зерно, собирающих по осени тяжелые, полновесные колосья, любящих свой изнурительный труд, падающих вечером от усталости, а утром с песней снова идущих и едущих на свои поля...

Пошли им, Господи, светлые сны и силы, потому что, если их оторвать насильно от их хат, от их земли, от их труда, потечет из ран кровь. Они - единое целое с этим краем, и не мыслят жизни без него.

Маленькая дочка Дмитрия и Маруси Ниночка, не по годам умная и любознательная девочка, любила их новую хату, где все сверкало чистотой и новизной. Она часто потихоньку, чтобы не увидели тато с мамой, забиралась

на чердак, откуда, если открыть небольшое оконце, видно далекую Романовку, купол церквушки в ней, блестящую на солнце ленту реки Случь. Тато говорит, что она вливается далеко отсюда в «широкий, очень широкий и величественный Днепр». Жаль, что его с чердака не видно! Наверное, он больше речки Случь, если он какой-то величественный, как тато говорит.

И город Новоград-Волынский тоже стоит на реке Случь, как Романовка. Но его с чердака не видно. Мама говорила, что до него от нашей хаты семь километров, наверное, это много. Ниночка помнит, как они ездили с мамой и тато в этот город, ночевали у Левицких, и она, Ниночка, играла с их сыночком Всеволодом. В доме у этих Левицких она видела одну штуку, называется «граммофон». Крутится красный кружок, на нем лежит черный кружок, а из большой блестящей трубы гремит музыка. Ниночка сначала даже испугалась немножко.

А еще с чердака видны наши поля, Какой простор и какая красота! Посреди пшеничного поля растет большой старый дуб, и рядом притулились две груши-дички. Ниночка не раз ходила с дедом Петром с большими корзинами к дубу собирать под ним желуди на корм свиньям и грушки на компот. Когда они возвращались с полными корзинами, дед рассказывал ей обо всем, что кругом растет. Дедунько часто говорит, что благодарен Богу за то, что родился на этой земле. Ниночка не знает, на земле она родилась, или в люльке, как маленькая Наденька, но она тоже благодарна дедушке Богу, ей очень нравится картина, которую она каждый день видит вокруг.

- Нина, Ниночка, где ты? – слышалось со двора. Звала мама, наверное, надо присмотреть за сестренкой в люльке, покачать, пока мама чем-то занята.

Но, оказалось, за Наденькой присматривает вернувшийся к вечеру из сада тато, а мама зовет ее помочь во дворе, накормить кур и гусей, пока она доит коров.

Напротив глухой стороны хаты со входом в дом через двор стоит обширный сарай, тоже крытый соломой. Сарай разделен на отделения: первое – для свиней и птицы. Кур, индюков и гусей Ниночка может покормить, кинув им из стоящего здесь же ларя зерно, а к свиньям ей

подходить не разрешается. Второе отделение – «завозня», здесь стоят сани, телега, в углу парадная повозка, на которой они ездили к Левицким. На стенах висит сбруя, в углу лестница, ведущая на сеновал. Оттуда тато берет траву для овец, телят и жеребят. В третье отделение ход Ниночке строго-настрого заказан: там живут две лошади и жеребенок. А в четвертом отделении мама доит коров. Их у мамы две, Ньюша и Чернушка. И маленькие телята, тоже двое. А в углу в отдельной загородке, живут овечки. Ниночка пока не умеет сосчитать столько много, но она и не хочет к ним подходить, потому что там злой баран бьет рогами по доскам.

- Мама, мама! – зовет Ниночка.

- Здесь я, - выходит с полными ведрами молока мама. – Накормила птицу?

- Да, мама, пойдем домой, скоро будет темно!

- Да, доню, пойдем, только темнота не столько от ночи, сколько от тучи.

Гроза, похоже, идет на село, дождь будет. Ну, да это хорошо, огород польет, сад с цветником, а то тато твоего жалко, столько воды из пруда носит.

На усадьбе была своя криница рядом с прудом, выкопанная за клуней, которая, в свою очередь, располагалась за сараем. Но воду из этой криницы брали только на полив и на хозяйственные нужды: стирку, мытье полов, в баню, для скотины. Для питья и приготовления еды Маруся приносила в хату воду из чистой криницы около деревянного креста.

За окном резко потемнело и загрохотало. Гроза подошла совсем близко. Но в хате спокойны: с хозяйством на сегодня управились, скотина накормлена, стоит в сарае, все двери закрыты, кадушки во дворе под дождевую воду Дмитрий приготовил. Можно садиться вечерять. Наденьку только придется взять из люльки на руки, как бы не испугалась грохота за окном и блеска молний.

Грозы на Украине страшнее, чем где-либо. Так говорят приезжие из других мест люди, кому есть с чем сравнивать эту грозную стихию. Молнии сверкают, не переставая, стрелы часто бьют в высокие дубы, в возвышенности. А звук такой, как будто разбились целые тысячи составленных рядом стекол.

- Боженька гневается, - задумчиво проговорил Дмитрий.

- На кого, тато? - тут же подбежала к нему Ниночка.

- Значит, есть на кого, - ответил он. – Много в мире горя и несправедливости, и во всем виноваты люди.

- А откуда вы знаете, тато?

- Я был на войне, - коротко ответил отец.

Но тут в разговор вступила Маруся.

- Хватит тебе, Дмитрий, пугать дитя. Рано ей об этом думать, все равно ничего не поймет, коли объяснять станешь. Давайте вечерять. Я свечку запалю, чтобы не впотьмах есть.

Вот и утро наступило. Разве есть на свете что-либо прекраснее летнего утра, умытого ночным дождем? Разве только золотое поле пшеницы или ржи...

Новый день – новые заботы. Едва утренняя зорька лучиком пройдет по хатам, и во дворах закричат петухи, как поднявшиеся раным-рано хозяйки доят коров, выгоняют со двора пастуху в стадо, выпускают овечек на пастбище, птицу в огороженный загон на улице. Остальное же – забота хозяина. Вывести спутанных лошадей за сарай и клуню, где для них есть выпас. Рядом будут пастись телята и ягнята, которые малы, и которым рано в общее стадо. Накормить свиней в сарае, запарить им корм, почистить все ночные стойла скотины, подмести двор, подремонтировать, что следует.

Потом присесть на минутку во дворе, наметить дальнейшую работу на день. Окинуть хату и постройки хозяйским глазом, поблагодарить Господа, что дает им с Марусей здоровье и силы справляться с хозяйством. Просто, сидя на небольшой скамеечке, порадоваться удивительно чистому и свежему утру, разгорающемуся дню. Улыбнуться и подхватить на руки маленькую Ниночку, которая выбежала во двор позвать тато к завтраку.

Господи! До чего же хорошо жить на белом свете, в этом благодатном краю! Трудись, не ленись, а земляца тебя отблагодарит! Будет, будет, что оставить деткам в наследство. Может быть, даст Бог и сыночка, чтобы отцу помощником рос, да не одного. Все в руке божьей...

Глава двенадцатая.

Дни сменялись ночами, ночи – днями. В бесконечных трудах и заботах, а в хозяйстве выходных и праздников не бывает, вприпрыжку летели годы.

Много событий произошло за это время в семьях Корзунов и Броневицких.

Во-первых, сменилась власть. В волости теперь распоряжались совсем другие люди. Хозяев, таких, как Дмитрий с братьями, пока не трогали, но тревога поселилась в их семьях, похоже, надолго. Что-то со всеми с ними будет? Революция, гражданская война... Царя-батюшку где-то далеко в столице скинули и убили. По плодородным полям Украины скачут на лошадях то «белые», то «красные». Мужики оторвались от земли, поднялись на коней, добывают, убивая друг друга, какую-то идею, светлую и богатую жизнь для народа. А разве эту жизнь добудешь в бою? Вот она, земля, паши, сей, убирай урожай. Паси на траве свою скотинку, бери в лесу, что он дарит – ягоды, грибы, бревна для хат. Возводи, живи, радуйся! Трудись от зари до зари, и богатая жизнь у тебя во дворе будет, а не где-то вдаль, куда за ней скачут со знаменами и винтовками одуроченные орды!

В гражданской войне никто из семей Дмитрия и Марии не участвовал. И села их не были сильно ею затронуты. Проносились иногда по улицам отряды белых и красных, догоняя друг друга, но окраину, где располагались хаты Петра и поблизости его сыновей, Бог как-то уберег.

Хотя пострадать от войны все-таки пришлось. Где-то в восемнадцатом году, когда Наденька была еще совсем малютка, возле дома застрочил пулемет. Маруся бросилась прятать детей в подполе, обкладывая их подушками, но Наденька сильно испугалась, зашлась плачем до икоты, до судорог. Как ни отхаживали и ни отливали ее с заговорами местные знахарки, но девочка заболела эпилепсией и, промучившись сама и измучив родителей, достигнув двух лет, умерла.

В год смерти Наденьки, в 1920-й, 16 августа, родился сыночек Евгений. На третьем году жизни умер, попав под эпидемию дизентерии, которая прокатилась по селу. Как ни берегли детей родители, а пришлось оплакать

первого в семье мальчика. 16 апреля 1923 года родился еще один сын, Виталий. Мальчик был крепенький, внешностью копия отца, Дмитрия, и нянькой для него стала Ниночка, которой было тогда уже восемь с половиной лет.

Ниночка, в силу воспитания и просто от природы, была очень ответственная девочка. Любви и уважению училась в семье, видя ежедневно, как хорошо относятся друг к другу тато и мама. Горько оплакивала вместе с ними смерть Наденьки и Женечки.

- Это же несправедливо, тато, - плакала она. – Они были такие маленькие! За что Боженька на них гневался? – Вот и попробуй, объясни ей!

- Нет, дочка, Господь на них не гневался, они ничего плохого не делали, такие маленькие. Только ему, Господу, малютки на небе тоже нужны. Они будут ангелами, и будут нас с тобой и Виталиком оберегать и защищать.

Отцовский довод железный. Что поделаешь, раз Богу нужны. Но Нина про себя, не говоря отцу, решила, что в церкви, куда они с мамой пойдут в воскресенье, она попросит далекого Боженьку, чтобы он кого-нибудь, хотя бы одного, отдал обратно. Хоть Наденьку, хоть Женечку. А лучше – обоих. Вот мама с тато обрадуются!

26 августа 1925 года в семье снова пополнение. Родился Петя, похожий на деда Петра, с на удивление светлыми волосиками, обещающий вырасти красавцем. Только Бог судит по-своему: в двухлетнем возрасте Петенька заболел дизентерией и умер, измученный, без кровинки в лице, горько оплакиваемый семьей. Ниночка плакала, не переставая. Не услышал ее Бог, забрал еще одного братика. Почему нашего? Не потому ли, что наши самые лучшие, и ангелы из них самые добрые?

7 октября 1927 года появился последний ребенок, сыночек Толик, Анатолий. Может быть, молитва Ниночки дошла до Господа, только детские смерти в семье прекратились. Из шестерых детей выжили трое: мамина помощница и нянька для братьев Нина, и два сына, радость и гордость Дмитрия. Есть кому наследство оставить, руки сыновей подхватят из

слабеющих рук отца хату, хозяйство, этот прекрасный мир. Нет, не зря живет Дмитрий на свете!

И в семьях братьев Дмитрия когда неспешно текла, а когда и кипела, своя жизнь. Рождались и умирали дети, игрались свадьбы и уходили на погост старики.

Александр почти одновременно с Дмитрием достроил свою хату, жил, как и брат, своим трудом, умножал и укреплял хозяйство. Жена Елена была ему во всем помощница, держала в доме порядок, родила четверых детей, дочку Веру и трех сыновей, Владимира, Леонида и Алексея. Усадьба Александра граничила с усадьбой Дмитрия, дети их были очень дружны и бегали играть друг к другу.

Крестный Ниночки, Тихон, тоже достроил новый дом рядом со старой хатой. После четверых сыновей, уже в новой хате, родились две дочери: Лида в 1919 году, названная в честь первой погибшей дочери, и в 1922 году Оля.

В начале двадцатых годов, где-то в 22-23 году, вышла замуж Федосья, младшая сестра Дмитрия. Ее посватал живущий в соседней Романовке поляк Виталий Ольшевский. Семья жениха крестьянская, богатая, родители и два сына, старший Виталий и младший Иосиф. Венчались не в Романовке, в церкви, а в польском костеле Новоград-Волынского. Федосья согласилась принять в замужестве польскую веру, веру мужа. Злился отец Петро, ругал Федосью, что свою, родительскую, веру оставила.

- Да ты знаешь, как таких в народе зовут? Перевертень! Не думал я никогда, что в моей семье окажется такой перевертень! Что ж ты нас с матерью позоришь?

Но Федосья стояла на своем и сделала по-своему. Жила в новой семье хорошо, свекор со свекровью ее любили. В 24-м году у них родился сын, тоже, как и отец, Виталий, и в 29-м дочь Елена. Больше детей не было.

В хате Петра с родителями остался один Филипп. Однажды через Федоривку с запада на восток проезжала семья украинцев-эмигрантов, которую неведомо откуда согнала гражданская война, и которые решили уехать в Польшу. Остановившись передохнуть на день-два в хате

Петра, которых по их просьбе он пустил на постой, они прожили в ней более недели – занемогла мать. Семья состояла из отца, матери, двух дочерей, Ольги и Софьи, и младшего сына Алексея. Семья порядочная, интеллигентная, старшая дочь Ольга – учительница.

С первого взгляда, или со второго, неведомо, но случилась любовь у Филиппа к Ольге. Филипп, пострадавший на русско-германской войне, к этому времени стал обрюзгшим, полным, был нездоров и выглядел старше даже Тихона. Какие чувства испытывала высокая, стройная, с гладко зачесанными назад волосами, изнеженными руками, гордая и модно одетая Ольга, неизвестно. Искренне ответила на любовь Филиппа, или просто не хотела уезжать в чужую страну, но приняла предложение и осталась с Филиппом в Федоривке. Кроме этой пары, также скоропалительно повенчались и сестра Ольги Софья с Антоном Юрчуком, двоюродным братом Филиппа. Тот приехал к матери из города погостить на недельку, зашел проведать родственников и встретил, как он говорил, свою судьбу. Чудны дела твои, Господи! Пришлось в Польшу уезжать уменьшившейся семье.

Вскоре после женитьбы Филиппа тихо ушли в мир иной дед Дунько и бабка Бунця, как их называли внуки. Дед весной, когда цвели сады, а бабка следом осенью. Филипп остался хозяйствовать в родительской хате, трудился, как мог, на своих полях, не отказывался от помощи братьев, так как был нездоров и бездетен. Его жена Ольга служила в школе учительницей, не пачкала рук домашней работой, все свободное от школы время качалась в саду в гамаке, читала книги. Хозяйство же вела и в хате, и во дворе, и в огороде безродная служанка, как-то прибившаяся к ним, пожилая, молчаливая. Управлялась, как хозяйка, в этой же хате и жила.

Братья дружили, во всем помогали друг другу, крепко помнили наказ и отца Петра, и деда Александра крепко держаться вместе. Собирались по праздникам то у одного в хате, то у другого все многочисленной родней. Не забывали и сестер, Марию да Федосью с семьями. Что Адам Левицкий, что Виталий Ольшевский, были такие же трудяги, крестьяне, так же смотрели на

мир, на свое предназначение на земле. Так чего делить, о чем спорить? Лучше чокнуться рюмкой с горилкой, спеть хором чудные украинские песни и знать, что каждый из них в случае беды подставит плечо другому.

В семье сохранилась фотография, которую взрослая Ниночка, несмотря на выпавшую ей трагическую судьбу, берегла, и на которую потом не могла смотреть без слез. Фотография наклеена на пожелтевший от времени картон, на обороте рукой Дмитрия крупными четкими буквами написано:

ГОРТОК ЗНАТІЯ НА ПАМНЯТЬ 25-го апреля 1926 года. Д.П.Корзун

В ряд слева направо стоят: серьезный Филипп, улыбающийся Александр, немножко ссутулившийся худой Адам Левицкий, постаревший, опустивший плечи, с грустным взглядом, Дмитрий, спокойный Тихон и высокий красавец-поляк Виталий Ольшевский.

На переднем плане сидят из жены, также слева направо: Елена, жена Александра с двумя детьми у ног, затем с отстраненным выражением лица, с цветком в руках интеллигентная Филиппова Ольга, красивая и молодая на вид Мария Левицкая с сыном Всеволодом на скамеечке. Рядом Федосья Ольшевская с сыном Витей на руках, Мария, мать Ниночки, с сыночком Петей. Последней в ряду справа сидит пожилая женщина, в черной одежде, темном платке, надвинутом на лоб, сложенными на коленях натруженными руками. Можно предположить, что она чья-то мать, но это Катерина, жена Тихона, мать шестерых детей. Жизнь состарила ее раньше времени. Темная одежда, платок, повязанный по-старушечьи – она так никогда и не смогла простить себя за смерть дочери Лидочки, случайную, неосторожную, трагическую. Разрывающую душу и сердце на клочки, и которую невозможно отмолить у Бога.

Прекрасная, дружная семья. Пока они напряженно застыли перед объективом, как единое целое, чтобы сохранить память для детей и внуков, запечатлеть мгновение, чтобы после расслабиться, рассмеяться, толпой вернуться к Левицким, где вместе отмечают семейный праздник, продолжить

застолье. Они не знают, и слава Богу, что очень скоро студеный ветер, дующий из далекого московского Кремля, развеет их за тысячи километров друг от друга, безжалостно разлучит братьев и сестер, мужей и жен, отцов и детей. И, самое главное, вырвет их с корнем из благодатной Отчизны, которую они так любят, берегут, украшают хлебными полями и цветущими садами.

В Янушевке, откуда родом была Мария, мать Ниночки, тоже жизнь шла своим чередом. У ее брата Андрея с Адэлей в 1915 году родилась дочь Станислава, Стася, затем в 1918-м сын Юзеф, Юзек. Потом долго не было детей, и только в 1927-м родился Станислав, в 1929-м Сабина.

Андрей похоронил родителей, Станислава и Елену, еще до рождения младших детей. Как он и обещал себе, когда Маруся выходила замуж в чужое село, что родители не будут обделены заботой после ее отъезда, так и случилось. У стариков были внуки, у хозяйства – крепкие руки. Адэля научилась быть хорошей женой и заботливой дочерью. В хате был мир и лад, а когда в ней все спокойно, то и работа спорится.

Настуня хорошо живет со своим австрияком, даже деток нарожали. Этот высокий красавец, а Настуня его привозила к родителям, хоть немного снял с души Станислава груз вины за загубленную молодость дочери, за годы жизни со стариком. Но кто знает, какая судьба была бы у Настуни, не будь того старика? Уж такого богатства точно бы не было! А разве это в крестьянской жизни не главное?

У Маруси тоже семейная жизнь складывается, вот только Господь деток забирает. А что такое потеря родного дитя, Станислав с Еленой знают.

Не приученный роптать на Бога, Станислав вздыхал: «Бог дал, Бог взял...».

Интересно, а есть ли у этой мудрости обратный смысл? Бог взял, Бог дал? Наверное, есть, потому что так и случилось в семье Дмитрия и Марии. В двадцать пятом году, летом, когда еще был жив сынок Петя, зашел однажды в их хату мальчишка восьми-десяти лет. Сирота, голодный, оборванный, грязный, он ходил по хатам и просил милостыню.

- Дяденька, тетенька, дайте кусочек хлеба...

Мария накормила его, разрешила переночевать в сенях. Увидев, что мальчик болен чесоткой, и по-матерински пожалев его, решила оставить у себя, вылечить, а там видно будет. Хотя бы подкормить немножко!

Вымыла в крепком отваре махорки, оттерла грязь, вывела вшей. Вся одежда, в которой Алеша, так его звали, пришел в хату, полетела в печку, а ему была спешно сшита новая из холста. Дмитрий, который, ко всему прочему, был мастером по пошиву обуви, сшил детские ботинки. Через несколько дней по двору гулял чистый, сытый, аккуратно одетый хлопец. Как такого выгнать, опять на скитания? Так и остался Алеша у Корзунов за сына. Ему, оказывается, было к тому времени двенадцать лет, просто выглядел маленьким из-за сиротства и недоедания. Помогал дядьке Дмитрию по хозяйству, что было по силам, учился у того всякому ремеслу. На сытой мордашке теперь всегда присутствовала довольная улыбка. И на вопрос соседей, чей ты, хлопчик? – всегда гордо отвечал:

- Дядьки Дмитрия Корзуна сынок!

Дмитрий как-то заметил, что Алеша тянется к баяну, что хранился у него со времени службы в армии, и который он редко, но все-таки брал в руки, чтобы поиграть во время застоля. Обнаружив такой интерес, Дмитрий купил Алеше гармошку и научил на ней играть. Самому-то некогда забавляться этим, а дети, особенно Ниночка, часто просят поиграть, любят музыку. Трехлетний Виталик, и тот замолкает и сосредоточенно слушает, если отец берет в руки баян. Вот теперь пусть Алеша их и развлекает. А тот, уже прилично играющий, выйдет под вечер во двор, сядет на скамеечку с гармошкой, и льется музыка, звенит, поднимаясь к сумеречному небу. Сбегаются во двор хаты соседские ребяташки послушать гармошку, особенно Ниночкины подружки. Соберутся в кружок вокруг Алеши и поют песни, какие он играет. Глазки строят гармонисту, особенно две Маши, Маша Корицкая и Маша Легенькая, Нинины подружки. А что, взрослые уже, как-никак по двенадцать скоро будет!

Ниночка, которая считала Алешу за брата, обучалась в эти годы грамоте. То, что племянница умненькая, смышленная и любознательная, первым

заметил дядька Филипп. Он был из братьев самый грамотный, ввиду нездоровья пользовался в своем хозяйстве, особенно на поле, их помощью и, понимая, что у них самих дел по горло, платил тем, что обучал их детей грамоте. Приходил в семьи или звал детей к себе и учил читать, писать, считать. Ниночку всегда хвалил, говорил, что она хорошо и быстро все усваивает. В шесть лет она могла уже самостоятельно читать книжки, которых у дядьки Филиппа было много.

Филипп настоятельно советовал Дмитрию отдать Ниночку в школу. Он научил ее самому необходимому, первой грамоте, а о том, каков мир, какие люди в нем живут, исторические события – об этом она должна узнать в школе. Ее пытливый ум иногда ставил Филиппа в тупик. Ей надо учиться!

В сельскую школу Ниночку отдали гораздо позже. Маленькая для своих лет, худенькая, часто болеющая, она пока не смогла бы ходить в школу, стоящую так далеко от их хаты. Поэтому учиться она пошла только в тринадцать лет. Правда, сразу во второй класс, так решила принимающая учительница, проверив ее знания. Проучилась два года, так как школа была трехлетка. Дальше учиться не позволил отец.

- Матери помощница нужна. Нянька для хлопчиков, особенно для Толика. Ты и так знаешь больше, чем твои подружки. Кто из них в школу ходил? Ну вот, никто. И тебе хватит, - больше и не обсуждался этот вопрос.

На пятнадцатом году Ниночку отправили учиться швейному мастерству к знакомой хорошей портнихе. Дмитрий сначала возражал, но Мария настояла.

- Ты посмотри, отец, как она тянется к этому делу. Я ее всему научила, что знаю сама, но этого мало. Времена сейчас другие, никто не хочет ходить в холщовых рубахах и юбках. А другую одежду шить – особое умение нужно. Пусть учится, такое ремесло в руках - ценное. В жизни шитьем всегда кусок хлеба заработать можно.

Семья Котвицких жила недалеко от Корзунов на хуторе, через лесочек и поле, принадлежавшие Ниночкиным родителям. Дочь Котвицких Янина и была той портнихой, что бралась за гроши обучать молодых дивчин шитью. Янина во множестве брала заказы, а ученицы помогали ей, одновременно

обучаясь сложному искусству. Янина сама была еще молодая и красивая полячка, дружила с Петром, сыном крестного Нины, дядьки Тихона и, получается, ее двоюродным братом. Семьи готовились породниться через женитьбу Петра на Янине.

Все было хорошо. Нине нравились ее занятия, шелест тканей, стрекот швейной машинки. Ей удавалось самой придумывать фасоны одежды, детали. Только что на столе был расстелен отрез материи, и вот, через день или два, на плечиках висит красивое платье. Учительница Янина добрая, чуткая, никогда не обидит. Даже уходить вечером домой не хочется, но уже Алеша за ней пришел, чтобы проводить домой. Берегут дочку родители, не отпускают одну идти через лес и поле.

Как гром среди ясного неба, было известие, что и Янина, и ее отец арестованы и увезены в тюрьму Новоград-Волынского. Оказалось, они были связаны с контрабандой из Польши. Ткани, другие товары привозились к ним в обход закона и тайно продавались ими. И учеба закончена, и свадьба сорвалась. Семья Котвицких, кто остался, была выслана из села, а куда, кто знает?

Но теперь Нина знала основы ремесла, свойства разных тканей, взяла у Котвицких кое-какие выкройки. Чему не успела научиться у Янины, додумывала сама. Теперь она была портниха, брала пока простые заказы и зарабатывала гроши в дом. Больше, конечно, платили продуктами, но и это неплохо! Дмитрий, наконец, согласился, что хорошо получилось с ремеслом для Нины. Она теперь не только помощница матери и нянька братьям, а добытчица в дом. И зарабатывает гроши в семью, как он, отец. Несут же ей заказы отовсюду, не только из своего села, но и из соседнего Ужачина, и из Романовки. Строчат по вечерам две машинки в доме, мать Ниночке помогает.

Дмитрий тоже зарабатывал гроши, и немалые, своими руками. Он умел шить красивую обувь, полушубки из овчины. Для обуви они с Марией выделывали кожи от своего хозяйства, шили сапоги, ботинки, а для праздничной обуви себе или на заказ покупали на базаре хром. Сами были обуты, одеты, и достаточно изделий отвозили на базар. Из льна и конопли

после выгонки масла вытягивали волокно, ткали холсты. Из вычесок делали веревки на особом станочке для хозяйства, а излишки – опять же на базар. Из овечьей шерсти Мария, пряхшая ее на самопряхе, вязала носки, чулки, рукавицы.

Все шло в дело, все приносило прибыль. Да, минутки свободной нет, но так все живут. Кроме лентяев, конечно.

У Ниночки была подружка, Маша Лёгенькая. В хате одиннадцать детей мал-мала меньше, шаром покати из одежды и еды, а у хозяина шинок – дом родной! Пролетарий, как сейчас говорят!

У отца теперь, ко всему прочему, новая забота. Четверо братьев Корзунов еще в 27-м году начали строить небольшую мельницу-ветряк. В селе была мельница, но на ней приходилось выстаивать с телегами очереди, платить за помол. Не лучше ли свою построить, благо, есть из чего? Возвели мельницу рядом с хатой Дмитрия, потому что она стоит на возвышенности, не то, что у остальных, хаты немного в низинке. Его же и назначили ответственным за помол на сторону, если односельчане пожелают свое зерно у них смолоть.

И, правда, заказов было много. Кроме своего зерна, братья успевали смолоть зерно и соседям, и родственникам. Даже из Ужачина приезжали, прослышав о новой мельнице, где мелют быстро и хорошо.

Глава тринадцатая.

Грянула коллективизация. Как лютый мороз среди летнего дня, как страшная украинская гроза, зажигающая молниями пожары, как буря, выворачивающая с корнем вековые дубы...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Бедняки всех мастей, собирайтесь в колхозы! Вам кулаки-кровопийцы не давали хорошо жить, так вон их с нашей земли! Теперь мы хозяева! Все, что они нажили, поделим и разберем себе! Долой, долой, долой!

Это как та идея, за которой по полям гражданской войны гонялись с двух сторон красные и белые. Правда у каждого своя, только кровь, что текла из ран, одинаковая. У лозунга «Заводы - рабочим, землю – крестьянам!» тоже две правды: а кто те, кого вы собрались прогнать с этой земли, разве не крестьяне? Разве не их соленым потом полита эта земля? Что делать с их правдой?

Бедняки, вступившие в колхозы, ничего не могли принести с собой в общий котел – нечего! Дворы-то пусты! Надрывались на собраниях горлопаны-лодыри:

- Вот сошлют кулаков в Сибирь, мы заживем и, как мак, расцветем!

Известно, что мак короткоцветущее растение. И яркие лепестки его осыпаются быстро. На Украине, когда ее в 29-30-м годах «очистили от кулачества», уже через три года наступил голод.

Семья Корзунов, о чьей судьбе эта книга, и которую коллективизация хлестнула, как ножом по шее, не знала и не ведала ни дат, ни названий директив и распоряжений из Кремля, выполняя которые, резвые бригады очищали украинскую землю от кулачества. Огромная ошибка эти коллективизация и раскулачивание или правильное судьбоносное для страны решение – рассудит будущее, далекое грядущее. Пусть останется заботой учебников по истории разбор и анализ тех карающих документов и реальных событий страшных лет.

А крестьяне, украинские мужики-хлеборобы, втайне от которых готовилась разворачивающаяся кампания, нет, не коллективизации, а раскулачивания, спокойно трудились на своих полях, в своем хозяйстве, надеясь, что не затронет их эта волна, раз пока все тихо. Но! – все-таки грянуло!

И сейчас на Украине стоит плач, громкий вой, от которого Бог, похоже, заткнул уши. Народное горе, стон брошенной хлеборобами земли – вот что такое это раскулачивание.

Зимним январским вечером тридцатого года, в последний день месяца, в хате Дмитрия и Маруси Корзунов тихо и спокойно. Хозяйка укладывает в кроватку двухлетнего Толика; пора малышу спать, уж темно на улице, да и глазки у него слипаются. Шестилетний Виталик крутится возле мамы, она обещала ему на ночь сказку. Алеша в дальней горнице тихо перебирает лады своей гармошки, подбирая мелодию услышанной недавно в гостях песни. Все вечерние дела переделаны, печь протоплена, чуть прыгает огонек в керосиновой лампе на столе в зале. Покой и уют разлит в хате. Сам хозяин с шестнадцатилетней дочкой Ниночкой в прихожей одеваются потеплее: пусть не стужа на улице, но зима, как ни крути.

К крестному дядьке Тихону приехал погостить сын Илья. Он был уже достаточно взрослым, жил и работал в Новоград-Волынском. Его редко отпускали с фабрики, и в каждый его приезд родственники старались встречаться. Все-таки городской житель, может быть, какие-то новости привез. Дмитрий с Ниночкой, желая увидеться с ним, выбрали вечернее время, когда можно и посидеть, и поговорить спокойно.

В этот вечер в хате Тихона веселились от души, крестный с отцом Нины играли на балалайках, Ниночка с Илюшей танцевали. Ниночка к своим шестнадцати годам из хрупкого, угловатого подростка превратилась в девушку: миниатюрную, тоненькую, с копной длинных, ниже плеч, русых волос, с тонкими прямыми бровями, большими голубыми глазами на круглом лице. Прямой польский нос, яркие губы, приоткрывающие заметную щербинку на передних зубах, которая ничуть не портила очаровательную улыбку. Есть люди, у которых, когда они улыбаются, в

глазах остается холод. А Ниночка улыбалась вся: губы, глаза, сама вся светилась. Добрая, чистая душа!

Она никогда не забудет этот вечер, потому что он был последним счастливым вечером, рубежом двух ее жизней. Одной – до вечера, другой – после.

Они с отцом возвращались домой не обычной летней, заметенной сейчас снегом, дорожкой, через поле, а по окраинной улице села, в обход своей усадьбы. Ниночка крепко держала тато под руку. Под ногами скрипел снег, январская поземка белой пеленой окутывала ноги. По обеим сторонам дороги редко тулились хаты с соломенными крышами, низко надвинутыми на маленькие окна, в которых кое-где мерцал огонек.

- Тато, слышишь? – остановилась Ниночка. – Слышишь? Тенькивка журчит! – За крайней по дороге хатой, но довольно далеко, блестела под луной маленькая речушка, которая никак не хотела замерзнуть зимой, то ли от большой скорости течения, то ли от своего веселого нрава.

- Да ты что, доню! Как ты ее слышишь? Далеко же!

- Слышу, тато! И ты услышишь! Тато, как же я люблю свой край, свою Федоривку, нашу хату, маму и тебя, тато! Всю Украину! Я никуда отсюда не уеду, всю жизнь хочу прожить здесь...

- И я, доню, то же самое чувствую. Только Тенькивку твою не слышу, - рассмеялся Дмитрий.

Поздно вечером, когда семья спокойно повечеряла, маленькие братики сопели в своих кроватках, Ниночка, уже тоже лежа в кровати, мечтала и грезила о своей будущей жизни. Мама гремела на кухонной половине хаты горшками, наводя порядок, тато с Алешей зачем-то вышли во двор. Украинская ночка накрыла село метельным покрывалом. И луна, и звезды, обычно весело мигающие с бархатного неба, спрятались сегодня от глаз людских за снежной круговертью. Наверное, им было стыдно за то, что начиналось под покровом ночи в несчастной Федоривке.

Семья Дмитрия, ничего не ведая, спокойно переночевала. А утром пришли за тато...

Как потом оказалось, поздно ночью, когда ни в одной хате уже не светился огонек, к Тихону постучал в дверь молодой паренек, друг Ильи, живший в селе и работавший в сельсовете посыльным. Его тайный приход был для семьи громом с ясного неба.

- Илья, сейчас же уходи обратно в город, уезжай, как можешь, - торопился сказать друг. – Утром придут за твоим отцом, арестуют его, могут и тебя с ним забрать. Прячься пока где-нибудь!

- Как арестовать, за что!?! – запрочитала жена Тихона Катерина.

- Что ты, Грицько! – побледнел Тихон. - Что ты такое говоришь?

- Да слышал я так: говорили сегодня на собрании, сказали – кулаки, мельница у вас. Решали, кого раскулачивать. Вот и вас назвали.

Выскочил Грицько из хаты в ночь, закрутились у порога влетевшие в дверь снежинки, растаяли. А горе в хате осталось. В состоянии ужаса от известия забыли у Грицька спросить, кто еще в том страшном списке?

Тихон сидел за столом, опустив голову и обхватив ее руками. Катерина причитала, стоя на коленях перед божницей в кухне, в голос вымаливая у богородицы пощады для мужа, защиты от такого страшного, неведомого горя. Сыновья Петро и Виталий, уже юноши, и маленькие еще дочери Лида и Оля, спавшие в своих кроватках, выскочили в кухню на горестный плач матери. Илья в растерянности стоял рядом с отцом, не зная, что предпринять.

- Тато, что делать? И, правда, бежать? Сейчас, ночью?

Тихон, наконец, оторвался от своих тяжелых дум.

- Вот что, Илюша, собирайся немедленно и уезжай. Запрягай в седло Сивку и скачи в город. Да схвайся пока где-нибудь! Коня оставишь у Левицких, брату Виктору обскажи все, что в хате нашей случилось, пусть будет настороже. Хоть и учится там, далеко от нас, а кто знает, что власти надумают. Если почувете неладное, прячьтесь оба, вместе. Мать, не реви, собирай Илью в дорогу!

- А вы, - он повернулся к Петру с Виталием, - оденьтесь, да запрягите Сивку! Принесите из кладовой полушубок мой желтый, тот, что дядька Дмитрий сшил. Илье ночью по холоду скакать, ему нужнее.

- Тато, а ты как же? Что с тобой-то будет? – И дети, и жена с тревогой смотрели на отца.

- Не знаю, ничего не знаю пока. Но не верю, не должно такого случиться. За что арест, в чем я виноват? Дождемся утра, может, это ошибка, и все выяснится? Но ты, Илья, все-таки уезжай от греха.

Никто, кроме малышей-дочерей, не заснул в хате Тихона до утра. Разыгравшаяся метель засыпала снегом следы умчавшейся в ночь лошади, фыркавшей от недовольства. Что за хозяйева, выгонять ее в такую погоду? Резкий ветер выбивал из лошадиных глаз влагу, а слезы то были, или нет, кто знает? Как и у Ильи, рукавицей смахивавшего со щек то ли тающий снег, то ли следы тревоги и душевной боли.

За Тихоном пришли утром. Не сбылась надежда, крохотным огоньком согревавшая его этой ночью. Первым февральским утром тридцатого года десятки федоривских мужиков увели из родных хат, вырвали из рук цепляющихся за них в рыданиях жен и деток, и увезли. Сначала на станцию, а потом, долго не мешкая, затолкали в вагоны, как скотину. Застучали колеса на стыках железной дороги, развозя в разные стороны большой страны крепких украинских работяг, туда, где требовались рабочие руки этой стране.

За Дмитрием тоже пришли этим же утром. И если его старший брат Тихон хоть как-то был предупрежден, то для Дмитрия это было неожиданным ударом.

- Как арест, за что? Все зерно и продукты, какие было положено, я государству сдал, власть нашу нигде и никогда не хулил. За что же, мужики? Если знаете, скажите!

- Так мельница у тебя и батраки... На собрании колхоза вчера было решено вас, таких мироедов, раскулачить! Поедешь в Сибирь-матушку, поморозишь задницу! – Незнакомый, приезжий милиционер поправил винтовку за спиной. – Одевайся скорей, некогда с вами разговаривать! На станции вагоны ждут вас, кровопийцев!

- Какие батраки? Никого у меня нет! Всю жизнь я своими руками все делаю!

- Как же своими? Бреешь, сосед! – вступил в разговор посланный сельсоветом и пришедший с двумя милиционерами сосед Дмитрия, дальний родственник по жене брата Александра, мужичонка плюгавый, ленивый, бедно одетый, так как был известным в округе любителем заглянуть в шинок. – А вот Алеша? Горбатится на вас хлопец столько лет. Что, не батрак? И дед Василек на вас работал, из Романовки который. Тоже батрак!

Мужичонка вдохновился своей обличительной речью и продолжал:

- Мельница опять же у тебя, ветряк! Что скажешь, не батраки там работают? Я на собрании вчера так и сказал, кулак сосед! Чистый кулак, кровопивец! Вот очистят от таких Федоривку, тогда и мы заживем!

Никто не дал Дмитрию объяснить, что не батрак их Алеша, а, можно сказать, сын, спасенный от голодной сиротской доли, что называет хозяев вслед за их детьми мамой и тато, что накормлен и обласкан, как и остальные детки, и спрос с него такой же, по его возрасту. А дед Василек из Романовки, бедный и малосильный мужик, почти старик, всего один год работал у Дмитрия по хозяйству, за что был накормлен, обут, одет, а заработок грошами относил семье. И принят-то был из жалости, по горячей просьбе: хозяйства нет, а семью кормить надо. Вот и ходил из хаты в хату в Федоривке, просил, кому что помочь надо, продукты да малость грошей получая за работу.

И на мельнице нет батраков: то привозившие на помол зерно романовские и ужачинские мужики помогали Дмитрию с мешками, чтобы быстрее смолоть да домой ехать. Из четверых братьев, выстроивших ветряк, Филипп был больной, не работник, и у Александра жинка, Елена, приболела, так пока ему дома с ней и детьми заботы хватает. Вот Дмитрий с Тихоном вдвоем на мельнице и управляют. Что за грех, если мужики помогут?

Но кому до этого дело? Уж никак не милиционерам, кому по долгу службы не велено жалеть арестантов, а требуется как можно быстрее собрать их по хатам да сдать на станции другим провожатым. И не мужичонке-соседу, завистливому, ленивому, подглядывающему к соседу через забор вместо того, чтобы трудиться, не покладая рук, как он!

Выдернули любимого тато из хаты, не дав, как следует, собраться, взять с собой что-то, кроме котомки, в которую плачущая Маруся наспех покидала кое-какой еды в дорогу. Куда их тато повезут? Надолго ли расстанутся? Неужто не увидеть более родного лица ни Марусе, ни их деткам? Господи, слышишь ли ты, что на твоей земле делается?

Осиротели десятки хат в Федоривке. Бабий вой и детский плач плывет над этими хатами, среди садов, уносится ветром через осиротевшие поля, куда? Неведомо...

Если бы могли эти горестные звуки достигнуть ушей отцов и мужей, вырванных из семей, что остались без кормильцев, донести до них глубину горя и страха, их тоски! Но нет, уже далеко от Украины везут грязные и тесные вагоны невесть в чем провинившихся хлеборобов, кого на лютый Север, а кого и вовсе в неведомую Сибирь...

О чем каждый из них думает под стук колес? Не о том ли, что случилось с его отчиной, родной Украиной! Как далеко позади ты осталась, как тяжело расставаться с тобой! Вырвали нас с корнем из твоих просторов, везут насильно в какую-то далекую неизведанную Сибирь... А ведь люди говорят, что там птицы на лету замерзают и падают на землю. Как же мы, жители теплого края, там выживем? Значит, на смерть нас везут! Родная земля, отчина наша, не видеть нам более твоей красоты, не греться под теплым солнцем, не слышать шепота черешневых и вишневых листьев в твоих садочках, не пропускать меж пальцев влажную землю на своей пашне по весне, не брать в руки летним днем тяжелый колос на поле с житом. И прекрасные украинские ночи с бездонным черным небом и сверкающими звездами не обнимут уже никогда наши плечи, и чистый, неповторимый воздух нашей родины, которым не только дышать, а который пить надо, как сладкий взвар, никогда не коснется наших губ! Украина! Кровь на наших лицах, кровавые слезы на глазах, кровь в сердце – так тяжело расставаться с тобой! Ждут нас только могилы в ледяной Сибири! Господи, за что? Плачет наша душа...

В дороге братьев Корзунов разлучили. Дмитрий был увезен в Архангельск, далекий северный город, а Тихону путь выпал в Сибирь, в самое ее сердце. В Каргасокский район Томской, а тогда еще Новосибирской, области, лежащий среди обширных Васюганских болот. Пустынная, необжитая местность, дремучий лес, лютый холод зимой и тучи гнуса летом.

Дмитрий в Архангельске работал на лесоперевалочном комбинате, ворочал вручную тяжелые бревна. Условия жизни ужасные, холодные бараки с сыльными переполнены, питание скудное и плохое, лечебная помощь практически отсутствует. Чему тут удивляться, что мужики умирали? Вынесут из барака, закопают где-нибудь подальше, как и не было человека.

Дмитрий от невыносимых физических и моральных страданий заболел. Постоянные думы о доме, об оставшейся на Украине семье, не давали покоя. Связи с ними нет, и не знаешь, что у них дома, как выживают без него, не затронула ли и их лихая беда? Болел желудок, особенно вечером, после трудового, такого долгого, дня. Докторов нет, лекарств нет. Подышайте, раз такие слабаки, кулаков в России много, привезут еще.

Господи, или ты, кроме ушей, и глаза закрыл?

Глава четырнадцатая.

Двух других братьев, Филиппа и Александра, такая беда обошла стороной. Или не было завистников и некому было прокричать на сельских собраниях их имена для высылки, как кулаков, или разнарядка из волости была полностью исполнена, но братья остались дома, с семьями.

У Филиппа хозяйство небольшое, сам болезненный, работать много не в силах, да и для кого? Детей нет, и не будет. Жена Ольга не хотела ничем заниматься по хозяйству, да и, по большому счету, оно ее вовсе не интересовало. Мало замечающая мужа, витающая в облаках, все свободное время отдающая книгам и мечтам – уж точно не деревенский житель!

Вот и теперь, едва по селу прокатилась первая волна высылки мужиков, и в воздухе повисла такая же угроза для многих других, Ольга спешно покидала в сумку свои вещи, упаковала книги, и с первой же оказией укатила в Новоград-Волынский, а потом куда-то дальше, наказав Филиппу не искать ее и навсегда забыть. Не настолько крепка ее любовь, чтобы оказаться с ним в Сибири. А простит ли он, это уж его забота, ее же ничего более не держит в опостылевшем селе.

Александр жил победнее своих братьев, Тихона и Дмитрия. Четверо детей не доросли еще до полноценных помощников, а один много ли наработаешь, если жинка часто недомогает, и на него ложится еще и женская работа? А теперь еще надо помогать семьям высланных братьев. Господь не простит, если от них отвернуться.

Незаметно подошла весна.

Власть заставляла всех, несмотря на отсутствие кормильцев, пахать, сеять, чтобы сдать потом урожай государству. Где в семье оставались взрослые сыновья и дочери, там было справляться не так тяжело. В семье тетки Катерины, хотя старшие сыновья Илья и Виктор прятались где-то в городе, оставались 19-тилетний Петро и 17-тилетний Виталий. На их плечи легли заботы о семье, и пахать и сеять пришлось им. Помогали братья отца, Филипп

и Александр, да Базыль Юрчук, их двоюродный брат, живший бездетным бобылем.

Семье Дмитрия Корзуна приходилось очень тяжело. Тягловой силой в хозяйстве стала Мария. Правда, Алеша, принятый в семью сыночек, крепенький хлопчик, трудился рядом с ней изо всех сил. Ниночка с Виталиком делали, что могли. И Филипп с Александром и Базылем помогали им так же, как и семье Тихона.

Пахать и сеять пришлось в это лето не столько, сколько было при Дмитрие, но и не намного меньше, так как надо сдать государству и зерно, и мясо, и прочую продукцию крестьянского хозяйства в определенных объемах. А что себе-то останется, ведь надо есть-пить? Значит, надо так рассчитывать, чтобы не помереть с голоду.

Так и работали все лето между слезами, или, вернее сказать, плакали между работами. Не просыхали глаза Маруси, каждый вечер становилась она на колени перед иконами и молила Бога, чтобы скорее тато вернулся, живой, а уж они дождутся. И Ниночка шептала за ее спиной те же слова, добавляя от себя, чтобы Господь сохранил не только тато, но и маму, потому что, если с ней что-нибудь случится, тогда им всем не жить.

Надежда, что власти, наконец, разберутся в ошибке, вернут кормильцев в семьи, была в селе сильной. Женщины верили, что так и будет, что это произойдет обязательно. Поэтому в прошедший поздним летом по селу слух, что будут высылать и семьи вслед за мужиками, никто не поверил.

Еще до ссылки мужчин, осенью 1929-го года, дальний родственник Корзунов, работавший в государственных органах Новоград-Волынского, видимо, что-то зная, пытался их предупредить о будущем раскулачивании зажиточных крестьян в селах, под которое и они могут случайно попасть, и советовал продать все свои «имения», как он сказал, да купить в городе дома.

По случайности, а, может, по знаку божьему, который братья не распознали, в Новоград-Волынском как раз в это время продавался шестиквартирный дом.

Дом этот после долгого общего спора и совета братья решили купить, осмотрели, в цене сторговались и даже дали задаток. Но в плане политики в

государстве все оставалось пока спокойно, а как оторваться от всего, что нажито? И какие из них городские жители, что они будут в городе делать?

Так и решили, что остаются в селе, в своих родных хатах, а там, что Бог даст. Если что-то в государстве изменится, успеют в город переехать, дома там всегда продаются.

Но не успели. А теперь уж куда двигаться, без Тихона с Дмитрием? Надо их в своих хатах ждать, верно, скоро вернутся. А как же иначе? Тем более, что недавно, почти через полгода после высылки, и Тихон, и Дмитрий прислали по весточке домой. Радость была несказанная! Им разрешили написать письма, наверное, отпустят скоро. Тато пишет, и дядька Тихон тоже, чтобы они набрались терпения, жили тихо, ни в чем власти не перечили и ждали отцов домой.

Ниночка отвечала на короткие письма отца, которые приходили редко, но все же приходили, что они во всем следуют его словам, живут тихо, каждый день молятся с мамой о его здоровье и ждут тато домой. Не писала только о том, что в селе в такие лихие времена стало беспокойно, известны случаи воровства и даже убийства. Зачем тато лишний раз тревожить, ему там ох, как несладко. Тем более, что мама просила приходить ночевать дядю Базыля, и теперь им не так страшно по ночам, все-таки и он, и уже почти взрослый Алеша в доме.

А Алеша-то, тато, Алеша! Такой бравый стал, только грустный и молчаливый всегда. Но иногда возьмет гармошку и играет во дворе, когда ее подружки приходят. А сам все посматривает на Машу Корицкую, как будто только для нее играет. Что это, тато, любовь?

Слухи о высылке семей к мужьям в Сибирь становились все упорнее. Женщины плакали, старались не допускать даже мысли об этом, но тревога разъедала сердца и души.

Ниночка через много лет явственно помнит один их с матерью разговор.

Смеркалось. Казалось, все работы по дому переделаны и можно отдохнуть. Но именно в такие минуты подкатывала острота горя, тоска по родному тато и тревога о будущем. Мама, как всегда, вытирала слезы и натруженными

руками заплетала на ночь свои роскошные волосы в косу. Тато так любил их гладить. Он маму любил, жалел и берег. Он был добр к ней, к детям, да и вообще к людям. У Ниночки было счастливое детство.

- Мама, сегодня тетка Катерина сказала, что слышала, будто и семьи врагов народа будут ссылать! Мама, как же так! Неужели и мы поедem в Сибирь?

- Что ты, доню, нет. Бог не допустит. Не совсем же люди звери... Тот Будковский, что в сельсовете работает, нам дальняя родня. Если что-то станет известно, пойду к нему, упаду в ноги, умолю... Куда нам с малыми детками от родной хаты, от жита, от нашей криницы?

- Мама нас защитит, - решила про себя Ниночка и успокоилась. Да и потом, когда-то же тато вернется к ним, и они должны быть дома.

Светлая вера в то, что все восстановится, поддерживала их всех.

Наступил октябрь. Хлеб сжат и сдан государству. Огороды убраны, усадьбы вычищены. Скот мясом сдан, шкуры сданы, шерсть, масло, все по разрядке, как положено.

Осень – время свадеб на Украине. Но какие могут быть свадьбы в жестоком тридцатом году, когда чуть ли не под каждой соломенной крышей слезы и горе? Пусто без кормильцев, а в амбарах пусто без запасов хлеба.

В одно воскресное утро в хату пришел сельсоветский посыльный и позвал Марию на собрание. Ниночка пошла с ней. К их удивлению, по улице в сельсовет спешили женщины, и все из обездоленных хат. Они тревожно переговаривались, гадая о цели вызова.

- Наверное, что-то про мужей наших скажут.

Как гром среди ясного неба прозвучали слова председателя сельсовета, злого и крикливого мужика.

- Вам с детьми тоже ссылка, поедете к своим мужьям. Не нужны нам в Федоривке враги народа, кулаки-кровопийцы. На сборы – неделя.

Горю не было предела. В числе прочих семей, подлежащих высылке, объявили семьи Тихона и Дмитрия.

Продавать ничего не разрешили: не только хату и постройки или крупный скот, но и домашнюю утварь не сметь трогать. Все будет роздано беднякам,

которым вы жить не давали. Отольются теперь вам их слезы, богатеи проклятые!

С собой можно было взять только необходимый минимум: немного еды, верхнюю одежду, постель. Вот тут-то и началась суматоха. Приходили родственники, помогали собираться. Срочно зарезали телка, наделали колбасы, сложили в ведерный бидон и залили топленным салом. Зарубили четыре курицы и гуся, зажарили в дорогу. Приготовили мешок муки и мешок пшена, упаковали в большие корзины белье и постели, теплые одеяла укрывать детей. Четыре подушки в узел, а в ящик из-под баяна сколько-то ложек, вилок, чашек, тарелок, ножи, ножницы, нитки, иголки. Даже лопату и тятку без ручек. В другой ящик упаковали разобранную и проложенную тряпками ножную швейную машинку, эту драгоценность для Марии и Ниночки. Вот и все, что успели собрать.

Еще не успела семья покинуть хату, а уже, с разрешения сельсовета, потянулись бедняки за обещанным добром «кулаков». Кто-то приходил пешком, объявляя, что ему разрешено сельсоветом взять, и запрягал лошадей в телегу с добром, что нашел в сараях, кто подъезжал на своей подводе, загружая ее домашней утварью. Бедняк Легенький увел корову, еще один – супоросную свинью. Когда и кто унес курей и гусей, увел овец, никто не видел, скорее всего, под покровом ночи.

Что происходило в хатах назначенных к высылке семей, трудно описать словами. Даже через много лет страшно было вспоминать царивший тогда ужас перед неведомым будущим, горе, слезы и тяжелое прощание – прощание навсегда.

За два-три дня до отъезда в хату пришел молодой парубок, по фамилии Брудовский, из семьи бедняка. В семье Дмитрия этого парубка почти не знали, его семья жила недалеко, но нелюдимо. Высокий, худой, лет двадцати пяти.

- Тетка Мария, я вас очень прошу, оставьте вашу дочь Нину мне. Я на ней женюсь, буду жить в вашей хате с ней на вашем хозяйстве. Я буду заботиться о ней. Зачем ей с вами в Сибирь? Я давно ее приглядел. Оставьте!

Ниночка, и так плакавшая, не переставая, совсем залилась слезами и бросилась к матери.

- Мама, нет! Не оставляйте меня, я с вами поеду!

Мария обняла дочку и спрятала ее за спину.

- Нет, сосед, этого не будет. Дочка моя не вещь, чтобы сельсовет распорядился, кому ее взять. Иди с Богом с хаты!

- Но она же может там погибнуть от холода! Пожалейте дивчину, оставьте ее мне!

- Погибнем, так все вместе, - твердо ответила Мария. – Уходи от греха, пока я ухват не взяла, благо, его еще не унесли такие, как ты. Алеша, закрой за ним дверь в хату.

Алеша обивал порог сельсовета, требуя, чтобы его отправили в ссылку вместе с семьей, но ему резко отказали. Чтобы он даже не равнял себя с врагами народа, что холодной Сибири достойны только они, а он, бедняк и правильный украинец, должен помогать украинскому народу на своей земле строить прекрасную жизнь. Нет, это не его семья, и если он не понял, что он был в ней только батраком, то сельский совет ему это разъяснит. А если он будет упорствовать, то им будут заниматься совсем другие люди.

Мария надеялась, что Алеше все-таки разрешат ехать в ссылку с ними, ведь он незаменимый помощник в осиротевшей семье, можно сказать, уже мужчина. Но надежда рухнула. Надо было выживать без всякой помощи. Единственная радость в этих беспросветных днях: как бы то ни было, а они все едут к тато! А уж тато защитит, с тато ничего не страшно!

Наступил день отъезда. Утром 1 ноября прибыла за ними повозка: пара лошадей, запряженных в телегу. К каждой хате, откуда увозили несчастных, подъезжала такая пара с кучером.

Быстро загрузили в телегу все приготовленное в дорогу добро, усадили людей, и обоз из таких телег, которые одна за одной присоединялись к нему по пути, двинулся из Федоривки.

Как можно описать словами то, что происходило во дворе у Марии? Лошади, запряженные в нагруженную телегу, испуганно всхрапывали и косились на

людей, которые кричали и плакали. Солнце скрылось за тучами. День был холодный даже для поздней осени: а что поделаться, предзимье!

Мария сегодня рано подняла свою семью, усадила за стол, стараясь поплотнее накормить их в дорогу. Ниночка помогала есть маленькому Толику, Виталик же исподлобья смотрел в сторону и не брал в рот ни кусочка. Он все понимал и страдал молча. Негоже плакать мужчине, так ему тато всегда говорил, пока был дома. Хватит того, что мама с Ниночкой всегда плачут. А ему надо быть сильным, он теперь старший мужчина в семье, хоть и семи лет.

Скажите, как можно пережить все это? Встать рано утром, сварить бульбу с мясом в горшке, накормить семью, потом отставить и ухват, и горшок в сторону и знать, что никогда, вы слышите, никогда! – больше не держать его в руках, не видеть своей хаты, цветов на окнах, вышитых своими руками занавесочек, не выйти в свой сад, не снять по осени яблочко с яблони, ягоды с грядки...

Последние хаты Федоривки скрылись позади за поворотом дороги.

Как пережить эти минуты и не умереть? Почему не остановится сердце, ведь расставание – навсегда! Господи, да где же ты!?

Глава пятнадцатая.

На такой же точно телеге в обозе ехала и Катерина с детьми. Старшим сынам Илье и Виктору не пришлось попрощаться с матерью и остальными, опасно это. Бог даст, когда-нибудь свидятся, когда закончится этот страшный сон.

На станции в Новоград-Волынском, куда под охраной милиции добрался обоз из Федоривки, стоял шум и гомон. Сюда же подъезжали подобные обозы из других окрестных сел. Шум, крик, плач, ругань милиционеров, щедро раздававших пинки «врагам народа».

Затолкали, как могли, в стоящие на рельсах вагоны огромное количество народа. Многие приготовленные в дорогу вещи брать не разрешили. Что в руках, то и несите в вагон. У Маруси с детьми отбросили в сторону мешки с мукой и пшеном. За корзины с вещами, которые тоже готовились лететь в сторону, уцепились плачущие Виталик с Толиком, тащили волоком изо всех детских сил в вагон, и их семье оставили.

Быстро, с гиканьем, как скот, загнали плачущую толпу в вагоны, заперли на замки, и станция опустела. Только горы оставленных по распоряжению охранников вещей остались на перроне под холодным ветром. Провожать «врагов народа» никому не разрешили, и состав двинулся от станции в тишине.

В переполненных вагонах-теплушках, в каждый из которых затолкали куда более положенных сорока человек, теснота, духота. Вдоль стен нары в два яруса, посередине – печка-буржуйка. На весь вагон – два маленьких окошка с мутным стеклом. У двери большое ведро с крышкой – параша, одна на всех. Вонь, смрад. И никогда, ни днем, ни ночью, не прекращающийся плач. До сих пор не верится, что это происходит с ними, что это не кошмарный сон, хотя стучат колеса вагонов на стыках рельсов, проплывает за окном родная Украина, и все назад, назад! Доведется ли когда-нибудь вернуться? Только надежда на это спасает женщин и детей от сумасшествия...

На полустанках состав останавливался, чтобы кто-нибудь из взрослых под присмотром вооруженных милиционеров выносил парашу. Раз в день, но иногда и в два, приносили в вагон горячую воду вместо чая, ведро баланды и нарезанный на маленькие кусочки хлеб. Всем этой еды, конечно же, не хватало, да и есть баланду было противно: картошка, квашеная капуста и вода. Спасали запасы съестного, которые удалось провезти с собой. Семью Марии поддерживали зажаренные в дорогу куры, хлеб, а потом колбаса из бидона, залитая салом.

Мария с детьми разместились на двух нарах, вверху Ниночка с Виталиком, внизу Мария с маленьким Толиком. Нары достались им около окна. И хотя от него нещадно дуло, все же Ниночка была этому рада: глоток свежего воздуха и возможность видеть проплывающие за окном леса, поля, города и села перевешивали неудобства.

Так ехали две недели. Плач в вагоне понемногу стихал, да и что напрасно силы терять, что выплачешь? Стали привыкать к тряске вагона, разобрались с вещами, устроили детям постели. Берегли еду, на ночь прятали остатки под себя и за себя: многие уже свои запасы подъели и теперь жадно заглядывали соседям в рот. А голод, он ведь с совестью и страхом не дружит, может произойти все, что угодно. Семья Маруси ехала рядом с Катериной и ее детьми. Сыновья Катерины, Петр 19-ти и Виталий 17-ти лет, дежурили по ночам по очереди, оберегая от возможных неприятностей свой уголок.

Женщины переговаривались между собой, вспоминали оставленные хаты, свою жизнь до ссылки, плакали сообща, делили свое горе, как могли. Иногда даже пели: запоет какая-нибудь жинка сквозь слезы любимую песню, и подхватит ее весь вагон. Так и летит вместе с вагоном по просторам земли русской выводимая женскими голосами жгучая печаль.

Коли поїзд у даль загуркоче,
Пригадаються знову мені
Дзвін гітари у місячні ночі
Поцілунки й жоржини сумні...

Шум акацій... Посьолок і гони...

Ми на гору йдемо через гать...

А внизу пролітають вагони

І колеса у тьмі цокотять...

Поезд прибыл на станцию Яя, но из вагонов несчастных не выгружали. У сопровождавших их милиционеров никаких объяснений добиться было нельзя. Как-то все-таки просочился слух, что не готовы для них бараки, поэтому и сидят в поезде. Наконец, через неделю, по вагонам прокатились окрики:

- Всем собираться! Вещи с собой! Остановка на неделю! На сборы час!

Двери вагонов открылись, и люди выходили, хватая ртом свежий воздух. Недалеко от перрона стояли длинные приземистые строения – бараки. Туда всех и вселили. Сыро, холодно, с потолка капает вода. Вдоль стен – такие же, как в вагонах, двухъярусные нары в два ряда, в середине барака одна большая железная печка. Кормили, как и прежде: хлеб, баланда и горячая вода один раз в день. Иногда вместо баланды принесут по стакану муки на каждого, чтобы заваривали сами в горячей воде, вроде пошла для телят.

- Ладно, что хоть как для телят, а не для свиней, - горько вздыхали матери.

Мария и Катерина снова собрали всех детей вместе, расположились на соседних нарах. Говорить могли только о своем неопределенном будущем.

- Мария, - сказала ей как-то поздним вечером Катерина. – Говорят, что нас скоро разлучат. Каждая семья поедет к своему отцу. Твой Дмитрий в Архангельске, значит, тебя с детьми туда отправят. Там все-таки потеплее, чем в лютой Сибири, да и к Украине ближе, когда возвращаться придется. А мне с семьей к Тихону в неведомую Сибирь ехать. Христом Богом прошу, возьми с собой мою Лиду. Она тебе в тягость не будет, все-таки двенадцатый год. Накажу ей во всем тебе помогать. Хочу хоть ее спасти, если мы не выживем там. – И она заплакала. - Возьми Лидочку!

- Не плачь, родная, а то и я слез не сдержу. А там и дети проснутся. – Мария вытерла мокрые щеки. – Горе у нас с тобой одинаковое, да и не чужие мы. Я возьму Лидочку твою. Смогу ли только уберечь, вон какая она у тебя худенькая да маленькая. Как потом оправдаюсь перед тобой? Хорошо, что

ты малышку Олю у сестры дома оставила. Там ей хорошо будет, вот только без матери все равно, как сирота.

- Какая страшная судьба нам выпала, Мария! Что нас ждет? Я каждую ночь плачу, боюсь завтрашнего дня. Ты покрепче меня, хотя и младше намного. Я на тебя надеюсь, не бросай нас, пока мы вместе едем...

- Катя, Катя, ну что ты говоришь! Не изводи себя, а то детей сиротами оставишь. Как-нибудь проживем, нам бы только до наших мужиков добраться. Я тоже плачу от такой беды, от тоски по дому, но надо терпеть. Ты поспи, а я помолюсь, да тоже лягу. Мы здесь, в бараке, уже неделю, значит, скоро дальше повезут. Утром будем укладываться.

Назавтра и вправду объявили сборы, дали для этого один день. Утром следующего дня погнали бегом в вагоны, и состав снова застучал по стыкам свою неумолчную песню.

За долгую дорогу, а потом за неделю жизни в бараке, женщины перезнакомились. Кто-то был и раньше знаком, а многие дальних родственников встретили на соседних нарах. Вели разговоры, гадали о своей судьбе. Мария случайно услышала, что в конце вагона едет семья из Тыснывки.

- Как там Настуня, пойду, попытаюсь узнать. Посмотри за детьми, - попросила она Катерину.

- Помещицу Русецкую тоже выслали, - сказала ей женщина, жившая в Тыснывке. – Ее неделей раньше нас увезли. Нас хотя бы предупредили, а она, бедная, ничего не знала. Приехали за ней, взяли из дома с детьми малыми и увезли куда-то, вроде тоже в Сибирь.

- А Казимир? И старшие дети, с ними что? Бедная сестра моя! – заплакала Мария.

- Это австрияк, что ли? Слыхала я, что этот Казимир, как первых мужиков начали забирать, так исчез. Уехал, не сказавши ей ничего. Говорят люди, что домой, в свою Австрию.

- А дети Русецкого, Мария и Виталий, они-то где?

- Мария вышла замуж в Янушевку за Андрея Бурковского, да ты же знаешь. Под ссылку их семья не попала, дома она, на Украине. А про сына, Виталия, я ничего не знаю.

- Так малых-то Настуниных, сестренку и братика, старшая, Мария, почему не взяла, могла бы спасти от Сибири?

- Вроде бы, в обиде на мать была, за Казимира. Не хотела никак его на место отца. А, может быть, обижалась на мать, что ни капли ее красоты не взяла. Люди разное брехали.

Вернулась Мария на свои нары в слезах. Вот и под Настуней где-то стучат колеса. Ни красота, ни богатство, ни такая ее пылкая любовь к пленному австрияку не спасли от горькой судьбы. Она-то Мария, к Дмитрию едет, и с ним это горе уже пополам будет. А Настуне одной хлебать полной ложкой. Попросить бы у Господа встречи с ней, чтобы помочь, так пути у них разные, ей, Марии, в Архангельск, а сестре в неведомую Сибирь. И проси, не проси, только Господь не слышит их просьбы, иначе не свистел бы ледяной ветер за окнами, и не ехали бы, как скот, жинки с детьми в далекую даль.

Дни тянулись медленно. Но, как бы то ни было, прибыл поезд с несчастными людьми на станцию Томск -1. Вселили их в бывшие военные казармы, которые ничем не отличались от бараков, но были теплее и суше, хоть вода с потолка на головы не капала. У глухой стены нары двухъярусные, а у стены с окнами – в один ряд. Марии с детьми достались места у окон на нижних нарах. Вещи сложили под нары, а что более ценное, так и за себя прятали на ночь. У дверей - параши, в центре огромной комнаты печка-буржуйка. За окнами видна высокая изгородь, вокруг бараков милицейский караул, а всего таких бараков – двадцать один. Это сколько же горя собрано на одной станции, под этими крышами?

Еда, как обычно, хлеб по крохотному кусочку каждому, баланда и кипяток. Спасали от голода скудные запасы, взятые с собой в дорогу: Мария хранила, как могла, колбасу, залитую жиром в бидоне, выдавала к баланде по маленькому кусочку детям. Катерина со своими детьми по-прежнему была

всегда рядом. Она совсем пала духом, непрестанно плакала, слабела от этого, надеялась только на Марию, которая держалась лучше, чем она, и заботилась об обеих семьях, видя, что на Катерину надежды нет.

Неопределенность, полуголодное существование, холод в бараках, тревога за детей причиняли невыносимые страдания. Апатия Катерины добавила много забот дополнительно к своим для Марии. А тут еще и беда случилась. На второй день после заселения, вынося из барака в свою очередь тяжелую парашу, Мария на улице поскользнулась и ударилась коленом об лед, попав на торчашую из него какую-то деревяшку. Ссадина закровоточила через порванный чулок, а чем рану прижечь? Нечем, не предусмотрена для «врагов народа» медицинская помощь. Колено распухло, образовался большой нарыв. Мария места себе не находила от боли.

На третью ночь с момента травмы Ниночка проснулась от маминого голоса, звавшего ее шепотом.

- Нина, Нина! Проснись, дочка! Совсем худо мне... - Нина подошла к матери, которая металась в горячке.

- Нина, придет утром милиционер с едой, позови его ко мне, мне в больницу надо. А если я уже не смогу говорить, сама расскажи, что со мной. Теперь ты смотри за всеми, на тетку Катерину нет надежды. Пусть Петро с Виталием тебе помогают, а ты береги деток малых. Я постараюсь быстро вернуться.

Ниночка заплакала.

- Мама, как же мы без вас? А вдруг нас за это время увезут куда-нибудь?

- Не плачь. Тебе надо быть сильной. Даст Бог, все обойдется. Вас без меня не тронут. Терпи, дочка, скоро до тато доедем. Дай воды попить, задыхаюсь я... Разбуди Петра, сказать ему что-то хочу, чтоб берег свою семью и вас, пока меня нет, или если вовсе не вернусь...

- Мама, мамочка, что вы говорите! – давилась слезами в ночной тишине Ниночка. До утра Петро с Ниной, не сомкнув глаз, не отходили от Марии, подносили ей воду, вытирали мокрый от пота лоб, слушали ее наставления, как поступать в том или ином случае, если она надолго задержится.

А утром пришедший милиционер по просьбе Нины подошел к нарам Марии, молча посмотрел на распухшую ногу, внимательно оглядел прижавшихся к матери детей, заплаканную Нину и сказал тихо:

- Готовьте мать, одевайте. Сейчас заберем в больницу. Ты и ты! – его палец указал на Петра и Виталия, - поможете вынести. Я пойду за подводой.

Марию увезли. Сказали, что в больницу Савиных, у Лагерного сада. Но что эти слова значат для оставшихся детей? – ровно ничего. Что такое Савиных, где этот Лагерный сад? Мамы нет с ними, вот оно, горе. В чужом краю, среди чужих людей, одни. Остается только ждать, когда мама вернется из больницы. Виталик все понимает, страдает молча. Он и так-то всегда немногословный, с внимательным, не по возрасту грустным, как у тато, взглядом, не плачет, но все равно жметя к Нине. А Толик много раз за день тербит Нину:

- А мама где? А мама придет? Я хочу к маме...

Потекли тоскливые дни. Каждый из них проходил в надежде, что откроется дверь барака и войдет мама. Но ее не было и не было, на просьбы детей что-либо узнать о ней милиционеры отмахивались, еще чего!

А Мария в больнице изнывала от разлуки с детьми, от тревоги за них. Боли были страшные, колено загноилось, развился абсцесс. Вероятно, попала в рану инфекция, да и застудила ногу вдобавок ко всему. Хирург при первичном осмотре коротко бросил персоналу на обходе.

- Готовьте к ампутации.

- Нет, не-е-ет, - громко заплакала Мария. - Не дам отрезать ногу, не дам!

- А что тогда с тобой делать, милочка? – вернулся к ее кровати уже отошедший дальше доктор. – Вряд ли можно твою ногу спасти, так чего зря мучиться? Ведь боли невыносимые, так ли я говорю?

- Вскройте нарыв, вычистите, а там я сама буду дальше за раной следить! Доктор, не торопитесь резать, Господом Богом молю! Я раньше видела такие раны, даже сама лечила, я справлюсь!

- Смотрите, какой доктор выискался, она меня учить будет, что делать! Ладно, коли охота тебе страдать от боли. – И обернувшись к

сопровождаящим, сказал: - Нарыв вскрыть, рану вычистить, ей выдать бинты и мази, какие пропишу. Посмотрим на этот случай с другой стороны: а вдруг она сумеет себе ногу спасти?

Он наклонился к Марии и, улыбнувшись, проговорил.

- Так не подведи меня, милочка, обещаешь?

- Обещаю, - прошептала Мария. - Бог спасет меня ради моих деток. Мы едем к нашему тато, я должна приехать к нему здоровой и привезти деток целыми и здоровыми. Ему там и так трудно, да еще я инвалидом приеду. Я должна помочь ему, а не быть обузой. – Мария снова заплакала.

- Ну, ну! – доктор пошел дальше, оставив Марии призрачную надежду, что ампутация ей в ближайшие дни не грозит, а дальше все зависит от нее самой.

И, действительно, после операции, которую ей сделали в этот же день, перевязку медсестры сделали два или три раза, а в остальное время Мария сама очищала рану, накладывала мазь, перевязывала, стирала по возможности бинты, если долго не давали чистых. Нога, с Божьей помощью, медленно, но заживала. Мария уже могла вставать, ходить на костылях по коридору, помогать по мере сил нянечкам в палате: кому из больных воды подать, кому лоб вытереть, кому медсестру позвать, если нужно.

Заканчивалась шестая неделя ее пребывания в больнице. О детях она не знала ничего, кроме того, что все они еще в бараках, никого никуда пока не увозили.

А в бараках в это время свирепствовала корь. Кто и как занес туда инфекцию, неведомо, но скученность и тяжелые условия жизни в грязных и холодных бараках способствовали быстрому ее распространению. Люди заболевали и умирали, как взрослые, так и дети. Особенно, дети. Начинали кашлять, потом покрывались сыпью, горели в высокой температуре и под вой матерей умирали. «Сыпались, как мухи», - вспоминала потом Нина.

Заболели и они, все трое сразу. Нина с Виталиком переносили болезнь легче, а вот ослабевший Толик, бесперестанно звавший маму, был совсем плох. Он уже не вставал, не просился на парашу, испачкал штанишки. Нина

по незнанию вытерла его мокрой тряпкой, чего при кори категорически нельзя делать. Болезнь ушла внутрь, развилась крайне высокая температура.

Восьмого января, утром, на второй день Рождества Христова, маленький Толик, которому было три года и два месяца, умер, задыхаясь от жара, сотрясавшего его маленькое тельце. Нина едва не потеряла от горя сознание. Она горько рыдала, плакал Виталик, вытирала слезы вся семья Катерины.

Сколько же горя может вынести человек и не сломаться? Почему прервалась жизнь малыша в грязном и холодном бараке с кучей охранников вокруг? Кому он угрожал, кому помешал? Ведь рожден был для жизни, для жизни, а не для такой смерти! Ему в его возрасте следовало бегать в родительском вишневом саду, обнимать маму за шею и счастливо заливаться смехом, ловить ручонками летний дождик и быть беззаботным в крепких объятиях тато... Господи, в чем же он провинился перед тобой? Или ты, Господи, таким образом спас от чего-то более страшного в будущем? Неисповедимы твои пути...

Нина, сама еще больная, не понимала, как она расскажет маме, что не уберегла Толика. Ведь та наказывала им с Петром беречь малых деток, а вот не уберегли. Она казнила себя, что явилась причиной смерти братика, что ей только потом сказали, что нельзя при кори обмывать водой тело ребенка. Нина молила, как умела, Бога простить ее за смерть малыша, а маленького Толика принять на небо ангелом. Теперь остались они у мамы вдвоем с Виталиком. Хорошо, что оба уже выздоравливают, может быть, и дождутся маму из больницы.

Пришли в барак охранники с мешком, положили в него трупик малыша, еще один, и еще один, пока не собрали в мешки всех умерших в этом бараке детей, и унесли в сарай, стоявший на этой же территории. На второй день Нина прокралась потихоньку туда, так как ссыльным разрешали иногда прогуливаться по защищенному изгородью пространству между бараками.

А в сарае, и на полках, и на земле, лежат сотни мешков с трупиками детей. Куда их потом увозили, складывая на сани, как дрова, где закапывали или сжигали, про то один Бог знает.

Через несколько дней после этого пришла из больницы мама. На костылях, исхудавшая, измучившаяся в разлуке. А Толика нет. Нет горя страшнее, чем потеря ребенка. Как Мария выдержала, сколько в ней было сил?

Бледную от горя и слабости Нину Мария успокаивала, как могла.

- Нет твоей вины в том, дочка, не казни себя. Значит, такова воля Божья. Толику моему царствие небесное, а нам дальше жить и к тато пробираться. Хотела немного денег сохранить, чтобы около него легче было устроиться, а в больнице украли у меня валенки, в них же было зашито четыреста рублей.

- И что, мама, мы совсем без денег? – спросила Нина.

- Бог миловал, есть еще немного, зашиты в лифчике у меня, знай об этом на всякий случай, дочка.

Нина тоже поделилась с матерью случившейся с ними неприятностью.

- Мама, а ведь у нас здесь тоже украли пальто тато, то, коричневое, и желтый полушубок. Я плакала, так было жалко. Но, мама, Петро с Виталием увидели их случайно вон в том конце барака, и заставили отдать нам обратно. Тетка, у которой они забирали вещи, сильно ругалась, говорила, что ей нечем детей накрывать, а у нас всего много, и что нам они не потребуются, потому что ты из больницы не вернешься...

Нина заплакала.

- Мама, мы так без тебя боялись, так было плохо. Я никогда-никогда никуда от тебя не уйду, мы всегда-всегда будем вместе, мама, да?

- Да, Нина, да. Я с вами, и, даст Бог, больше ничего не случится. Вот приедем к тато, и он тоже будет с нами всегда. А где пальто и полушубок, я что-то не вижу?

- Я под постель себе подстелила, берегу теперь.

- Вот и хорошо, дочка, вот и славно. Я думаю, скоро дальше поедem, мы уж здесь почти два месяца. Господи, убереги нас всех, дай добраться к Дмитрию целыми и поскорее. – Мария закрыла глаза и зашептала извечные женские молитвы.

Через два дня после ее возвращения из больницы, а это были двадцатые числа января 1931 года, милиционеры переписали всех в бараке и

сообщили, что вскоре их повезут дальше, каждую семью туда, где находятся их мужья. А еще через четыре дня снова загрузили в вагоны, подгоняя окриками и тычками несущих свои вещи детей и женщин. Совсем ослабленным помогали такие же несчастные, ни один из охранников и пальцем не шевельнул для помощи.

Теперь путь лежал в Мариинск. Там ссыльных выгрузили в такие же бараки, продержали неделю почти голодом. Женщины терпели, а детям как объяснишь? Они хотят есть. Марии по счастливой случайности удалось через изгородь, которой были обнесены бараки, поговорить с проходящей мимо женщиной, умолить ее обменять на каравай хлеба две красивые фарфоровые тарелки, которые везла в футляре от баяна. Этот хлеб и спасал детей от терзающего чувства голода. Глядя на ее опыт, многие женщины выменивали через забор что-то из своих вещей на продукты.

В начале февраля в бараках охранники объявили сборы: в течение дня все семьи должны упаковаться и приготовиться в дорогу.

- Одевайтесь теплее, кто во что может, - кричали они, - ехать будете на санях. Каждой семье – подвода с кучером. Лошади и их хозяева из соседних сел, все они знают, что повезут «врагов народа», так что поблажек вам не будет. Сопровождать обоз будет милиция, на побег не рассчитывайте!

- А куда повезут, кого куда или обозом? А если теплых вещей нет, ведь мороз такой? А долго ли ехать?- вопросы женщин сыпались на охранников отовсюду.

- Молчать! – кричал главный из них. – Раскаркались! Куда повезут, туда и поедете! А если теплых вещей нет, никто вам их не приготовил. Замерзнете, туда вам и дорога. Кто подохнет, нам меньше заботы! Обоз идет от Томска дальше на север, вглубь области. Там и будете жить.

Мария решила, несмотря на злые окрики, спросить.

- Мой муж в Архангельске, мне с детьми туда надо...

Охранник, здоровый, тучный, высокого роста, свирепый на вид мужик, с маленькими злыми глазами, громадными ручищами, даже дар речи потерял...

- Чего? Тебе надо? Нет, вы ее послушайте, ей в Архангельск надо! Кто вас спрашивать будет! Куда повезут, там и будешь жить. Кулаки вы все и кровопийцы! А еще возиться с вами приходится! Там-то, куда вас отвезут, скоро передохнете, уж поверьте мне!

Мария задохнулась от горя. Снова обман! Значит, не к Дмитрию их везут, а тоже куда-то в Сибирь, и тато своего они могут никогда не увидеть. Слезы подступали к горлу, но Мария не позволила себе расплакаться. Никто не пожалеет, так перед кем слезы лить? Может быть, этот горлопан обманул, может быть, обоз до какого-то момента будет ехать одной цепью, а потом разделится? Надо верить в лучшее...

Так и потянулся по зимней сибирской дороге печальный украинский обоз, как раньше ехали такие же обозы, немецкие, польские и еще невесть какие. Суловский тракт, по которому шел обоз, получил свое название от названия станции Сулово под Мариинском, откуда он начинался, был протяженностью 152 версты, вел строго с юга на север в необжитые районы сибирской глуши и заканчивался в новоотстроенном селе Тегульдет на берегу полноводного и судоходного Чулыма. Тракт был заложен в 1910 году по решению переселенческого ведомства Томской губернии с целью обжить и обустроить дикую, сказочно богатую мариинскую тайгу и берега Чулыма и закончен в 1916-ом. Строился руками переселенцев и был единственной проезжей дорогой в этом краю.

Скрипели полозья множества саней, на которых ехали вещи и маленькие дети, а те, кто постарше, и взрослые вынуждены были брести за своими санями, а то и бежать, чтобы хоть немного согреться. Конвоиры кричали, ругались, оскорбляли несчастных за остановки, когда кому-нибудь нужно было остановиться по нужде. Дети же, как их уговоришь потерпеть?

Мария со своей больной ногой, на которую толком еще и вставать-то не могла, ехала в санях с Лидочкой и Виталиком, в сани были погружены и все их вещи. Нина то шла, то бежала за ними, обутая в кожаные сапожки, которые ей тато еще дома, на Украине, сшил. Пусть и плотная, но легкая подкладка внутри ботинок ее ноги от мороза не спасала, но Нина терпела,

боясь криков конвоя, чтобы не перегружали сани, да и чтобы совсем не замерзнуть, сидя без движения.

Извозчик попался, по всей видимости, сердобольный, потому что по просьбам Марии останавливался без крика и ругани, как другие, и изредка предлагал Нине тоже ехать в санях.

- Садись, дочка, к матери, ноги-то обморозишь! Не бойся, лошадка у меня крепкая, всех вывезет! Устала поди бежать-то!

Но Нина отвечала.

- Нет, дядько, спасибо, пусть мама с малыми едет, а я уж как-нибудь!

Мария заговорила с извозчиком.

- Спасибо тебе, добрый человек. Видать, не очерствел ты душой, раз нас за людей считаешь, а не за скот какой, как конвоиры. Уж не украинец ли ты, раз нашу мову разумеешь, да и выговор у тебя на наш похож?

Извозчик заулыбался и подхлестнул свою лошадку, так как остановившийся было по чьей-то просьбе обоз тронулся дальше.

- Тебя звать-то как, землячка? Мария? Ну что ж, Мария, ты верно говоришь. Я ведь тоже ссыльный, только в эти края давно попал. Обжился, женился, а ридну Украину не забыл. Снится по ночам мне хата наша, садок вишневый. Какое гарное село у нас было! Тоскую до сих пор по всему этому...

- А из каких ты краев с Украины, может, знаю что?

- Так откуда ж ты знаешь, Украина-то большая! А родом я из села Федоривка, что недалеко от Новоград-Волынского, слыхала разве?

Мария не хотела, а слезы так и брызнули из глаз.

- Ох, мил человек, и я оттуда, из этой самой Федоривки! Значит, земляки мы с тобой, почитай, что родные. – Мария вытирала слезы, а они текли, не переставая. – А где ты там жил?

Слово за слово, и выяснилось, что по фамилии он Гнетецкий, поляк, а его родной брат - сосед Броневицких, Дмитрия и Марии, и они хорошо друг друга знают.

Долго под скрип снега под полозьями Мария рассказывала так неожиданно объявившемуся земляку о его родном селе, о многих знакомых, о своей беде, которая выгнала ее с детьми с благодатной родины на трескучие сибирские морозы. О том, что молила Господа о встрече с мужем, а вот теперь везут ее не к нему, а неведомо куда.

- Не кручинься более, Мария, не плачь. Не иначе, как Господь хоть чем-то отозвался на твои молитвы, посадил тебя ко мне в сани, а не куда еще. Я позабочусь о вас, в дороге не обижу, доставлю, куда скажут. И припасом своим поделюсь, коли голодные будете. Грех на душу не возьму, только ведь и я подневольный. И в моей власти помочь тебе только продуктами да добрым словом.

Путь к месту назначения был дальний, и обоз шел по тракту несколько дней. Планировалось, что обоз будет идти неделю, примерно по 20-25 километров в день. Растянувшаяся цепочка саней, более ста подвод, не позволяла ехать быстро, да и основная масса людей двигалась пешим ходом. Пустынная дорога, сильный мороз, неопределенность дальнейшей жизни идущих людей, студеный ветер, треплющий их нехитрую одежку – все это тяжелым грузом лежало на душах несчастных, молча озиравших проплывающие мимо окрестности. Высокая, густая, непривычная для глаз украинцев тайга тянулась по обеим сторонам тракта, ветер тревожно шумел в вершинах деревьев, закуржавевшие лошади фыркали и прядали ушами. Странно и неуместно на этом фоне звучали крики перекликавшихся между собой конвоиров.

На ночлег останавливались в редко встречавшихся деревнях. Их всего-то на пути было шесть: Суслово, Рубино, Кугарт, Тонгул, Крутой и Усть-Сырая. И конечный пункт – Тегульдет. Повозки оставались во дворах, а люди в хатах, куда их пускали переночевать, падали на пол и так спали, одетые, чтобы на рассвете, по первому окрику конвоиров, продолжать путь. Кто покормит невольных постояльцев, а кто и нет. Люди были измучены холодом, голодом, неизвестностью. Если кто и умер в дороге из ссыльных, то Нина не знала и не помнила, а мать ей ничего не говорила. И так горя

хватает. Но Марии их извозчик, Гнетецкий, сказал потихоньку о распоряжении, поступившем перед отъездом от конвоиров: если кто в санях умрет, обоз не задерживать, выбросить на край дороги и ехать дальше. Этот Гнетецкий, дай ему Бог здоровья, стал в дороге для них добрым ангелом: заботился, помогал с ночлегом, подкармливал, ночевал вместе с ними и следил, чтобы никто не обидел.

На вторую ночевку обоз остановился в деревне Рубино. Обширное, богатое поселение. С выбором дома для постоа Гнетецкий не ошибся: жители оказались добрыми людьми, хорошо накормили, устроили на ночлег. Детей положили на печке-лежанке, чтобы хорошо прогрелись, а Марии с Ниной постелили на полу у печки. Нашлось в доме место и для Гнетецкого. Все не раздевались, боясь, что конвоиры очень рано поднимут в дорогу. Несмотря на удобства, хоть и малые, Нина не могла ночью уснуть из-за боли в ногах. Маму разбудить она не решилась, жаль было нарушать такой короткий отдых, но утром встать на ноги просто не смогла. Мария ахнула, когда раздела и разула дочь, и запричитала. Лицо, руки и ноги обморожены, на них водяные пузыри, и шаги причиняют сильную боль. Сердобольная хозяйка принесла гусяного сала от обморожения, согласилась выменять старенькие подшитые валенки на хорошую подушку из вещей Марии, отдала просто так ветхую шубейку, чтобы дополнительно к валенкам накрыть ноги Нины в санях. О том, чтобы той снова идти пешком, не шло и речи. Собрала кое-какие продукты в дорогу несчастной семье и перекрестила на прощанье.

Сидя в санях, укутанная, чем только можно, Нина спрашивала у матери.

- Мама, почему эти хозяева к нам хорошо отнеслись? Они не считают нас врагами? Значит, и здесь могут жить хорошие люди! Я верю, что мы выживем, что тато к нам приедет, раз нам к нему нельзя, что и там, куда нас везут, есть добрые люди. Вот увидишь, мама!

- Дай-то Бог, доню, дай-то Бог...

Однодневная остановка случилась в селе Тегульдет. Конвоиры сквозь зубы сообщили, что нужно проехать еще 20 километров, и тогда уже точно конец пути. Обоз на ночлег расселили по краю этого небольшого села. Велели

отдыхать, собирать вещи. Лошади отдохнут, и ссыльных отвезут в поселок Изорга, примерно в 18-20-ти километрах дальше Тегульдета, где для них приготовлены бараки. Людей выгрузят, и обоз сразу поворачивает в обратный путь.

Мария от такого сообщения вздохнула с облегчением: вот и конец неизвестности, каково бы ни было будущее. Теперь она осталась одна с детьми, сани с Катериной Мария больше не видела, обоз уменьшился, а когда это случилось, и не знает. Все-таки, наверное, многих увезли куда-то в сторону по дороге, может быть и в Каргасок, где у Катерины был муж. Значит, ей больше повезло, чем Марии, и она встретится с Тихоном, хотя это только догадки, на деле может быть куда хуже.

Рано утром следующего дня отдохнувший обоз двинулся дальше. Теперь уже едущие люди с тревогой и интересом вглядывались вдаль, переговаривались, пытались понять, где же им предстоит жить, что принесет им теперь уже близкое будущее. Извозчики подгоняли лошадей: каждому хотелось скинуть побыстрее свой печальный груз и повернуть налегке назад, домой, так устали все от этой выматывающей дороги. Наконец, показались какие-то постройки вдоль санного пути.

- Центр-Полигон, маленький поселок из нескольких домиков, - объяснил Гнетецкий. – Я здесь бывал уже, не первый обоз везем.

Мария спросила.

-А что, здесь тоже ссыльные живут? Нас сюда везли?

- Нет, здесь живут русские, по своей воле давным-давно поселились. В основном, охотники, рыбаки. Таких поселков кругом много, хат по десять ставят. Это чтобы уголья охотничьи были у каждого поселка свои. А другие люди дальше строятся, на свободных угольях. Здесь везде так.

-Ну, а нас-то куда, земляк? – не терпелось Марии.

- А вас в Изоргу. Вот теперь смотри, крайнюю хату проезжаем, направо повернись. Речку маленькую видишь? Курья это. А на той ее стороне вам хоромы отгрохали. Ну, теперь чужь?

Обоз остановился на высоком берегу Курьи. Вниз – крутой спуск, санная дорога по льду и другой высокий берег с широким пологим выездом на него. Несколько домишек, разбросанных далеко друг от друга. Кругом высокие частые деревья, образующие почти сплошную, пугающе темную стену за дереvушкой. Вплотную к кромке леса видны длинные, приземистые строения, которые подъехавшие к берегу люди теперь ни с чем бы не спутали – бараки.

Над притихшим обозом в морозной дымке загремел зычный голос главного конвоира.

- Это Изорга. Здесь будете жить вон в тех бараках. Теперь ваш царь и бог – комендант. Кто выживет – ваше счастье, кто подохнет – туда и дорога! – засмеялся довольный собой начальник конвоя.

Вот так чья-то злая воля подвела измученных дорогой людей к берегу неизвестной сибирской речушки. Сотни несчастных: украинцев, русских, немцев, поляков, взрослых и детей, молча вглядывались в свою будущую судьбу. На другом берегу этой речушки начиналась для них всех новая жизнь.

Глава шестнадцатая.

На высоком берегу маленькой сибирской речушки с красивым названием Курья были возведены несколько больших домов, похожих на бараки, но все же кое-чем отличавшиеся от них. Часть домов строили плотники из окрестных сел, готовя жилье для прибывающих обозов со ссыльными, часть была построена привезенными сюда годом ранее ссыльными из сибирских регионов, так как там раскулачивание и ссылка проходили, начиная с 1929 года. Дома эти были разделены на четыре однокомнатные квартирki, по норме в 24,5 квадратных метра, или на две половинки. Малочисленные семьи заселяли в маленькие комнатки, а если семья была большая, то ей отдавали половину дома. Дома эти были заняты теми, кто их строил, и кто был сослан в Изоргу ранее. От родных мест до места ссылки было не так далеко, и многие приводили с собой лошадку, а кто и корову. Поэтому обжиться на новом месте им было не так трудно, по крайней мере, от голода они не умирали.

На долю же прибывшего украинского обоза достались настоящие бараки, которые строились для ссыльных. Такие бараки были разделены надвое, в каждой большой половине нары в два этажа, в середине комнаты большая железная печка для обогрева. Седьмого февраля тридцать первого года под крышами этих барачков зазвучала украинская, польская, немецкая речь и одинаковые для всех национальностей детский плач да сдерживаемые рыдания матерей.

Марии с семьей указали на барак, вернее, его половину, куда заселили восемь семей. Так получилось, что семь семей оказались немецкими, и только одна – украинской. Пока Мария с больной ногой и тремя детьми добралась до жилья, нижние нары были все заняты. Старый, лет шестидесяти, немец указал ей пальцем вверх, вот, дескать, ваши места.

- Но я на костылях, с больной ногой, видишь же, - забеспокоилась Мария. – Уступите мне одни нары нижние. С тобой рядом мальчик сидит, он сможет наверх забраться, а я нет. Будь так добр, отец!

- Найд, найд! Ты – туда! – он зло затыкал пальцем вверх и отвернулся, как и сидевший на соседних нарах подросток лет тринадцати.

- Бог тебе судья, - с горечью сказала Мария и села на нары рядом с мальчиком. Залопотавший что-то зло по-немецки старик притих, когда Мария подняла костыль. – Уйду я на ночь наверх, не беспокойся, но сейчас здесь сидеть буду. – И добавила с горечью по-украински: - Щоб тобі повилазыло!

Так вот и начинали жить Броневицкие своей поредевшей семьей на новом месте. Продукты в первые дни никто не давал, запасы из родного дома давно закончились. Что сумел им передать втайне от конвоиров их добрый ангел Гнетецкий, то и ели по чуточке в день. Нина и Лидочка терпели голод, понимая, что нечего есть, что и мама голодная, так как последнее им отдает. А Виталик, хлопчик восьми лет, который из-за малости своего возраста должен был плакать от голода и просить еды, все осознавал, молча терпел и только исподлобья глядел на этот жестокий мир. Каждый кусочек делил со всеми поровну и не соглашался брать кусок больший, чем у всех. Милый Виталик! Как же не любить тебя без памяти за твой характер, за понимание, за такое раннее взросление, за попытки стать опорой семьи, как и положено старшему мужчине в семье. Чем и как возместить тебе украденное детство? Только любовью, лаской, уважением, как ни странно это звучит.

Продукты катастрофически быстро заканчивались, несмотря на мизерные дозы еды, и Мария, отложив костыль в сторону, прихрамывая и морщась от боли, шла каждый день в Центр-Полигон, обходила дома и договаривалась в них, что можно обменять из привезенных вещей на продукты, а кое-где и падала в ноги да просила милостыню.

В одном из домов, куда заходила Мария со своей бедой, доброй души хозяева предложили ей помощь. Хозяин дома сказал Марии после ее печального рассказа:

- Послушай меня, горемычная. Я знаю, что такое остаться без мужа с детьми, что такое голод и лишения. Насмотрелся на вас, ссыльных, как вы маетесь, бедные. Вот что я тебе скажу. Я за зиму несколько раз езжу по

Суловскому тракту за мукой. Если у тебя есть деньги, то дай их мне, а я тебе привезу муки, на сколько хватит. Я скоро собираюсь ехать, так что решай, не тяни.

В своем бараке Мария рассказала детям, что ей предложил мужик из Центрo-Полигона.

- Что делать, что делать? – в отчаянии сжимала руки Мария. – А вдруг обманет? Тогда умрем от голода, ни муки, ни денег не будет...

- Мама, наверное, не надо давать деньги чужим, - прошептала Нина. – Он, скорее всего, обманет!

- Отдайте, мама, ему деньги на муку. Не обманет. Он же мужчина. – Все с удивлением обернулись на Виталика, который твердым голосом повторил, - отдайте.

- Хорошо, сынок. Я так и сделаю. Спасибо тебе. – Мария хотела обнять сына и поцеловать, но он сердито вырвался. Что это еще за нежности? Не время для них, да и взрослый он, мужчина в семье. Единственный.

На отданные деньги привез добрый человек, дай ему Бог здоровья, три с половиной пуда ржаной муки прямо в барак. Не обманул! Теперь можно смотреть в завтрашний день чуть увереннее. Немцы, соседи по нарам, всполошились, стали упрашивать и им привезти муку, но мужик отказал, сказав, что ездил этой зимой последний раз. Мария с детьми подняли драгоценный мучной запас на верхние нары и оберегали, как зеницу ока. Всегда около мешков днем был кто-то из детей, а ночью они лежали на нарах за Ниной, отличавшейся довольно чутким сном. Да и Мария спала вполглаза, страшно было лишиться муки.

Шли дни. От комендатуры стали приносить в бараки немного продуктов. Западно-Сибирским крайисполкомом были установлены нормы довольствия на каждый день в местах расселения, куда входили: муки 300 граммов, сахара 6 граммов, а детям 9, соли 15 граммов, крупы 20, лука 15, чаю 3, картошки 195, капусты 100, рыбы 75 граммов. По 7 граммов растительного масла только детям. Но нормы нормами, а приносили, как правило, только

по несколько горстей муки на каждую семью. Конвоиры, охранники или надсмотрщики, как их теперь называть, непонятно, говорили, отдавая муку:

- Вот печка, там вода, варите болтушку и ешьте, авось, не подохнете!

Радуйтесь, что вас зимой привезли, дали вам жилье с печкой, дрова. А летом по реке ссыльных мы на баржах сплавляли. Высадим где-нибудь на пустой берег, и до свиданья! Хотите жить, то сами обустраивайтесь: вот вам лес, грибы, ягоды, звери и птицы. Раздолье, живи, не хочу! И дохли такие, как вы, кулаки и кровопийцы, сотнями, а кто выжил, тот и сейчас там живет!

Уходя, они смеялись своему остроумию, а так называемые «кулаки и кровопийцы», изможденные старики, измученные женщины и бледные и хилые от недоедания дети пустыми глазами смотрели им вслед.

Жизнь в бараках как-то начинала налаживаться, приходиться к единому порядку. Комендатура, находящаяся в Центро-Полигоне, переписала всех ссыльных, взяла на учет. Через месяц после заселения комендатура стала выдавать ссыльным продуктовые пайки по нормам. Конечно, это были крохи, но все же голод отступал. Кто-то выменивал в Центро-Полигоне вещи на продукты, кто-то обходился этим мизерным пайком. Но многие умирали, и от болезней, и от слабости, вызванной недоеданием, холодом, просто непереносимым горем и с ума сводящей тоской.

Марии же за ее муки Господь Бог улыбнулся с небес еще раз. Вскоре после того, как добрый человек из поселка привез ей муки, она в Полигоне, как попросту называли поселок, встретила его жену, такую же добрую женщину.

Мария упала ей в ноги, плача и благодаря за участие и помощь, но та остановила ее и, тоже вытирая слезы сочувствия, сказала.

- Ну что ты, милая! Я же, как и ты, мать, я все понимаю. Пойдем со мной, я тебе дам небольшую квашонку с закваской, и старенькие саночки. Будешь у себя дома заводить квашню, и пусть твои дети везут тесто ко мне на санках, а я буду печь для вас хлеб. Или сами испечете, коли вовремя к горячей печи поспеете.

Так и делали Мария с Ниной. Привозили на санках тесто к назначенному времени, пекли хлеба и отвозили домой. Вот где была радость! Разве можно ее сравнить с чем-то? Вкус этого хлеба ни Нина, ни Виталий не могли забыть никогда. Это был просто дар Божий, спасение. Четвертинку одного каравая Мария каждый раз отдавала старику-немцу внизу для его внука, а они за это уступили Марии одни нижние нары. Старик болел и все более хирел, и мальчишка со страхом смотрел на деда, боясь, что останется один: ни женщины какой, ни других детей около них видно не было. Наверное, их семья и состояла только из них двоих. Остальные немецкие семьи не проявляли желания помочь, жили каждая обособленно, в своем крохотном мирке. Марии, привыкшей по доброте души помогать всем страждущим, видеть это было странно. Она для себя уже решила, что в случае смерти старого немца возьмет хлопчика под свое крыло, какой бы он дикий ни был. Не пропадать же мальчонке, для самостоятельной-то жизни он еще мал. А пока рано беспокоиться, дед скрипит помаленьку. Но каждый вечер, когда Мария укладывалась на нары, с трудом устраивая больную натруженную ногу, ее губы шептали обязательную молитву к Богу, где наряду со всеми своими родными упоминались и немец-дед, и внук его, и две добрые души, обеспечившие им такой вкусный хлеб и спасение от голода.

- Дай нам всем, Боже, здоровья, крепости пережить эту злую годину, увидеться с Дмитрием, вернуться всем домой, в родную хату. Сыночку дорогому, Толику, царствие небесное и вечную нашу память...

А за окнами барачков стучал по земле капелью март. Сибирь Сибирью, а весну никто не отменял. Тем более, что в этом году она выдалась дружная, ранняя. Конечно, и морозы возвращались, да заворачивали, круче некуда, но – весна! А там и апрель начинал радовать ярким солнышком, тающими сугробами, теплым воздухом. Детишкам разрешалось гулять возле барачков, дышать свежим воздухом. Мордашки их розовели на глазах.

- Бог миловал, пережили мы самые тяжелые времена, кажется. Теперь легче будет, - переговаривались между собой женщины-украинки, встречаясь возле

бараков. – Может быть, и мужей наших сюда пришлют. Господи, услышь наши молитвы!

С приходом весны комендатура стала посылать, или как сами ссыльные говорили, гнать, редких мужчин, еще крепких стариков, молодых парней на лесные работы. На стройки требовался лес, его нужно было заготавливать в больших количествах. Кругом тайга густая, нехоженая, руби от души! Следом за мужчинами на эти работы стали посылать и женщин: требовалось рубить сучья, стаскивать их в кучи, заготавливать дрова. Не женская это работа, тяжелая, изнурительная. А где вы видите женщин? Кулачки, кровопийцы, так им и надо. Нечего жалеть, пусть работают, белоручки!

Редкому надсмотрщику, выполнявшему волю партии и правительства, приходило в голову посмотреть на эти белые ручки. Белые ли? А, может быть, натруженные, потрескавшиеся от холода и влаги, от бесконечной стирки, ухода за скотиной, копания в земле, а вовсе не холеные? Но некогда смотреть, да и ни к чему это. Гей, гей, быстрее работайте! Не сидеть, не отдыхать! Стройте теперь коммунизм, мироеды!

Правда, за эти работы понемногу платили, сколько-то продуктами, а остальное деньгами. Трудно, тяжело, но семьи ссыльных как-то выживали.

Марию в лес пока не посылали из-за больной ноги, но и сидеть просто так не позволили. Комендант в Полигоне по фамилии Красношапка был крайне суров и безжалостен. Все ссыльные должны работать, никаких больных и немощных быть не должно. Не можешь работать – подыхай, никто его за эту смерть не накажет. Кулаков привезли сюда вкалывать, а его, коменданта, задача, это обеспечить.

Вот и взял комендант Марию уборщицей в комендатуру, иногда отправлял сделать уборку в его доме. Был крут, угодить ему трудно. Приходилось скрести и мыть много и усердно, чтобы не нарваться на окрик. Еще в ее обязанности входило ухаживать за конем коменданта. Для Марии дело привычное, в своем хозяйстве всегда была пара-тройка лошадей, да приплод, ухаживать за лошадьми она умела. Работая в комендатуре, Мария познакомилась со многими жителями поселка, приходившими к коменданту

со своими нуждами, бывать у них в домах, если комендант посылал с поручениями. У кого-то из них осмеливалась попросить немного хотя бы сыворотки для детей, и ей, как правило, не отказывали. Даже завела дружбу с двумя семьями русских ссыльных, жившими в одном бараке, только в разных половинах, так как обе семьи были многодетными. Хоть какое-то общение, хоть горе свое разделить можно. Посочувствуют друг другу, и легче на душе.

- Запомни, доню, этих людей. Фамилии их Шумиловы и Гаршины. Хорошие, добрые люди, такие же, как и мы, ссыльные. Только раньше сюда сосланы, поэтому и обжились уже. Говорят, жить можно. Но им-то что, они с другого конца Сибири сюда привезены, что для них изменилось? А нам после благодатной нашей отчизны трудно в холоде да гнусе будет. Но все равно, помни, что если со мной, не дай Бог, что-то случится, обратись к ним, они обязательно помогут.

Мария с грустью смотрела на дочку. Ниночка, Ниночка! Тебе бы с подружками гулять, песни украинские спивать, веселые, яркие платья носить... Шестнадцать с половиной лет, самый девичий расцвет. Раньше на Украине в этом возрасте замуж шли, а моя доню и не выглядит на эти годы. Маленькая, хрупкая, бледная, не улыбается никогда, горе и тоска в глазах. Что ж вы наделали, далекие столичные правители!? Украли у юных – юность, у детей – детство, у взрослых - радость жизни и здоровье - у всех. Ради какой такой справедливости, о которой кричали в Федоривке на собраниях мужики-голодранцы? Неужели разбогатели на нашем горе? Умели бы да хотели работать, так и сами жили бы хорошо, а надолго ли хватит им нашего отнятого добра?

Слезы текут из глаз Марии, когда она после тяжелого дня ложится на нары, но не забывает шептать далекому Богу:

- Господь со мной, Господь меня защитит, спасет и сохранит. Меня и мою семью: Дмитрия, детей, Тихона с его семьей, Александра с его семьей, Филиппа, Федосью с Марией и их семьями. Брата Андрея с Адэлей и детками, бедную мою сестру Настуню с малышами, Алешу нашего, который

остался один, без нас. Убереги, Господи, всех добрых людей, которые мучаются рядом с нами, и немца старого, и внука его, бедных. Дай, Господи, здоровья и счастья хозяину с хозяйкой, которые пекут наш хлеб. Отче наш, иже еси на небесех... - И теряются дальше слова молитвы толи в полусне, толи в полуяви. Но Мария твердо верит, что они обязательно долетят до Бога, не сегодня, так завтра, что он услышит ее горячую просьбу и даст все, о чем она молит. Что Дмитрий обязательно приедет к ней и детям, обнимет и защитит, а уж они повинятся перед ним, что не уберегли сыночка Толика, и он простит... А иначе зачем жить, во что верить?

Комендатура разрешала ссыльным писать письма, кто куда желает. Письма отправлялись вовремя, и весной стали приходиться со всех концов страны ответы. Писала письма и Нина. Отцу в Архангельск, благо, адрес был, они писали друг другу еще из дома до ссылки. В Федоривку, Александру и Филиппу, в Янушевку Андрею, брату Марии. Вот только в какую сторону унес злой ветер ссылки дорогую сестру Настуню, неизвестно.

Первый ответ пришел от тато из Архангельска. Какая это была радость! Он жив, он теперь знает, куда их занесло, он пишет, что постарается добиться, чтобы ему назначили дальнейшую ссылку рядом с ними, он приедет! Слезами Марии и Нины залито дорогое письмо, и крепкая ручка Виталика держит его всю ночь. Скоро тато будет с ними, Бог услышал их молитвы! Теперь надо только ждать...

Дмитрий не упомянул в письме, что тяжело болен, что не в состоянии работать в полную силу на лесоперевалочном комбинате в Архангельске, что если и дальше здесь останется, то вряд ли долго протянет. Только бы доехать до семьи, обнять детей, приголубить дорогую Марусю, которой досталось за последнее время горя и тревог больше, чем ему. Только бы успеть...

Удивительно, но его просьбу услышали и отпустили к семье. Дмитрий выправил необходимые документы для дороги, выехал до Сулова, а оттуда по Суловскому тракту, где пешком, где с попутными подводами, семь дней и ночей шел к семье. Второго мая тридцать первого года он появился к вечеру на пороге Марииного барака. Убитый горем, изнуренный тяжким,

непосильным трудом, больной, худой, кожа да кости – узнать сразу невозможно. Но тато, наш тато с нами! Это была самая счастливая ночь за последний год. Дети прижимались к отцу, Мария гладила изможденные щеки, целовала руки Дмитрия и непрерывно плакала. И Дмитрий не вытирал мокрых щек: наконец-то он с семьей, а ведь и не надеялся дожить до этого момента.

Старик-немец, сосед по нарам, презрительно сказал:

- Зачем в Сибирь шел? Нас скоро всех отпустят по домам. – Они и вправду надеялись на это. Но все попытки уехать или сбежать жестко пресекались. Молодых людей, которые пытались устроить побег, ловили и по возвращении строго наказывали. Еще за одну попытку грозила тюрьма.

Как-то раз, после нескольких таких случаев, комендант собрал собрание на улице возле бараков. Строго и четко сказал:

- Убегать не пытайтесь, это бесполезно. За каждый побег теперь будет тюрьма. На возвращение по домам не надейтесь, этого не будет. Вас сюда выслали навечно. Подохнете – закопаем, а выживете, то будете обживать этот малолюдный край. Все, расходитесь по баракам. – И ушел, тяжело ступая хромовыми сапогами по зеленой траве.

Больному тато требовался покой, а как этого достичь в перенаселенном бараке? Но и здесь помогли добрые люди. Друзья Марии Гаршины предложили ей в качестве жилья занять старую баньку, стоящую на берегу Курьи. Они себе построили недавно новую ближе к дому и помогли Дмитрию с ремонтом старой. Подремонтировали крышу, проконопатили стены. Печь переложили, сделав наподобие русской, чтобы можно было испечь хлеб. Дмитрий изладил три топчана по стенам, стол на крестовине. Из стоящих жердей смастерил у входа в баню что-то вроде сеней. Свое отдельное жилье, пусть убогое, крохотное, но зато свое! Это после более полугода жизни напоказ по вагонам и баракам! Радость от своей хатки была искренняя и большая. В конце мая семья Марии переехала с согласия коменданта в это отдельное жилье. Глазами, полными тоски, проводил их после нехитрых сборов дед-немец. Все-таки Мария подкармливала их с

внуком, несмотря на собственное недоедание. И была у немца тайная надежда, что не оставит она его парнишку в случае чего. А теперь эта надежда уходила, прижав к груди нехитрые вещи, покидая барак с улыбкой на губах, перекрестив на прощание всех остающихся и поклонившись им. С Богом!

Глава семнадцатая.

В маленьком оконце новоявленной хаты, хатынки, как любовно называли ее Броневицкие, теперь по вечерам светился огонек, шел дым из невысокой трубы, а по утрам распространялся вокруг нее запах свежеспеченного хлеба. Но, самое главное, у хатынки был теперь хозяин. Глава семьи, ее опора и защита.

Семья собиралась по вечерам за столом со скудной снедью. Виталик прижимался к отцу; он теперь вообще старался не отходить от тато, когда тот возвращался с лесных работ. Нина с Лидочкой обнимали с двух сторон Марию. Говорили, говорили и не могли наговориться. О том, что пережито за время такого долгого отсутствия тато, о тоске по дому на Украине, вспоминали о прежней жизни, переживали за оставшихся родных, о которых мало что известно из их скудных писем. Что выстрадал тато за это время в своем Архангельске. Решали, что и как нужно обустроить в своей новой жизни.

Надежду на то, что в политике государства что-то изменится, и им разрешат вернуться домой, ни Дмитрий, ни Мария не питали. Ведь комендант ясно сказал, что все они здесь навечно. Да и куда возвращаться? Хата давно в чужих руках, хозяйство разорено, обратно не собрать. Надо обживаться здесь, видно, на то Божья воля. И Дмитрий, и Мария умеют делать своими руками очень многое, почти все, что требуется для хозяйства. Только надо хорошо все обдумать и распланировать, ни на кого не полагаться и ни от кого не ждать помощи.

- Дмитрий, нам Гаршины дают ведро картошки для посадки, семян кое-каких, может, вскопаем где-нибудь за хатынкой клочок земли? Свои овощи да картошка будут. Как решишь? – спросила Мария.

- Я уже думал об этом, и место приглядел. Только мало хорошей земли, остальное корчевать надо. Но это уже следующим летом, коли живы будем. Мы с Виталием перекопаем грядки, сажай, что можно. А потом огородим чем-нибудь.

Мария продолжила разговор.

- Слышала я, в комендатуре говорили, что в Полигоне собираются магазин открывать, будут продавать продукты, хозяйственные товары, ткани. И вот что я надумала. Люди станут покупать ткани, а шить им будем мы с Ниной. Заработок в хату будет. Собери-ка, Дмитрий, нам машинку швейную, я ведь привезла одну в разобранном виде.

- Маруся, ты и так весь день в комендатуре работаешь, и шить тогда ночами придется. Когда ж отдыхать?

- Тато, я! Я днем буду шить, маме помогать. Я умею не хуже ее. Не хочу сидеть без дела! – Нина обрадовалась мысли, что и она сможет приносить в дом заработок.

Нину не отправляли на обязательные работы, хотя по возрасту она подходила. Ей шел семнадцатый год, но маленькая, щуплая, бледная, с фигурой и формами девочки, а не девушки, она выглядела не старше 12-13-ти лет. Мария, когда в бараке после прибытия в Изоргу комендатура вела перепись ссыльных, записала дочь Нину 12-ти лет, убавив ей пять, чтобы ту не гоняли на тяжелые работы. Себе же пять лет прибавила, и числилась сорокасемилетней. Надеялась, что из-за возраста назначат работу полегче. Вот поэтому Нина была днем дома и могла заниматься шитьем на заказ.

Дмитрий, когда по приезде встал в комендатуре на учет, сразу же был послан на работы в лес вместе с остальными. Правда, учитывая его болезненное состояние и горячие просьбы Марии, чей работой комендант был доволен, Дмитрия направили в тайгу не на валку леса, а на сортировку и маркировку уже заготовленной древесины. Помогли знание грамоты и опыт работы на лесоперевалочном комбинате.

Еще в Архангельске врач диагностировал у него серьезное заболевание – язву желудка. Никакого лечения не было, потому что кому нужны «враги народа»?

Как воздух, Дмитрию необходимы были отдых, диета, легкая пища, а где их взять? Ели ту же болтушку, баланду с травой, иногда сыворотку, если удастся где-то выпросить. Однажды, в начале июля, Виталик и Нина с

местными ребятами, детьми Шумиловых и Гаршиных, набрали в лесу ранних грибов, сморчков, которые, как те уверяли, можно есть.

- Мы всегда такие грибы собираем, мама варит или жарит их. Не бойтесь, не отравитесь! Берите, вон их сколько!

Все-таки расспросив хозяйку Гаршиных и убедившись, что они действительно едят эти незнакомые украинцам грибы, Мария сварила грибную похлебку и накормила в воскресный день семью. К вечеру все заумирали. Температура, рвота, бледность, прерывистое дыхание, казалось, что смерть вот-вот соберет в хатынке свой урожай. Но Лидочка, которая не ела похлебку, не растерялась, побежала к Гаршиным и, захлебываясь слезами, кое-как рассказала, что «дома все умирают».

- Как умирают, почему?- всполошились хозяева. – Что с ними случилось?

-Тетка Маруся сказала, от грибов. Тетенька, пойдете скорее!

Гаршины, прибежав с ней в хатынку, отпоили семью сывороткой, насильно вливая в рот, меняли компрессы, обтирали детей спиртом, сбивая температуру. Потом принесли еще какого-то травяного отвара.

Видимо, Господу Богу было угодно, чтобы остались они жить, как сказала потом Мария.

Язва беспокоила Дмитрия все сильнее, боли были нестерпимыми, но приходилось работать. Узнав, что он умеет многое, к нему несли на починку обувь, полушубки, что-то из хозяйственного инвентаря. Несколько заказов было на подшивку валенок, пошив простеньких обуток и даже пары шубеек детям. Расплачивались продуктами: картошкой, молоком, овощами. Если выдавалась радость в виде маленького кусочка масла, то это Виталику, Лидочке и Дмитрию. И никакие возражения со стороны тато не принимались. Семья берегла его, как умела.

Нине тоже несли заказы, не столько из новых тканей, сколько на починку или переделку старых вещей. А когда открылся в Полигоне магазин, где среди прочего товара продавались и ткани, от заказов отбоя не стало. Население Полигона и Изорги, учитывая прибывших ссыльных, теперь составляло около двух тысяч человек. Многие жили достаточно крепко,

чтобы позволить себе новую одежду. Нина придумывала фасоны, старалась угодить женщинам, была со всеми вежлива и приветлива. Даже старые вещи после переделки ее руками приобретали вполне приличный вид.

В один из вечеров в дверь хатынки постучал незнакомый человек.

- Доброго вечера вам, хозяева! – поприветствовал он. – Я к вам по делу пришел. Живу неподалеку, наш поселок в лесу на север от Изорги. Охотник я. Прослышал, что у вас ножная швейная машинка имеется. Хочу выменять ее на ручную, а впридачу дам полный мешок ржаной муки. – Он оглянулся на сидевших на топчане Лидочку с Виталиком и сказал: - Да деткам вашим медку немного, пасека у меня своя. Что скажете, хозяева?

Мария удивилась:

- А что за нужда тебе, мил человек, одну машинку на другую менять? Обе шьют, да и только.

- Не скажи, хозяйюшка. Охотник я, говорю. Добываю зверя, выделываю шкуры. Шью шубы, шапки. Ручная машинка для этого дела нехороша, а вот ножная сподручнее. Так как, хозяин?

- Это хозяйюшке решать, да дочке, которая на ней шьет. Если они согласны, а ты муки привезешь, как обещаешь...

- Так привезу, обещаю. И медку детям, от простуды польза. Машинка новая, купил, а шить на ней не получается. Что ответите?

Дмитрий поднялся.

- Ну что ж, раз хозяйки согласны, - те дружно кивали головами, - то вези на обмен.

Нина была рада и довольна новой машинкой. Шьет хорошо, совсем новая, непривычно только, что одна рука всегда занята, ручку нужно крутить, ну да не беда, привыкнет. Зато мешок муки охотник привез, как обещал. Надолго теперь хватит, и хлеба можно печь больше. Хорошо!

Жизнь понемногу налаживалась. Дostatка в семье не было, но и острой заботы, чем накормить семью завтра, тоже. Кое-что приносили хозяйки за шитье, что-то зарабатывал Дмитрий. Марии за работу в комендатуре платили деньгами. А тут такая нежданная радость! С Украины родственники,

собравшись, выслали денег и посылку с соленым салом. Откликнулись все-таки на их просьбу. Мария, когда принесла из комендатуры эти подарки, дома расплакалась.

- Что ж ты плачешь, Маруся, - утешал Дмитрий. – Радоваться надо! А кто прислал-то?

- Деньги пришли от Александра, брата твоего. А сало... На ящике написано: Федоривка, Бурковский. А, это кум наш, тот, что одну свинью увел, когда нас увозили. Дай Бог им всем здоровья.

- Мама, посылку «Тоболяк» привез?

- Да, доню, «Тоболяк». Пошел дальше вверх по Чулыму. Вот узнаю в комендатуре, когда обратно пойдет, сходим все на берег, посмотрим на этот пароход.

Маленький колесный пароходик, с ласковым именем «Тоболяк», ходил по Чулыму, развозя грузы. В пяти километрах от Тегульдета на берегу стояло большое село Туталы, где был заготовительный пункт для сбора пушнины от охотников, и куда доставлялись продукты, охотничьи и рыболовные снасти, хозяйственные и промышленные товары, а обратно увозились собранная пушнина, заготовленная рыба. С прибытием большого количества ссыльных в Центр-Полигон и Изоргу пароходик стал подниматься выше по течению и до них, и даже дальше. Привозил грузы в магазин и почту для многочисленного населения. В связи с этим в Полигоне был открыт почтовый дом, куда нужно самим приходить и узнавать, нет ли для них почты.

Заканчивалось лето. Хатынка Броневицких приобретала все более обжитой вид. На оконце красовалась занавесочка, сшитая Ниной из обрезков тканей, приносимых на заказы, за задней стеной сушилось на веревке белье, на косогоре за хатой на вскопанном участке уже полегла картофельная ботва, пора копать. С подветренной стороны хатынки заготовлены на зиму дрова: валежник, сухие сучья, и все, что удавалось добыть и натаскать из близлежащего густого леса Виталику и Лидочке. У дверей в сени неизменный дымокур от гнуса. От этой кары небесной чуть-чуть спасало то

обстоятельство, что хатынка стояла на берегу реки, на высоком берегу, и ветер хоть немного сдувал тучи мошкеры куда-то. Удавалось даже иногда ветреным вечером посидеть всей семьей на лавочке под окном.

- Привыкаем понемногу к этому суровому краю, - задумчиво говорил Дмитрий. - Везде можно жить, было бы здоровье, - и тяжело вздыхал. Здоровья-то как раз и не было. Фельдшер в Центро-Полигоне, осмотрев и расспросив Дмитрия, сказал:

- Тебе нужна операция. А я в таких условиях ничем помочь не могу. Проси коменданта, может быть, разрешит поехать в больницу в Тегульдет. Или куда дальше, где тебя возьмут.

Но ответ коменданта был короткий – нет!

Выкопали картошку, получилось десять ведер. Собрали кое-какие овощи. Перебрали и пересушили всю одежду, починили. Все, что везли и в чем ехали с Украины, поизносилось, а о новом нечего и мечтать. Заготавливали на зиму дрова, готовились к ней со страхом: какая она будет, с какими морозами? Старожилы говорят, что и более 50-ти градусов стужа бывает. Родная Украина, не раз тебя вспомнишь и слезами обольешься...

Дмитрию становилось все хуже. Работать в лесу он больше не мог. В комендатуре на него махнули рукой, сняли паек. Оставаясь дома, Дмитрий не сидел, сложа руки, а все что-нибудь мастерил, ремонтировал, помогал Марусе. Травяные настои и отвары, которые она готовила, помогали мало, боль кое-как снимали, а саму язву вылечить, конечно же, не могли. Молитвы Маруси тоже не достигали ушей Бога. Далеко Сибирь-матушка, не долетают горячие просьбы до неба, наверное, остывают в полете.

Так прошла зима, студеная, ветреная. Но Господь миловал, выстояла хатынка, не заморозила своих жильцов, даже тепло в ней было. Долгими зимними вечерами при свете лучины дремал больной Дмитрий на жестком топчане, рядом Мария вязала из суровой шерсти носки детям или чинила одежду, потрескивали дрова в печке, догорая синими огонечками. Виталик и Лидочка, притулившись на соседнем топчане, внимательно, как и Мария, слушали Нину, склонившуюся к огоньку и читающую вслух церковные

книги, привезенные с Украины. Как бы тяжело ни было в дороге, а несколько книг Мария уложила тайно в багаж. Теперь же ее душа отдыхала, а слова, дающие надежду на лучшую жизнь если не здесь, то потом, под рукой Бога, журчали и ласкали слух. Слезы невольно бежали по щекам, но это были светлые слезы, а не печальные и скорбные, как всегда.

Увидев, что Дмитрий уже спит, как спят и ребятишки, мать тихо шептала дочке:

- Спать, давай спать, доню, - и откладывала рукоделье. Проверив печку, закрывала трубу, задувала лучину, устраивалась рядом с Ниной. Покой и тишина разливались в хатынке. День прожит, и слава Богу!

Весна принесла свои многие хлопоты. Маленький огородик требовал заботы, заканчивались припасенные дрова, кое-где нужно было подремонтировать хатынку. Один из справных хозяев, живших в Центро-Полигоне, предложил Дмитрию, наслышавшись о его золотых руках, сделать ему кое-какую простую мебель: сундуки для одежды, полки в кухне для посуды, лавки и табуреты. Разрешил работать в своем сарайчике, пользоваться нехитрым инструментом, обеспечил досками. Обещал плату. Дмитрий был рад. Теперь любимое ремесло снова у него в руках! Это и занятие, отвлекающее от боли, и прибыток в семью. А еще сынок Виталик, не отстававший от тато, будет учиться хорошему делу.

Дмитрия, выполнившего заказ к полному удовольствию хозяина, стали теперь приглашать в поселке и в другие, в основном, вновь построенные, дома.

Сосланные в суровый край работяги, переставшие надеяться на возвращение домой, уставшие от жизни в скученных перенаселенных бараках, правдами и неправдами пытались отделиться, построить себе хоть какую-нибудь лачугу, а то и небольшой домик. Комендатура не препятствовала: раз строят жилье, значит, останутся здесь жить. А ведь это и было задачей всего этого великого переселения – обживать безлюдный край. Центро-Полигон разрастался, и вокруг появлялось много поселков по одному-два десятка домов.

Помогать в стройке Дмитрий не мог, а вот мастерить деревянную мебель, - на чем сидеть, на чем спать, - он любил, и занимался этим с удовольствием.

Марию весной комендант отпустил из комендатуры на другую работу по ее просьбе. Многочисленная семья друзей Дмитрия и Марии, Шумиловых, по заданию комендатуры занималась рыболовством. Рыбаки привозили полные лодки рыбы, и ее нужно было тут же обрабатывать. Рыбацкая артель взяла на работу трех женщин, а четвертой пригласили Марию. Пойманную рыбу засаливали, вялили, чистили: каждый вид по-своему по указаниям и под строгим контролем главы семьи, знатока рыбацкого промысла, самого Андрона Ивановича, мужика уже старого, но крепкого, сурового, даже жесткого.

И тяжелые корзины с рыбой приходилось поднимать, и пальцы острыми ножами ранить, и баюкать по ночам рученьки свои от боли, когда соль разъедает эти ранки. Но все отступало и казалось несущественным, потому что на столе у семьи теперь была свежая рыба, Андрон Иванович женщин в плате за работу не обижал, тем более Марию.

Когда рыбаки привозили улов, она оставляла все дела и работала на реке столько, пока все дела не заканчивали. Но были и свободные дни. Тогда Мария обихаживала свою хатынку, копалась на теперь уже увеличенном огороде, помогала Нине с шитьем.

Летним июльским днем, когда и Мария, и Дмитрий были свободны и занимались домашними делами, на пороге хатынки появился молодой, высокий, статный парень – Петро, сын Тихона и Катерины. Он приехал из Каргасокского района за сестренкой Лидочкой, отпросившись под расписку в своей комендатуре.

Вот была радость! Лидочка плакала, не переставая, и держала Петра за руку, боясь выпустить. Как бы у тетки Маруси ни было хорошо, но она поедет к маме и тато. Петру уже исполнилось двадцать лет, работал он с отцом и братом Виталием в тайге на заготовке леса. Возмужал, подрос, загорел на свежем воздухе, стал сильно походить на Тихона.

Мария, усадив дорогого гостя на лучшее место и накормив, чем Бог послал, затеребила его:

- Ну, Петро, рассказывай! Все рассказывай, как отъехали от общего обоза. Где живете, с Тихоном ли? Как там мать твоя, здорова ли? А Тихон, а Виталий?

Дмитрий рассмеялся.

- Маруся, Маруся, да дай ты ему слово сказать. И слезы-то вытри, может, и не с чего плакать. Рассказывай, Петро.

Свой рассказ Петро, по просьбе тетки Маруси, начал с расставания с общим обозом. На одной из ночных стоянок, он уж и не помнит, на какой, утром к их саням подошел конвоир и велел пока оставаться на месте, когда обоз тронется. Они видели, как сани одни за другими выстраивались цепью на дороге, тронулись, и через некоторое время хвост обоза скрылся за поворотом. Подойти и Броневицким и попрощаться не успели, да и кто ж позволит!

Оставшихся по распоряжению конвоиров саней набралось штук тридцать. Не такой уж маленький новый обоз пошел по другой дороге. Ехали долго, очень долго, верст триста-четыре, но не по тракту, а по лесным дорогам между деревнями. В них и останавливались на ночлег. Мама Катерина совсем ослабла, лежала в санях и плакала, не переставая. Возница их саней сказал Петру:

- Не довезешь мать, похоже. Если помрет, на дороге выкину, так и знай.

Может быть, эти слова, которые слышала Катерина, может быть, страх за детей, что останутся одни в дороге, повлияли, но она стала приходить в себя, разговаривать с сынами, понемногу есть. А как узнала от конвоиров, что их обоз едет куда-то к Каргаску, что там точно находятся их мужики, то более не плакала. К концу пути кое-где даже шла за санями.

Привезли их, и правда, к Тихону. Жили в бараках, среди леса, это и поселком-то назвать нельзя. По-первости голодали, все было, как у тетки Маруси.

Комендатура от них далеко, в Каргаске, но в лесу их охраняют, чтоб не сбежали. Валят лес вместе с отцом. Они с Виталием все время рядом с тато, берегут его. Прошое лето и осень сами ссыльные строили себе небольшие домики в свободное время, почитай что по вечерам. Кто же даст днем отдыхать? Комендант не злой, а старый, уставший мужик. Паек дают, скудный, но хватает. Теперь живут своей семьей в отдельном домике, маленьком, но своем. Сами строили. Вот мама и отправила его за Лидочкой. Говорит, извелась вся, что на Марусю такую заботу повесила.

Мария не утерпела, перебила.

- Петро, а здорова ли она? А Тихон?

- Не знаю, что и сказать, тетка Маруся. Скрипят потихоньку. Здоровья, конечно, нет, но мы их бережем, как можем.

- Так Лидочку пока, может, не забирать вам? Она уж привыкла здесь, да и Виталику подружка. Там ей скучно будет.

- Нет, мы с тато давно решили забрать Лиду, может, мама повеселеет. А то совсем в старуху превратилась.

Мария пересказала Петру все новости, какие знала из редких писем оставшихся на Украине родственников. У Тихона связи с ними не было, поэтому Петро слушал с жадным вниманием. Поплакали, погоревали, вспоминая прежнюю жизнь. У Петра и Виталия, молодых парней, жила в душе надежда, что через несколько лет они все-таки смогут вернуться на Украину, или просто приехать погостить, найти родных братьев Илью и Виктора, возможно, даже остаться с ними. А вот родителям, дядьке Дмитрию и тетке Марусе, это точно не суждено. Когда еще теперешняя власть поймет, что натворила, да повернет обратно. Или не повернет вовсе никогда.

Погостив несколько дней, Петро уехал, забрав Лидочку. Дмитрию становилось все хуже, боли были нестерпимыми. Он больше лежал на топчане или сидел на лавочке под оконцем хатынки. Серое, землистое лицо, и столько страдания в глазах! Марии было некогда ухаживать за ним, строгий голова рыбацкой артели прогулов не допускал. Когда рыба хорошо ловилась, то все работали до позднего вечера, пока последние корзины с

обработанной рыбой не расставлялись по местам, как положено, или она не развешивалась по вешалам.

А тут еще июль выдался знойный, грозовой. Одолевал гнус, да так, что иногда нечем было дышать.

Второго августа 1932 года, в Ильин день, может быть, ради праздника, а, может быть, так совпало, но Мария не работала, Андрон Иванович велел своим работницам отдыхать. Дмитрию в этот день было совсем худо, и Мария находилась с ним в хатынке, хлопоча по хозяйству, но поминутно поглядывая с тревогой на бледного мужа. И Нина, и Виталик сидели у топчана тато. Их детские сердца сжимались от страха, видя, как же ему плохо!

Мария услышала шепот мужа:

- Маруся, умираю я... Как жжет внутри! Больно. Как будто что-то там лопнуло... Дай воды...

Мария бросилась к Дмитрию с кружкой, попробовала напоить. Но он слабел на глазах, что-то шептал, а что, не разобрать. Вода проливалась мимо, кружка выпала из дрожащих рук Марии.

- Нина, беги за фельдшером, скажи, чтобы пришел! Скорее, дочка! - выдохнула она.

На ходу глотая слезы, прижимая руки в груди, обращаясь к такому далекому неведомому Богу, Нина неслась в Полигон, не разбирая дороги.

- Господи, спаси тато! Господи, спаси тато... - повторяла, забыв все другие слова.

Но фельдшер, выслушав просьбу зареванной девчонки, равнодушно сказал:

- А-а, помню, помню я твоего отца. Да, болен он. Только что я могу сделать? Вот, возьми этот порошок, отдай матери, пусть отец выпьет. А я не пойду, некогда мне, видишь, очередь ко мне. Иди, иди...

Зажав в руке драгоценное, как ей думалось, спасительное для тато лекарство, Нина, задыхаясь, бежала обратно.

Но Дмитрию помощь уже не требовалась. Он, вытянувшись, лежал на топчане, и в сложенных на груди руках горела зажженная Марией невесть

как сохранившаяся свечка. Черты лица разгладились, закрытые глаза спрятали не оставлявшее его последние дни выражение страдания. Прободение язвы, как потом предположил фельдшер.

Мария, стоя у топчана на коленях, молилась сквозь рыдания, и рядом с ней, на коленях же, плакал Виталик. Горе, какое горе! Последние слова тато перед смертью еле слышным шепотом были обращены к жене.

- Серденько мое, оставляю тебя в злую годину одну... прости...

Поискал взглядом детей. Мария поняла, торопливо сказала:

- Нина за фельдшером побежала, а Виталик здесь, - но Дмитрий порывисто вздохнул и затих.

Горе безутешно, что и говорить. Но надо хоронить, ведь август, зной на дворе. Приглашенная старушка обмыла покойника, помогла Марии одеть его, что нашлось лучшего. По поселку быстро разлетелся слух о смерти замечательного мастера, доброго мужика. К хатынке подтягивались люди, заходили, кланялись, крестились. В похоронах помогали Гаршины и Шумиловы. Сколотили гроб из тонких досок. Комендант направил нескольких мужчин выкопать могилу на центрополигонском кладбище, да возницу с лошадью довести гроб. Провожала Дмитрия за телегой только его семья. Ссылным запрещено собираться на похоронах и проводить поминки. Почему? Неизвестно, не положено, и все!

Мария, чем могла, накормила возницу да старушку, помогавшую ей.

Вот и все. Снова одни. Снова хатынка - сирота. Вместе с Дмитрием умерла надежда, что с ним выживать будет легче. Мария от пережитого горя стала нездорова. Не то, чтобы заболела, а как-то потухла, потеряла желание жить, больше молчала, а перед сном долго молилась. Полуграмотная, она написала на маленьком листке в клетку памятную записку себе, которую Нина хранила всю жизнь, и которую невозможно читать без слез: « А 2 мая 1931 года прибули до нас з Архангельска тато перебрались у свою хатыну и жили тато до 1932 года 20 іюля старого стиля... на ілію 1932 года скончили свое жильє и оттавили нас сиротами просить господа бога царства небесного нашему татові...»

Нина с тревогой следила за состоянием матери и с ужасом думала о будущем. А вдруг и мама умрет? Что тогда им двоим с маленьким братом делать на этом свете?

Она часто ходила на могилу тато. Иногда одна, иногда всей семьей. На каком все-таки хорошем месте они похоронили отца! Крутой берег Чулыма, большая ровная поляна, кое-где поросшая березками. Такая березка, молодая, стройная, шумливая, росла прямо у могилы тато. Птичкам пристанище, тато радость. Наверное, слушает, как они щебечут. Река шумит, то ласково, то грозно, травка уже пробивается на могильном холмике. Вся поляна утыкана невысокими крестами. На некоторых написаны фамилии умерших, на многих нет. Русских имен мало, в основном, украинские, немецкие, польские. Собрала сибирская земля обильный урожай, успокоились в ней навечно, как и обещал однажды комендант, многие из тех, кто шагал по Суловскому тракту в неведомый край.

Вот и сегодня Нина пришла на могилу отца, пришла одна. Поплакала, обняв крест, пожаловалась тато на свои беды и задумалась. Чувствовались уже первые признаки осени: ветерок с реки тянул прохладой, срывал желтую листву с березки, капли мелкого холодного дождя падали на непокрытую голову Нины.

- Надо что-то с мамой решать, - твердила она себе. – Но что? Задохнет та в своем горе, оставит нас с Виталяком круглыми сиротами. Тато, тато, как же плохо нам без вас... А мне пора взрослеть, становиться маме опорой. Значит, надо идти в комендатуру и просить работу, за которую платят деньги. Может быть, сознаться, что мне почти восемнадцать лет? Нет, тогда меня сразу отправят в лес.

Сегодня же поговорю с мамой. Надо как-то ее расшевелить. Да, тато умер, но мы-то живы!

Поздним вечером Нина присела к матери на топчан, обняла ее за плечи и сказала:

- Мама, мы с Виталиком хотим жить! А если вы умрете, как тато, то мы сразу ляжем с вами в одну могилу, нам тогда нечего будет оставаться на этом свете, одним в чужом краю!

Мария как будто очнулась.

- Что ты говоришь, доню! Что это придумала!

- А как же, мама! Разве я не вижу, что вы чахнете с каждым днем. Да, тато умер, но он не хотел бы, чтобы и мы все умерли! Вы, мама, стали такой, как тетка Катерина в дороге. Не плачьте больше, а то совсем заболете. Что будет тогда с нами?

Я вот что решила, мама. Я пойду в комендатуру и попрошу направить меня на работу. Скажу, что взрослая. Буду зарабатывать деньги. Виталику надо учиться, а у нас в Изорге, я слышала, открывают школу. Не век же нам в лесу жить! Он выучится, может быть, ему другая судьба выпадет! Будет образованный, так в районе или даже в Томске работу сможет найти. Я была сегодня у тато, все ему рассказала. Думаю, он был бы согласен со мной. Что скажете?

Мария не верила своим ушам. Как же она не заметила, что дочь совсем взрослая стала! А она, Мария, в своем горе совсем о детях забыла, если Нина такие слова говорит. Перестали ей доверять дети, не надеются на нее. Как она могла такое допустить? Им же тоже тяжело, оба очень любили своего тато. Права, права Нина, надо дальше жить. Теперь ей, Марии, детей поднимать нужно, а горе свое спрятать подальше, быть сильной за двоих, быть им и матерью, и отцом за Дмитрия.

- Правду ты говоришь, дочка. Все так. Слезами горю не поможешь, и надо дальше жить. Теперь наш дом здесь, где успокоился дорогой тато. Куда мы от его могилы?

Только вот что, Нина. На работу ты не пойдешь, и не думай. Никому не говори о своих годах, могут наказать за обман. И в школу вы пойдете оба. Я и для тебя хочу лучшей доли. Ничего, проживем. Я работаю, грошей мы немного с Дмитрием скопили. Картошки накопаем нынче больше, чем в

прошлом году, рыба и соленая, и вяленая запасена, муки купим. Проживем, дочка. Спасибо тебе, а то я чуть вашу долю не проплакала.

Глава восемнадцатая.

Как бы трудно ни было семье Броневицких, а жизнь продолжалась. Мария глубоко в душе хранила горе от потери мужа, но больше не позволяла себе быть слабой. Продолжая работать летом в рыбацкой артели Шумиловых, а зимой там, куда пошлет комендатура, она еще и подрабатывала на дому шитьем. Дети пошли в школу: Виталик в первый класс, а Нина в четвертый. Оба учились прилежно, Нина осознанно, а Виталик, во всем подражая сестре. Они понимали, что от старания зависит их будущее, и хорошее образование может открыть дорогу к лучшей жизни. Нина за три года закончила семилетку в центрополигонской школе, а Виталик четыре года учился в школе в Изорге.

Поселок разрастался, были организованы колхоз, промартель, дегтекурный и пихтовый заводики, государству сдавались деготь, пихтовое масло. Колхоз имел и посевные, и луговые площади, тягловых лошадей, крупнорогатый скот. Работы было невпроворот. Дети ссыльных на летних школьных каникулах не отдыхали: заготавливали корм скоту, пололи посевы.

Взрослые ссыльные под строгим контролем комендатуры работали до изнеможения. В 18-20-ти километрах от поселка на так называемых гарях, то есть выгоревших участках леса, мужчины и женщины, да и дети, кто постарше, корчевали пни, убирали бурелом, расчищали поляны, готовя землю под культурные площади. Ночевали тут же в балаганах, просторных шалашах из ветвей и травы. До дома далеко, не наездишься на ночь. И ребяташки оставались в летние дни в поселке одни. Какая-нибудь старушка, единственная на десяток домов, приглядывала, чтоб беды не случилось, а совсем малыши жили неделями в круглосуточных яслях.

Нине после четвертого класса пришлось все лето в таких яслях работать. Детей нужно было кормить, стирать пеленки, мыть попки, купать младенцев, держать в чистоте помещение. Нина к вечеру валилась от усталости, но и ночью было не до сна: дети плакали, звали мам, а укачивала и успокаивала их нянечка Нина. Виталик находился с сестрой, помогая ей, потому что

рыбацкий промысел по решению комендатуры отошел к другой семье, и Мария, как и все женщины летом, работала на гари, приезжая домой не чаще пяти-шести раз за лето.

Года через два после смерти тато к Марии посватался ссыльный украинец, тоже живший в Изорге, по фамилии Фелонюк. Он с женой и двумя сыновьями-подростками жил на другом конце уже прилично разросшейся Изорги. Жена умерла, и мужик, оставшийся с детьми, решил жениться снова. Мария ему приглянулась, так что в праздничный зимний день он появился у нее в хатынке. Уговаривал долго и упорно.

- Знаю про твою горе, только и у меня такое же. Ты еще молода, да и я не старый. Ты в такой маленькой бедной хатке живешь, а я зову тебя в дом. Он у меня не большой, но лучше твоей хижины. Нам вдвоем хорошо будет, не тесно. А хозяйка в доме ох! как нужна.

Мария, слушая его в пол-уха и помешивая варево в чугушке на печке, встрепенулась.

- Как вдвоем? А мои дети? И твои сыны? Их-то куда денешь?

Но Фелонюк, давно все обдумав и решив, уверенно сказал:

- Всех четверых отдадим в детский дом, в Белом Яре открылся нынче. Тут недалеко, вверх по реке на лодке полдня езды, а на «Тоболяке» и того меньше. Будем навещать, а сами для себя проживем.

Мария вынула из-за печки ухват и с этим грозным оружием двинулась на незадачливого жениха.

- Вон из моей хаты! Да как у тебя язык поворачивается такое говорить! Уходи, пока ухватом не приласкала! – уже кричала она, наступая на Фелонюка. – Щоб тобі повылазыло, щоб тобі холера за задницю цапала!

Фелонюк вылетел из дверей хатынки и, повернувшись, плюнул себе под ноги.

- Сдурела, баба, ну, и черт с тобой, другую найду!

- Иди, ищи, да впредь обходи мою хатынку! Язык твой поганый!

Дед Гаршин, который пришел к Марии позвать семью помыться вечером в бане, удивленно посторонился, пропуская убежавшего Фелонюка.

- Мария, чего шумишь, что случилось? – а узнав, в чем дело, рассердился.

- Ключкой его надо было, ключкой! Гони его из своей хаты, коли еще придет!

Мария долго не могла успокоиться. Она и не собиралась ни за кого замуж, а человека, раз уж пришел, не выгонишь же сразу, выслушать надо. Вот и выслушала. Бедные его дети. А вдруг этот злыдень найдет себе такую жинку, что согласится с ним? Какие разные люди на белом свете живут...

В жизни Броневицких вскоре произошло еще одно важное событие. От людей Мария узнала, что на самом краю Изорги, тоже на берегу Курьи, но на отшибе, продается небольшой домик. Почти новый, аккуратный, с хорошим разработанным под огород участком. Хозяева собрались срочно куда-то уезжать и продавали дом за приемлемую цену. Мария могла себе позволить его купить, скопленных грошей было достаточно, а в хатынке оставаться опасно. Без хозяина она начинала разрушаться, ремонтировать же было некому.

Купили домик, переехали в него, но радовались недолго. Не все обстоятельства учли при покупке. Нет, домик хорош, просторный, теплый, что и говорить. Но стоит на отшибе от поселка: с трех сторон тайга, с четвертой речка. В Изоргу идти через небольшой, но все же лесок. Вот и стало жутко жить без мужчины вдали от других домов, без соседей. Видя беду Марии, Гаршины помогли ей и в этот раз. По их совету и с их помощью нашелся выгодный обмен на квартирку в одном из барачков. Это был не тот громадный барачок, в который селили по восемь-десять семей в одну комнату, а поменьше, разделенный на две половины. В одной половине жила большая семья, а другая была разделена на две квартиркы. Одну из них хозяин, брат бывшего головы рыбацкой артели Андрона Ивановича Шумилова, одинокий мужик, промысловик-охотник, рыбак, с удовольствием согласился поменять на домик Марии на берегу Курьи. Обмен устроил всех.

В соседней квартирке, такой же маленькой, жила семья ссыльного священника Войтко. Мария подружилась с его женой, попадьей. Матушка, работавшая в детских яслях завхозом, устроила для Марии большой заказ на пошив пеленок, распашонок, маленьких рубашечек. Из яслей к Марии

привозили рулоны тканей, и стрекотала швейная машинка в доме Марии по вечерам, а иногда и далеко за полночь.

Весной 1936 года Нина заканчивала семилетку, а Виталик 4-й класс.

В школе для семиклассников был организован выпускной день, с торжественным собранием, с проникновенной речью директора, с концертом силами выпускников. Были зачитаны списки учащихся, отличившихся в учебе. Молодые ребята и девушки слушали напутствия учителей, матери вытирали невольные слезы. Все понимали, что пришло время выбирать дорогу в жизни. Кто-то останется в колхозе, кто-то поедет с разрешения комендатуры учиться дальше.

Нина была в списке отличников. Их всех, а таких было двенадцать человек, директор с загадочной улыбкой пригласил завтра утром прийти в школу с родителями, будет оглашено важное сообщение. Весь оставшийся день Нина волновалась, как и все остальные. Зачем зовут, что скажут?

Директор был взволнован не меньше учеников, когда торжественно сообщил им и родителям на утреннем собрании:

- Ваши дети, все двенадцать отличников, заработали прилежным трудом себе награду. Они направляются в Тегульдет на двухмесячные курсы для подготовки к профессии учителя. Наш край быстро заселяется, поселки строятся, рождается много детей. В каждом поселке открывается школа, а учителей не хватает. Вот и принято решение готовить учителей из лучших выпускников, несмотря на их юный возраст. Профессия учителя почетна, воспитывать детей должны лучшие, и мы надеемся, что вы не подведете нас, оправдаете доверие власти, поручившей вам, молодым, такое ответственное дело. Курсы начинаются 5 июня. Готовьте детей к отъезду. Счастливого вам будущего, наши выпускники!

Мария была безмерно рада. Не придется Нине тяжело трудиться в колхозе, ее ждет лучшая доля. Как был бы доволен тато! Учитель! Это так почетно, и оплачивается, наверняка, не так, как работа в колхозе. Вот и сбылась мечта матери, желавшей вывести детей в люди.

А Нина была счастлива. Она будет учителем! Она будет тем человеком, который каждое утро входит в класс, и десятки детей с любопытными глазами встречают его, слушают в тишине урок. Только справится ли она?

- Я справлюсь, я постараюсь, - шептала, уговаривая себя, Нина. – Надо готовиться к отъезду, как сказал директор. Хотя к какому отъезду? Конечно же, они до Тегульдета пойдут пешком, все вместе. Пусть будет трудно, но никакие трудности ее не остановят!

В хлопотах пролетели оставшиеся дни. Накануне похода Нина пошла попрощаться с тато. Березка на его могиле подросла, оделась в молодую ярко-зеленую листву, ласково шелестела ветвями, когда Нина ее обняла.

- Ох, тато, тато! Пришла попрощаться, буду учиться в Тегульдете на учителя, а куда потом пошлют, я не знаю. Может быть, нескоро вас проведать придется... Как бы вы порадовались за меня, я знаю. И сама я счастлива, и мама тоже очень рада. Оставляю их с Виталиком одних. Но за маму я сейчас спокойна, братик большой, тринадцать лет, почти что мужчина. Дом у нас теперь хороший, дровами обеспечены. Да, тато, я же вам не рассказывала: недалеко от нас открылась пимокатная мастерская, там катают валенки, а маме привозят в печке сушить. Дело это непростое, тоже уметь надо, а у нее, как и у вас, золотые руки. И дрова поэтому привозят. Теперь голод нам тоже не грозит. Как бы я хотела, тато, чтобы вы жили с нами, долго-долго...

Нина замолчала, обняв березку и задумавшись. Шумела полноводная река в нескольких десятках метров, прохладный ветер играл короткими волосами юной девушки. На другом берегу грозной черной стеной стояла угрюмая густая тайга. Суровый сибирский край вглядывался в украинскую дивчину, которая выжила в трудное время, не сломалась под ударами судьбы, преодолела и тяжелую дорогу, и неведомый для южных жителей трескучий холод, и изматывающий голод. Которая, несмотря ни на что, полюбила этот край, считает его теперь своей второй родиной и готова всю жизнь трудиться на его благо. Все свои дальнейшие мечты и планы связывала отважная

дивчина с этой землей, неприветливой, но по-своему красивой и завораживающей.

Все, что осталось позади, то – позади! Человеку не дано предвидеть свою судьбу, и не только ее, но даже завтрашний день. Иначе Нина бы знала, что ей предстоит стать учителем, настоящим учителем, на всю жизнь. Тридцать пять лет входить по утрам в светлый класс и видеть блестящие глазенки детей, ожидающих от нее чуда. Дарить это чудо, открывая перед ними огромный удивительный мир: мир звуков, мир цифр, мир книг.

Знала бы и о том, что родная Украина, почти забытая, останется на многие годы далеким сном, и жизнь ей предстоит прожить здесь, в краю, который оживет под руками сосланных сюда мужиков, их жен и детей, вырванных из благодатной отчизны, в горе и несправедливости осваивающих глухую тайгу. Вырастут села, деревни, поднимутся светлые дома, лягут извилистыми линиями дороги по лесам. Забурлит жизнь, заурчат машины и пароходы. Будут рождаться дети. И край, политый потом и слезами, перестанет быть безлюдным, как и хотелось далеким столичным властителям.

И хорошо, что не ведала, как через десяток лет своенравный Чулым, меняя со временем русло, постепенно подмоет берег, на котором спят тато и его земляки, друзья и односельчане. С грохотом будут осыпаться в реку глыбы земли, унося с собой и с течением реки в Северный Ледовитый океан полусгнившие гробы с их обитателями. На месте поляны с кладбищем будет шуметь река, которой нет никакого дела до скорби близких.

- Уплыл наш тато обратно в свой Архангельск, - горько шутила Мария. – Некуда придти и поплакать, рассказать про житье наше. На все божья воля...

Не ведает Нина и о том, что скоро-скоро загрохочет страшная война. Ее родную Украину будет топтать сапогами, утюжить танками, разрывать в клочья бомбами чужая армия. Будут полыхать огнем украинские хаты вместе с жителями, и голод во всей своей красе вернется на эти Богом забытые земли.

Накроеет горе войны и Сибирь. Снова голод, труд до изнеможения на нужды фронта, похоронки по хатам, такие частые, как птичья стая, рассевшаяся по крышам.

А пока Нина прощается с отцом, и светлая скорбь уже не так сильно сжимает сердце. Хватит печалиться и плакать! Приходит время жить, радоваться жизни, любить. Учить детей, беречь покой матери, наблюдать за успехами взрослого брата. Растить своих детей, возделывать землю, есть вдоволь хлеба. Уйдет в прошлое комендатура, откроются все дороги, езжай, куда хочешь! Но крепко будет держать Сибирь, и теперь уже не путами на ногах, а любовью за сердце. Здесь навсегда будет ее дом.

Глава девятнадцатая.

Теплая летняя ночь накрыла небольшой сибирский городок. Только что закончилась гроза, и за окном все еще шумел дождь. Изредка далекие всполохи молний из убегающей тучи освещали дома, огороды, деревья и дороги. Светили уличные фонари на пустынных улицах, окна домов в основной своей массе были темными. Городок спал.

В доме Марии окно на втором этаже в библиотеке светилось ровным приглушенным светом. В удобном кресле, освещаемая светом торшера, сидела хозяйка в домашнем халате, с розовой тетрадкой в руках. Она только что закончила читать последнюю тетрадь из дневников матери.

- Хотя почему дневников? Мы все привыкли считать мамины записи дневниками, но на самом деле это мемуары, написанные уже в старости по воспоминаниям, - думала она. – Я в который раз поражаюсь маминой памяти, сохранившей и события, и даже фамилии так давно встречавшихся в ее жизни людей.

Спать не хотелось. Пустой дом, одиночество, а муж был как раз в это время на «вахте», не пугали Марию. За столько лет она привыкла быть одна по половине каждого месяца. Мысли вернулись к далеким событиям, к истории ее семьи. Разметало время, и не только время, но и злая воля, дружное, крепкое семейство по разным сторонам огромной страны, и многим из них свидеться никогда не довелось. Дальнейшие судьбы у всех разные, но редко у кого счастливые, а у кого и трагичные. Нина старалась держать связь со всеми, кто принадлежал к этому большому семейству, и сведения о родственниках у Марии и ее детей были.

В 1932-34 годах по Украине прокатилась вторая волна ссылки. Но в этот раз не было такой жестокости, как в тридцатом году. Назначенным к высылке семьям сообщили об этом заранее, кое-кому даже предложили выехать куда-либо по своему усмотрению, но только за пределы Украины, разрешили что-то продать из хозяйства.

Брат отца Александр Корзун и сестра Мария Левицкая со своими семьями уехали в Грузию. Старшая из детей в семье Александра, дочь Вера, заболела и умерла, остались три сына: Владимир, Леонид и Алексей. После смерти дочери недолго пожила и ее мать Елена. Остался отец с тремя мальчишками, женился снова, на такой же высланной украинке по имени Елена. «Елена, да не та», жаловался Александр в письмах к Марии, злая, сварливая, истинная мачеха, а не мать. Хлопцев не могла терпеть, обижала, и в итоге выгнала из дома. Александр не остановил ее, позволил это сделать. Возможно, уже не имел сил сопротивляться ударам судьбы, или понадеялся, что сыновьям пора уходить в самостоятельную жизнь. Но дело сделано. Один из сыновей, Леонид, трагически погиб, а двое других навсегда потерялись где-то на просторах Грузии. Последнее известное место их жизни – город Кобулет. Безвольного, допустившего по отношению к родным детям такую обиду Александра жена увезла в Одесскую область, где он вскоре погиб, засыпанный землей при чистке обвалившегося колодца. Может быть, на свете все-таки есть божья справедливость?

Левицкие же жили в Грузии долго. Но и их жизнь ничем не радовала. Однажды Мария, возвращаясь с работы домой, бежала где-то по пустому ущелью. Ее настиг незнакомый грузин и изнасиловал. Кое-как, избитая, в слезах и разорванной одежде добравшись до дома, она слегла, левую сторону тела парализовало. Адаму Ивановичу, самому еще не оправившемуся от давнего увечья, пришлось работать одному, так как сын Всеволод, подросток, учился в школе. Но к этой беде добавилась следующая. Мария, начинавшая понемногу ходить с костылем, неудачно упала и сломала больную ногу. Ко всему прочему, на ногах открылись трофические язвы, и Мария мучилась с этими болезнями много лет.

Сын Всеволод, высокий, бравый парень, красивый в мать, украинскую красавицу, веселый, хохмач, как сказали бы сейчас, уже служил на Черноморском флоте и по окончании службы остался в Севастополе. Женился, перевез к себе родителей. Адам Иванович устроился на работу садовником в сад главнокомандующего Черноморским флотом адмирала.

Ему был выделен дом в этом саду, прекрасном и большом, обильно плодоносящем стараниями Адама Ивановича и молодых матросов под его началом. Там Левицкие и дожили свой век. У Всеволода был свой дом у моря в частном секторе, хохотушка жена Лида, прекрасная и гостеприимная хозяйюшка, и двое детей, дочь Людмила и сын Виктор. Всеволод в зрелом возрасте унаследовал беду матери: сломал при падении ногу, образовались на долго не заживающей ноге трофические язвы. С такими болячками он и ушел из жизни, не дожив немного до семидесяти лет. После его смерти связь с семьей прервалась.

Семья Ольшевских из Романовки, где замужем за старшим сыном Виталием жила сестра Дмитрия Федосья, тоже была выслана, но отдельно. Старики Ольшевские с младшим неженатым Иосифом отправились в Казахстан, а Виталий с женой и двумя детьми, Виталием и Еленой, - в Карелию. После настойчивых просьб и длительных хлопот им разрешено было соединиться с родителями в Казахстане. Старые Ольшевские вскоре умерли, не пережив разлуку с родным домом, и как-то неожиданно ушел вслед за ними сын Иосиф. А Виталий с Федосьей – уже после войны, скорбя и горюя о гибели на войне сына Вити. Осталась от этой ветви семьи Корзунов только дочь Елена. Прожила всю жизнь в Казахстане, умерла в старости бездетной.

Второй брат из оставшихся на Украине Филипп, от которого два года назад сбежала жена Ольга, бездетный, не дожидаясь высылки, продал хату, хозяйство и уехал к старшему сыну Тихона Илье, который жил где-то далеко от родных мест, в маленьком городе на Днепре. Прожил там недолго и умер, сжигаемый одиночеством, тоской по вырванной из-под ног родной земле, братьям, сестрам, по неудавшейся жизни. Илья осужден в 1937 году по линии НКВД и где-то погиб, а где, неизвестно.

Второй сын Тихона Виктор получил собственными стараниями хорошее образование и, несмотря на принадлежность к семье «врагов народа», жил в Москве и работал всю жизнь инженером-конструктором на авиационном заводе. Умер в старости одиноким и бездетным.

Третьему сыну Тихона Петру удалось исполнить свою мечту - вернуться на Украину. Прожил хорошую, спокойную жизнь в Черкассах, умер в зрелом возрасте от болезни в кругу дружной любящей семьи.

Четвертый сын, Виталий, остался в Сибири, тоже получил высшее образование, имел семью, жил и работал в областном центре Томске. Дочь Ольга живет там же, сын Анатолий в Каргаске.

Сам же Тихон с женой Катериной, как и Мария, а теперь и Нина, и Виталий, спят вечным сном в принявшей их сибирской земле, куда забросила трудолюбивых и хозяйственных хлеборобов незавидная судьба.

Семью Броневицких, из которых вышла Мария, судьба тоже не жаловала. Настуня, Анастасия Русецкая, «железная помещица», как ее называли в Тыснывке, была выслана с двумя маленькими детьми в Иркутскую область. Все хозяйство конфисковано, отдано в колхоз, скопленные деньги увез сбежавший Казимир. Маленький сыночек Настуни Андрейка умер в ссылке, а с дочкой Ганей ей через некоторое время разрешили вернуться. Богатая ранее мать стала нищей, «врагом народа», и старшая Мария, дочь Русецкого, ее не приняла. Брат Андрей без раздумий взял сестру с дочкой к себе, в этой семье родственные связи всегда были крепкими. Дочка Ганя выросла, устроилась в городке Соколове на фарфоровый завод, получила квартиру. Сразу же забрала к себе мать. Вышла замуж и, казалось бы, живи и радуйся, но при родах умерла. Осталась бабушка с внуком одна, вернулась снова к брату Андрею, так как ни Мария, ни ее муж Андрей Бурковский ничего о матери и слышать не хотели. Настуня от горя исхудала, поседела, осталась одна тень от бывшей красавицы. Внук, младенец, вскоре умер, и о Настуне до конца ее жизни заботился брат Андрей.

Удивительные события иногда происходят в жизни, человеку с доброй и чистой душой и не понять... Сразу после похорон Настуни к дядьке Андрею пришли Бурковские, которые, отказавшись от матери, даже не пожелали присутствовать на ее похоронах. Потребовали и забрали все вещи, принадлежавшие ей, наследники, мол, только они. И если есть на белом свете кара небесная, то она пришла, хоть и заставила себя ждать. Через пятнадцать

лет Мария умерла в мучениях от онкологического заболевания, а их дочь Нина, теперь уже в свою очередь, выгнала отца из дома.

Брат Марии Андрей с женой Адэлей двух старших сыновей проводили на фронт, а сами испытали все ужасы фашистской оккупации. Дома их были сожжены, и долгое время после войны семья ютилась в землянке. Братья Ульянов и Юзек воевали вместе, остались живы и после победы временно были оставлены в наших войсках в Польше. Ульянов, уже женатый и имеющий сына, в июне 45-го был предательски убит из-за угла. Юзек похоронил брата, остался в Польше, женился. Остальные дети Андрея – Станислав, Стася и Сабина со своими семьями, жили в Житомире, там же у детей свой век закончили и отец с матерью.

Села Федоривки давно уже нет. На его месте сверкает на солнце, волнуется под теплым ветром золотое хлебное поле. Из года в год, каждое лето, тяжелые колосья клонятся к земле, шепчутся, как будто живые. О чем они думают, если живые? Может быть, тоскуют о прежних временах, когда срезали их под корень не бездушные грохочущие машины, а ласковые руки хлеборобов, настоящих, безмерно любящих эту землю, эти поля, отдающих им свою душу... Где теперь они!?